
UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00283477 8

С. А. Золотаревъ

сторико-литературные очерки

Пушкинъ и русское общество.

Гоголевская Русь.

С. Тургеневъ въ его жизни и творчествѣ.

Философія Л. Толстого

ъ его художественныхъ произведеніяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1909

С. А. Золотаревъ

Историко-литературные очерки

Пушкинъ и русское общество.
Гоголевская Русь.
И. С. Тургеневъ въ его жизни и творчествѣ.
Философія Л. Толстого
въ его художественныхъ произведеніяхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

3855

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Пушкинъ и русское общество.

СТРАН.

Дѣтство и юность Пушкина. Отраженіе общественности въ первыхъ произведеніяхъ. Пушкинъ на югѣ. Разочарованный герой Пушкина. П. въ Михайловскомъ. Положеніе П. послѣ 14 декабря. Личность П. Семейная жизнь. 27 января 1837 года. Ближайшіе преемники П. . 1

Первая борьба около имени П. 50-ые годы. П. и «реалисты». 70-ые годы. Пушкинскіе дни въ Москвѣ. 50-тилѣтній юбилей. 1899-ый годъ. Новыя точки зрѣнія на П. Заключеніе. 28

Гоголевская Русь.

«Тройка» Гоголевской Руси. Мертвыя души. Бѣдность и убожество Гоголевской Руси. Школа и воспитаніе. Ложь. Взятки. «Генералы». «Легкость мыслей». Гоголевская Русь и ея бытописатель. Трагедія художественнаго творчества въ произведеніяхъ Гоголя. Писательская драма самого Гоголя. Живучесть Гоголевской Руси . . 69

И. С. Тургеневъ въ его жизни и творчествѣ.

Эстетика Тургенева. Дома и за границей. «Аннибалова клятва» Природа и люди въ «Записк. Охотн». Лишніе и сильные люди. Женскіе типы. «Потугинскія идеи». «Плантаторы» и «новь». Послѣдніе годы Тургенева. Общественные взгляды «постепеновца». Привѣтъ безыменной Руси 104

Философія Л. Толстого въ его художественныхъ произведеніяхъ.

Разница между новымъ и старымъ стилемъ. Искусство и философія. Смерть и «Воскресеніе» у Толстого. Религіозный смыслъ жизни. Религія и церковь. Заповѣди Т. «Ложная наука». «Ложное искусство». «Ложный порядокъ». Счастье героевъ Толстого. Слабое мѣсто толстовскаго ученія. Заключеніе 141

Пушкинъ и русское общество.

Со времени Бѣлинскаго у насъ можно считать прочно установленнымъ тотъ взглядъ, что величіе и значеніе писателя измѣряется и объясняется тѣмъ, насколько глубоко всѣ корни его горей и радостей вросли въ почву современной ему общественности. Изъ этого положенія вытекаетъ другое: степень общественнаго развитія опредѣляется, между прочимъ, тѣмъ или инымъ отношеніемъ общества къ своимъ выдающимся писателямъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ въ оцѣнкѣ писателя раскрывается способность къ историческому пониманію своего прошлаго или настоящаго, безъ чего немыслима сознательная работа на созиданіе лучшаго будущаго.

Съ этой точки зрѣнія и представляется весьма интереснымъ разсмотрѣть личную судьбу нашего Пушкина, общее направленіе его поэзіи и отношеніе къ нему общества въ связи съ важнѣйшими по крайней мѣрѣ моментами нашей общественной жизни.

Итакъ перенесемся мысленно къ самому началу XIX в., когда душа Пушкина-ребенка только что еще начинала отзываться на внѣшнія впечатлѣнія, и когда только что еще зарождалось общественное самосознаніе у насъ на Руси, и западно-европейское образованіе едва начинало приспособляться къ нашему сѣверному

климату, мало-по-малу заглушая сорные злаки византійской спеси и татарскаго хамства, возросшіе на дѣвственной почвѣ славянской народности. Борьба тьмы и свѣта, старыхъ обычаевъ и новыхъ приличій сказывалась во всемъ, и типичной картиной этой пестроты могутъ служить тогдашнія дворянскія гнѣзда, въ томъ числѣ и домъ С. Л. Пушкина. Здѣсь представителей высшаго столичнаго общества и корифеевъ тогдашней литературы встрѣчаетъ въ передней грязная и пьяная дворня, какъ фамусовскій Петрушка, „съ вѣчной обновкой—съ разодраннымъ локтемъ". Здѣсь рядомъ съ богатой заграничной мебелью доживаетъ свой вѣкъ убогій кривоногій стулъ, издѣліе крѣпостного столяра. Здѣсь на званыхъ обѣдахъ изысканныя произведенія французской кухни и великолѣпныя вина должны примирять гостей съ весьма обычной нехваткой въ простыхъ стаканахъ. Словомъ, здѣсь вѣчно все наизнанку. Тотъ же безпорядокъ царитъ и въ головахъ хозяевъ подъ ихъ безупречной шевелюрой. Своихъ гостей они очаровываютъ любезностью настоящихъ европейцевъ, своихъ крѣпостныхъ приводятъ въ трепетъ суровостью русскихъ помѣщиковъ. Отецъ поэта, воспитанный на французской литературѣ XVIII в., говоритъ смѣшные каламбуры у гроба жены, а на старости лѣтъ влюбляется въ 16-ти-лѣтнюю дѣвушку, пишетъ ей французскіе стихи и проливаетъ слезы, не находя взаимности. Онъ, раціоналистъ и поклонникъ ученія о равенствѣ, братствѣ и свободѣ, готовъ бы поставить мавзолей своей умершей собачкѣ, если бы не боялся, что его „запишутъ въ язычники его мужланы", которыхъ онъ впрочемъ презираетъ; и онъ же впослѣдствіи становится шпіономъ за своимъ сыномъ, величаетъ его атеистомъ и извергомъ. Русскій помѣщикъ, связанный съ деревней многовѣковымъ прошлымъ своего рода, онъ терпѣть не можетъ деревни. Деревня для него, какъ и вообще для людей его круга, это, съ одной стороны, запечатанныя

мѣдной пуговицей скучныя письма старосты о недородѣ, пожарахъ, падежахъ, которыя нужно поскорѣе за альбомными стихами забыть, а съ другой стороны, это пачки засаленныхъ мужицкихъ ассигнацій, которыя нужно съ наибольшей пріятностью прожить на разные продукты иноземнаго производства отъ прованскаго масла и пудры до гувернеровъ и боннъ включительно. Умъ Сергѣя Львовича, неистощимый на остроты, совершенно безсиленъ передъ задачей найти по крайней мѣрѣ хорошаго управляющаго въ деревню и хорошаго учителя къ дѣтямъ, и въ первыхъ строкахъ плана автобіографіи великаго поэта мы читаемъ: „Первыя непріятности—гувернантки. Монфоръ, Русло, Катерина Петровна, Анна Ивановна. Нестерпимое состояніе. Охота къ чтенію“.

Какъ же родители, создавшіе ребенку „нестерпимое состояніе“ своими заботами о его воспитаніи, воспользовались его охотой къ чтенію? Ему открытъ былъ доступъ въ отцовскую библіотеку, и онъ безъ разбора поглотилъ все, что создано было распущенной французской литературой конца XVIII в. и что приходилось по вкусу праздному дворянству всѣхъ странъ. Впослѣдствіи поэтъ, отпуская жену въ ея родовое помѣстье, гдѣ еще съ дѣдомъ была собрана такая же библіотека, умоляетъ ее не читать этихъ „скверныхъ книгъ, не марать себѣ воображеніе“. Въ этихъ словахъ Пушкинъ очень вѣрно опредѣлилъ качество матеріала, усвоеннаго и имъ самимъ въ раннемъ дѣтствѣ.

Когда задумываешься надъ вопросомъ о томъ, какъ это могло случиться, что при такихъ условіяхъ домашняго воспитанія, „проклятаго, самаго безнравственнаго“, по отзыву поэта, въ эпоху рабства, невѣжества или слѣпого подражанія иностранцамъ, словомъ, какъ въ до-реформенной Россіи появлялись люди не только не дурные, но и прямо-таки хорошіе, любящіе русскій народъ,—тогда невольно вспоминаешь крѣпостныхъ дядекъ

и нянекъ. Они по силѣ любви, забывая о всѣхъ оскорбленіяхъ, побояхъ, капризахъ господъ, являлись къ дѣтямъ ровные, ласковые, и на ночь „духовъ молитвой отклоня", начинали у изголовья барченка свои сказки, созданныя вѣковой народной педагогикой, и дѣйствительно отъ ребенка отлеталъ нечистый духъ, весь день вѣявшій на него и отъ пустыхъ, часто грязныхъ разговоровъ родителей и гостей и изъ книгъ, созданныхъ грязнымъ воображеніемъ на забаву празднаго свѣта. Это прикосновеніе къ чистой народной душѣ, иногда бывшее единственнымъ свѣтлымъ пятномъ на фонѣ печальнаго дѣтства, спасло многихъ русскихъ людей, оздоровило ихъ талантъ, заронило любовь къ народу, которой не могла дать имъ, какъ и Пушкину, ни семья ни школа.

Какова была тогдашняя школа, мы можемъ судить по Лицею, въ которомъ воспитывался Пушкинъ. Начать съ того, что въ этомъ строго аристократическомъ учебномъ заведеніи былъ въ числѣ преподавателей совершенно демократическій братъ французскаго революціонера Марата. Съ красотами нѣмецкой поэзіи лицеисты знакомились на французскомъ языкѣ, и если еще припомнить, что одинъ изъ домашнихъ учителей Пушкина по русскому языку былъ нѣмецъ Шиллеръ, то этихъ данныхъ вполнѣ достаточно для объясненія всегдашняго нерасположенія Пушкина къ нѣмецкому языку. Лицейскій математикъ, самъ не поклонникъ сухихъ формулъ, развивалъ воображеніе питомцевъ свѣжими царскосельскими анекдотами, а философъ Галичъ, „мудрецъ лѣнивый, апостолъ нѣги и прохладъ", предпочиталъ философскому туману пары Бахуса, за что молодые послѣдователи воспѣвали его и въ прозѣ и въ стихахъ. Общая система воспитанія, если о ней позволительно говорить, мѣнялась съ каждымъ новымъ директоромъ, т.-е. чуть не ежегодно. По одно время директоромъ былъ подполковникъ Фроловъ, одинъ изъ оригиналовъ

грибоѣдовскаго Скалозуба; онъ видѣлъ въ лицеистахъ солдатъ и такъ началъ ихъ подтягивать, что начальство признало за благо вскорѣ его убрать. Его смѣнилъ добрякъ Энгельгардтъ, настоящій дворянскій учитель, видѣвшій въ лицеистахъ только благородно рожденныхъ юношей, которымъ все позволено, и такъ ихъ распустившій, что, напр., Пушкину съ товарищами сократили на нѣсколько мѣсяцевъ курсъ, лишь бы поскорѣе отдѣлаться отъ молодыхъ повѣсъ, наполнившихъ всѣ окрестности славою своего имени.

Но нѣтъ худа безъ добра. Лицей мало развивалъ способности учащихся, даже не зналъ ихъ зачастую, не удерживалъ дурныхъ инстинктовъ, но за то не заглушалъ и природныхъ дарованій. Въ ту пору, когда розги считались самымъ радикальнымъ средствомъ для надлежащаго усвоенія подозрительныхъ суррогатовъ науки, нужно признать хорошими воспитателями тѣхъ, о которыхъ можно было сказать, какъ сказалъ Пушкинъ о своихъ:

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Мы знаемъ, какъ рано проснулся въ Пушкинѣ поэтическій талантъ. Искра самостоятельности блеснула въ немъ уже тогда, когда онъ, семилѣтній авторъ, скрѣпя сердце, осмѣялъ свои французскіе стихи за то, что высоко было бы оцѣнено его отцомъ или дядей — за близость къ французскому образцу. Безшабашная лицейская жизнь, къ которой онъ былъ расположенъ по своей африканской крови, увлекла его музу, но подъ наноснымъ сором неопрятныхъ наслажденій тлѣла искра Божія, и только его сосѣдъ по комнатѣ зналъ, какъ горько иногда плакалъ по ночамъ молодой поэтъ послѣ бѣшено проведеннаго дня. Несомнѣнно, что благотворно повліяли на развитіе пушкинскаго таланта знаменательныя впечатлѣнія, вызванныя эпохой Отече-

ственной войны, которая все общество настроила на болѣе серьезный ладъ. Въ одномъ изъ своихъ, къ сожалѣнію, не законченныхъ произведеній Пушкинъ, на сорокъ лѣтъ предупреждая автора „Войны и мира“, даетъ намъ исторически вѣрную картину того, какъ перерождалось офранцуженное общество, переходя отъ преклоненія передъ Наполеономъ къ апоѳеозу „Благословеннаго“ царя и проявляя свой патріотизмъ на первыхъ порахъ тѣмъ, что французскій табакъ въ табакеркахъ замѣнялся русскимъ, а лафитъ уступилъ мѣсто кислымъ щамъ. Но этой игрой дѣло не ограничивалось: люди шли умирать на бородинскихъ редутахъ, мерзнуть на бивуакахъ и кончили тѣмъ, что „повалили тяготѣвшій надъ царствами кумиръ, своею кровью искупили Европы вольность, честь и миръ“. Военная гроза очистила душную общественную атмосферу. Парчу и бархатъ уносили на себѣ французы изъ сожженной Москвы; съ запасомъ новыхъ чувствъ и мыслей возвращались русскіе изъ плѣненнаго Парижа. Правда, старшіе современники Пушкина, еще хуже, чѣмъ онъ, воспитанные, не вынесшіе изъ школы руководящей нити, часто изъ одного лишь празднаго любопытства бросались на эту духовную добычу, подобно грибоѣдовскому Репетилову. Но все-таки у многихъ и очень многихъ пробудилась и осталась пытливость, стремленіе къ осмысленному существованію, вражда ко всему низкому, пошлому, раболѣпному. Поколѣніе, не однажды смотрѣвшее въ глаза смерти, стало невольно серьезнѣе относиться къ жизни. На поляхъ сраженія легкомысленные вольтеріанцы пріучились молиться православному Богу, которому испоконъ вѣковъ молился простой народъ, и тутъ же для господъ надъ ревизскими душами открылся новый міръ—міръ человѣческой, живой души милліоннаго народа — и господа впервые почуяли духовную силу рабовъ. Пробудилось желаніе знать не только настоящее, но и прошлое этого народа-великана, и

„Исторія Государства Россійскаго“ раскупается нарасхватъ, подготовляя читателей „Бориса Годунова“, „Полтавы“, „Капитанской дочки“.

„Даже свѣтскія дамы бросились читать исторію“, замѣчаетъ Пушкинъ, и онъ же первый отмѣчаетъ типъ новой русской женшины, женщины-гражданки, созданный этимъ чуднымъ временемъ и впослѣдствіи украсившій романы Тургенева.

„Развѣ женщина не имѣетъ отечества“, говоритъ одна изъ его героинь въ неоконченномъ „Рославлевѣ“: „развѣ кровь русская для насъ чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы насъ на балѣ вертѣли въ экосезахъ, а дома заставляли вышивать по канвѣ собачекъ? Нѣтъ, я знаю, какое вліяніе женщина можетъ имѣть на мнѣніе общественное. Я не признаю уничиженія, къ которому присуждаютъ насъ“.

Не миновало Пушкина и указанное стремленіе къ „опрощенію“, къ сближенію съ народомъ. У него уже шевелится мысль о первомъ его произведеніи, гдѣ „русскій духъ и Русью пахнетъ“—о „Русланѣ и Людмилѣ“. Онъ уже не только пѣвецъ нѣги, золотыхъ локоновъ и маленькихъ ножекъ. Его любимыми риѳмами становятся въ эту пору звучныя слова „свободный“ и „народный“, „свобода“ и „народа“, и его стихи, отвѣчая на общее, хотя и смутное настроеніе, наводняютъ, по словамъ оффиціальнаго документа, всю Россію, и самому царю становится извѣстна его знаменитая „Деревня“ съ ея заключительнымъ пожеланіемъ, одна часть котораго—паденіе рабства—исполнилась 24 года спустя по смерти поэта, а выполненіе второй—восходъ свободы просвѣщенной—лежитъ на нашемъ поколѣніи...

Самъ Пушкинъ и не безъ основанія говорилъ, что въ это время онъ имѣлъ больше значенія одинъ, чѣмъ все министерство просвѣщенія. Въ немъ уже было сознаніе своего таланта, и онъ писалъ, что „ве-

ликимъ быть желаетъ, любя Россіи честь“. Но въ сущности Пушкинъ пока еще мало зналъ эту Россію. Онъ воспѣлъ князя Владиміра и витязя Руслана, возмутивъ старомодныхъ критиковъ нѣсколькими чисто-народными словечками, онъ получилъ отъ царя благодарность „за добрыя чувства“, выраженныя въ „Деревнѣ“, своихъ пріятелей онъ спрашиваетъ въ письмахъ не только объ актрисахъ, но и о военныхъ поселеніяхъ, заявляя, что „ненавидитъ деспотизмъ“, онъ прославляетъ „Свободу“ и осмѣиваетъ временщиковъ такими стихами, которые до сихъ поръ появлялись въ печати съ цѣлыми рядами точекъ—но во всемъ этомъ еще больше всего было того международнаго литературно-политическаго романтизма, который послѣ наполеоновскихъ войнъ, заливая слѣды чужеземнаго господства, шумной волной прокатился по всей Европѣ отъ Москвы и Петербурга до Вѣны, Неаполя, Аѳинъ и Мадрита. Навстрѣчу этой волнѣ уже шла другая волна метерниховской реакціи. И у насъ „шапка золота литого“ замѣнилась просто каскою „фрунтового солдата“, а „станъ русскихъ воиновъ“ обратился въ аракчеевскія военныя поселенія. Эта реакціонная волна докатилась и до Пушкина и отбросила его на дальній югъ. Начались годы скитаній по южнымъ окраинамъ Россіи. Онъ попалъ въ Кишиневское общество, гдѣ представители нѣсколькихъ европейскихъ и азіатскихъ національностей, покрытые захолустной плѣсенью, составляли невообразимый букетъ разнообразныхъ продуктовъ общественнаго разложенія, гдѣ недоставало только проповѣди человѣконенавистничества, чтобы эта грязь залита была кровью.

При томъ настроеніи духа, въ какомъ явился сюда Пушкинъ, испытавъ, „когда его постигнулъ остракизмъ, толпы безумной презрѣнный робкій эгоизмъ“ и даже „въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну“—неудивительно, что онъ окунулся съ головой въ грязь этого Содома,

какъ онъ называлъ Кишиневъ, и только вдохновеніе спасло его здѣсь, какъ спасало и „въ мертвящемъ упоеньи свѣта, среди бездушныхъ гордецовъ, среди блистательныхъ глупцовъ, среди кокетокъ богомольныхъ, среди холоповъ добровольныхъ“.

Пушкинъ начинаетъ заниматься самообразованіемъ, чтобы „въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“. Затѣмъ судьба сводитъ его съ цѣлымъ обществомъ сверстниковъ, занятыхъ думой о политическомъ заговорѣ. Здѣсь его время протекало „между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ“. Шампанское не жалѣли для тостовъ за здоровье „тѣхъ и той“, и „тѣ“— были итальянскіе карбонаріи, а „та“—„давно желанная заря, заря свободы дорогая“.

Естественно, что мысль Пушкина несется и туда, куда стремился съ своей родины Байронъ—на помощь возставшимъ грекамъ, и случай сводитъ его съ потомками Леонида и Θемистокла. Но трезвый, историческій умъ, уже успѣвшій подняться до ироніи надъ „демократическимъ халатомъ“ радикальныхъ соотечественниковъ, дѣлаетъ новое усиліе, и къ соблазну друзей Пушкинъ чрезвычайно рѣзко относится къ грекамъ, смѣшивавшимъ дѣло народной свободы съ интересами личной наживы или самолюбія.

Къ концѣ концовъ его тянетъ куда-нибудь подальше отъ цивилизованныхъ людей, отъ „неволи душныхъ городовъ, гдѣ любви стыдятся, мысли гонятъ, торгуютъ волею своей, главы предъ идолами клонятъ и ищутъ денегъ да цѣпей“. „Неуимчивый“ духъ поэта, какъ его характеризовала Ирина Родіоновна, летѣлъ „за призракомъ свободы“ въ молдавскія степи, въ Крымъ, на Кавказъ, отдавая дань тому настроенію, которое охватило тогда всѣхъ мало-мальски мыслящихъ людей отъ великаго Байрона до малаго Алеко. Быстро мѣняется

обстановка, на фонѣ которой дѣйствуютъ пушкинскіе герои этого періода, составляющіе звенья одной цѣпи—петербургскій большой свѣтъ, гдѣ впервые подстерегла Онѣгина его хандра, дворецъ Бахчисарая, цыганскій таборъ, кавказскій аулъ, и наконецъ глухая русская деревня, гдѣ скучалъ Евгеній, и гдѣ Пушкинъ окончательно пришелъ къ выводу, что „не мила свобода тому, кто къ нѣгѣ пріученъ, кто для себя лишь хочетъ воли", что равнодушіе къ жизни и преждевременная старость должны быть удѣломъ „современнаго человѣка съ его

Безнравственной душой, себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ".

Пушкина заточили въ Михайловское, потому что усматривали вредное вліяніе его на духъ войскъ, расположенныхъ на югѣ Россіи (!), потому что его не оставляли своимъ вниманіемъ добровольные соглядатаи, и потому что въ его письмѣ нашли указаніе на интересъ его къ атеистической философіи. Но чистый атеизмъ, о которомъ писалъ Пушкинъ, былъ только переходной ступенью отъ дѣтской наивной вѣры и юношескаго индифферентизма. Въ Михайловскомъ на столѣ поэта очутился коранъ, а потомъ библія. Въ то же время книжныя полки быстро пополнялись книгами, такъ что потомъ пушкинская библіотека перевозилась на нѣсколькихъ возахъ, а всѣ привезенные съ юга трофеи—женскіе туфельки, ленточки, бантики, полетѣли въ печь. Феноменальная лѣнь и разсѣянность, унаслѣдованныя отъ десятка поколѣній предковъ, не имѣвшихъ надобности трудиться, уступаютъ передъ желаніемъ пополнить пробѣлы „проклятаго" воспитанія. Многое переживъ, осмысливъ массу разнородныхъ впечатлѣній и встрѣчъ, перечитавъ все, что было тогда замѣчательнаго въ европейской литературѣ, породнившись съ народнымъ складомъ мысли въ бесѣдахъ

съ няней и окрестными мужиками, Пушкинъ, этотъ „арапчикъ“ въ семьѣ, „французъ“ въ Лицеѣ, сталъ въ жизни вообще европейцемъ по образованію, вполнѣ русскимъ по симпатіямъ и убѣжденіямъ и просто великимъ человѣкомъ по необыкновенной живости, гибкости, ясности ума, чрезвычайной силѣ воли, по высокому благородству характера, привлекательной простотѣ житейскихъ отношеній.

Гирей, Алеко, Плѣнникъ, Онѣгинъ — это были отдѣльные фазисы, которые онъ пережилъ и изъ которыхъ онъ, такъ сказать, выросъ прежде, чѣмъ они исчезли въ обществѣ, и онъ принужденъ былъ забросить Онѣгина неоконченннымъ, такъ какъ публика и критика отказывались вѣрить въ правдоподобіе лица, до неузнаваемости измѣнившагося на протяженіи послѣднихъ главъ романа.

Но и общество, куда вернулся поэтъ съ 1826 года, не стояло на мѣстѣ за то время, пока онъ былъ въ изгнаніи, и непривѣтливо, одиноко было положеніе поэта среди этого общества, безъ друзей юности, снесенныхъ бурей 14 дек. 1825 г. Пережившіе это крушеніе какъ то опустились и, если можно такъ выразиться, полиняли. Весьма типиченъ одинъ изъ героевъ Пушкина, который разсуждаетъ, что въ 1828 г. смѣшно оставаться съ идеями 1818 г. — тогда были въ модѣ строгость правилъ и политическая экономія, теперь танцы, волокитство, карты; надо слѣдовать духу времени и оставить молодыя бредни.

Слѣдуя этой теоріи, Булгаринъ, когда-то бывшій въ дѣловыхъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ и напропалую либеральничавшій въ концѣ Александровскаго царствованія, теперь служитъ по особымъ порученіямъ у шефа жандармовъ Бенкендорфа и подаетъ діавольски тонкій планъ—обезвредить русскую литературу, связавъ литераторовъ ласковымъ обхожденіемъ и снятіемъ запрещенія писать о бездѣлицахъ, напр. о театрѣ, и

мистифицировать общественное мнѣніе „одною только тѣнью свободы во мнѣніяхъ насчетъ нѣкоторыхъ мѣръ и проектовъ правительства“, „нижнимъ состояніемъ“ (сословіемъ) управлять „съ помощью магическаго жезла: Матушка Россія, представляя сей священный предметъ въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ“.

Бенкендорфъ милостиво благодарилъ Булгарина „за весьма пріятные труды и усердіе на пользу общую“, и изъ проектовъ и мѣропріятій въ этомъ духѣ создавался порядокъ, съ которымъ не могъ примириться ни одинъ независимый умъ, прилаживаться къ которому свободная мысль могла, лишь заглушая себя. Тяжело было положеніе Пушкина въ этой атмосферѣ мнимой, кажущейся свободы. Неожиданно для него самого создавшаяся близость къ государю, изъявившему желаніе быть его цензоромъ, не избавила его отъ звѣрства общей цензуры и самыхъ ужасныхъ подозрѣній. Для министерства внутреннихъ дѣлъ онъ оставался „извѣстнымъ сочинителемъ вольныхъ стиховъ“, для почитателей классицизма „змѣей скрытно на зеленыхъ вѣтвяхъ сидящей, которой данъ гласъ соловьиный“. Его стихъ въ „Онѣгинѣ“: „и стаи галокъ на крестахъ“ вызвалъ противъ него со стороны духовнаго начальства грозное обвиненіе въ неуваженіи къ религіи. Профессоръ нѣжинскаго лицея доносилъ на товарища, что тотъ читаетъ „Александра Пушкина и другихъ подобныхъ“.

Пушкинъ долженъ былъ жаловаться Бенкендорфу, что цензура недовольствуется прямымъ смысломъ его сочиненій, а ищетъ у него намековъ, „а обвиненія въ примѣненіяхъ и подразумѣніяхъ не имѣютъ ни границъ, ни оправданій, если подъ словомъ *дерево* будутъ разумѣть *конституцію*, а подъ словомъ *стрѣлы—самодержавіе*“. (Въ стих. „Анчаръ“). Но этимъ нельзя было растрогать Бенкендорфа, который сталъ посредникомъ между государемъ и поэтомъ. Одинъ изъ капризовъ нашей исторіи — нѣмецъ, коверкавшій русскія фамиліи на нѣ-

мецкій ладъ, чтобы легче ихъ запомнить, и оказавшійся въ роли блюстителя русской народности и покровителя русской поэзіи, онъ обнаруживалъ самое горячее желаніе совмѣстить должность шефа жандармовъ съ занятіями литературнаго критика и позволялъ себѣ, возвращая Пушкину одно изъ крупнѣйшихъ его произведеній, замѣтить поэту: „Мы (т. е. онъ Бенкендорфъ и императоръ Николай) ожидали бо̀льшаго“.

Ни одинъ шагъ Пушкина не оставался скрытымъ отъ его „отеческаго“ надзора. Почтъ-директоръ Булгаковъ дѣлалъ для него выписки изъ частной переписки Пушкина. Литераторъ Плетневъ, человѣкъ, по отзыву полиціи, тихій и скромный, былъ отданъ подъ особый надзоръ только потому, что взялъ на себя хлопоты по изданію сочиненій Пушкина. Когда Пушкинъ, работая надъ исторіей пугачевщины, отправился въ Оренбургъ, то за нимъ предписано было имѣть неослабный надзоръ, и Пушкинъ безпрепятственно могъ собирать матеріалъ только потому, что предписаніе изъ Петербурга, по русскому обычаю, запоздало и прибыло черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда Пушкина изъ Оренбурга. За все и про все Пушкина журятъ, какъ школьника; въ особенности достается ему, когда онъ осмѣливается прочесть что-нибудь новое въ кругу друзей до представленія на просмотръ, а между тѣмъ подчиненный Бенкендорфа Ольдекопъ издаетъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ переводомъ русскій текстъ „Кавказскаго плѣнника“, и поэтъ не можетъ найти удовлетворенія за нарушеніе авторскихъ правъ. Печатаніе „Бориса Годунова“ задерживается, пока Булгаринъ стряпаетъ своего „Самозванца“, который долженъ былъ, по мысли Бенкендорфа, предстать предъ публикой, какъ оригиналъ пушкинской трагедіи. И опять-таки Пушкинъ могъ отвѣтить на это лишь „китайскимъ анекдотомъ“ о пекинскомъ романистѣ Фанъ-хи, который, подслушавъ изъ прихожей мандарина произведеніе трагика Фанъ-хо, склеилъ изъ

него чрезвычайно скучный романъ, и, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изо всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъ образомъ.

Нимало не облегчая, а скорѣе затрудняя Пушкину его литературную дѣятельность, близость ко двору имѣла и еще невыгодную сторону. Съ самаго момента прiѣзда изъ Михайловскаго, когда Пушкинъ съ перваго же разговора привлекъ вниманiе Николая I, онъ и самъ подпалъ подъ влiянiе личности царя.

Это было не съ однимъ Пушкинымъ. Характерно въ этомъ отношенiи извѣстiе о томъ, что декабристы, уходя съ личныхъ допросовъ, уносили увѣренность, что они произвели впечатлѣнiе на Николая и могутъ надѣяться на сравнительно благопрiятный исходъ. Но вполнѣ естественно, что для большой публики искренность Пушкина была подъ сомнѣнiемъ, и его отношенiя къ царю комментировались въ дурную сторону. Пушкинъ это зналъ и страшно тяготился сознанiемъ, что его подозрѣваютъ въ лести.

Я льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:
Онъ горе на царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.
Онъ скажетъ: презирай народъ,
Гони природы голосъ нѣжный!
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ -
Развратъ и нѣкiй духъ мятежный!
Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу.

Въ печать это стихотворенiе попасть не могло, хотя государь „остался совершенно доволенъ имъ“, какъ сообщилъ поэту Бенкендорфъ, тотъ самый Бенкендорфъ, который незадолго передъ тѣмъ указывалъ Пушкину, что въ поданной имъ государю запискѣ о воспитанiи проводится вредная для общественнаго спокойствiя

мысль, будто просвѣщеніе нужно ставить выше всего, даже служебнаго усердія.

Конечно, и обвинители Пушкина не могли печатно высказывать своихъ соображеній, но несомнѣнно, что эти соображенія отразились на тонѣ критическихъ статей, посвященныхъ Пушкину. Въ нихъ слышалось что-то недоговоренное, какое-то недосказанное и потому остававшееся неопровергнутымъ обвиненіе, какое-то недовольство, не пріуроченное къ чисто литературнымъ недочетамъ пушкинскихъ твореній, теперь несомнѣнно болѣе зрѣлыхъ, чѣмъ лѣтъ 7—8 назадъ. Пушкинъ чувствовалъ, что создается почва, на которой ему нельзя стать твердой ногой, что теперь и конь съ копытомъ и ракъ съ клешней могутъ показать на немъ свои силы. „Толпа радуется униженію высокаго", говорилъ онъ: „она въ восхищеніи, когда у ней найдется поводъ сказать: онъ малъ, какъ мы, онъ мерзокъ, какъ мы".

Великосвѣтскіе холопы начинали уличать его тоже въ лести, предатели писали доносы, люди безъ мысли и убѣжденій отыскивали у него вредныхъ мыслей, литературные барышники предостерегали читателей отъ его корыстолюбія. Чаще и чаще ему приходятъ въ голову мрачныя предчувствія. Начатыя стихотворенія остаются незаконченными. Онъ избѣгаетъ выступать въ печати подъ своимъ именемъ: нѣкоторыя вещи выдаются имъ за переводъ съ иностраннаго; прозаическія повѣсти выходятъ подъ псевдонимомъ Бѣлкина. Въ его взглядахъ на поэзію наступаетъ полоса, когда онъ съ особеннымъ сочувствіемъ примыкаетъ къ Шеллингіанскимъ воззрѣніямъ, господствовавшимъ въ московскомъ кружкѣ Веневитинова и нашедшимъ выраженіе въ стихотвореніяхъ: „Поэтъ", „Поэту" „Ямбы" (Поэтъ и чернь). „Великосвѣтская чернь", какъ онъ обыкновенно выражается въ своихъ письмахъ, ждетъ отъ него альбомныхъ стишковъ, новыхъ анекдотовъ, потому что „толпа взираетъ на поэта, какъ на фигляра", и встрѣчаетъ

равнодушными аплодисментами „выстраданный стихъ, пронзительно унылый“. И вотъ однажды на балу, на просьбу прочесть что-нибудь новенькое, поэтъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи кинуть „хладной и надменной черни“ негодующую рѣчь:

Подите прочь, какое дѣло
Поэту мирному до васъ?
Въ порокѣ каменѣйте смѣло:
Не оживитъ васъ лиры гласъ.
Душѣ противны вы, какъ гробы,
Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры!

Много нужно было изобрѣтательности, чтобы съ больной головы на здоровую отклонить эти злыя строки по адресу простой „черни“, и не мало легковѣрія, чтобы принять такое толкованіе.

Нѣтъ, не сказалъ бы этого Пушкинъ „своей публикѣ“, которая уже нарождалась въ чуждой свѣтскихъ сплетенъ далекой провинціи, откуда время отъ времени доходили до Пушкина вѣсти, трогавшія его до глубины души, какъ видно, напр., изъ его посланія „Анониму“. Для этой не „хладной, надменной и тупой“, а отзывчивой и признательной и большею частью юной публики хотѣлъ бы писать Пушкинъ, но, къ сожалѣнію, во всемъ, что печаталось имъ за послѣдній періодъ жизни, было лишь слабое отраженіе его богатой внутренней жизни, которую намъ приходится возсоздавать по отдѣльнымъ фрагментамъ, письмамъ, воспоминаніямъ и т. д. Чаще всего бывалъ онъ самимъ собой въ тѣсномъ кругу Росетти-Смирновой, гдѣ собирались Жуковскій, потомъ Гоголь, иногда Крыловъ, Хомяковъ, Кирѣевскій и др. Здѣсь Пушкинъ слылъ „Искрой“, здѣсь передъ изумленными, зачарованными слушателями развертывалось его колоссальное образованіе, раскрывались его взгляды на положеніе Россіи, сообщались

литературные планы, которымъ суждено было остаться въ черновыхъ тетрадяхъ.

На основанiи того мозаически пестраго матерiала, который сохранился до нашего времени и донынѣ продолжаетъ извлекаться изъ-подъ спуда, попробуемъ возстановить этотъ образъ живого Пушкина въ зрѣлую пору его жизни.

Бѣлинскiй, у котораго мы находимъ первую по времени и одну изъ лучшихъ оцѣнку Пушкина, указалъ, какъ на самое важное его достоинство—гуманность, проникающую его произведенiя. Другой критикъ изъ партiи, совершенно враждебной Бѣлинскому, также отмѣтилъ, что Пушкинъ глубоко понималъ тѣсную, неразрывную связь изящнаго съ нравственнымъ. Дѣйствительно, кого бы ни изображалъ Пушкинъ—всегда въ основѣ характеристики лежатъ черты общечеловѣческiя, подмѣчаемыя съ необыкновенной мягкостью, и затѣмъ уже особенности, связанныя съ общественнымъ, имущественнымъ положенiемъ лица, съ возрастомъ, поломъ и т. д. Для насъ теперь покажется смѣшнымъ, а между тѣмъ по поводу „Братьевъ разбойниковъ" критика 20-хъ годовъ совершенно серьезно ставила Пушкину въ вину, что эта поэма вызываетъ въ читателѣ какое-то состраданiе къ злонамѣреннымъ людямъ, заслуживающимъ своими преступленiями жестокой уголовной кары. Перечитывая переписку Пушкина, невольно удивляешься этому необыкновенному сердцу. Вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, онъ постоянно кому-нибудь помогаетъ. Оторванный въ Михайловскомъ отъ свѣта, онъ даетъ въ этомъ дѣлѣ порученiя своимъ друзьямъ. И кто только къ нему не обращался за помощью! Самъ подъ полицейскимъ надзоромъ, въ постоянномъ подозрѣнiи, онъ, напр., обращается къ Бенкендорфу съ ходатайствомъ за семью одного декабриста, очень трогательно рисуя безвыходность положенiя бѣдной семьи слѣдующими словами: „Уже то самое, что

она обращается ко мнѣ, свидѣтельствуетъ, до какой степени у нея мало друзей, надеждъ и способовъ". Можно конечно упрекать Пушкина въ наивности, но до конца жизни онъ былъ увѣренъ, что дождется возвращенія сосланныхъ декабристовъ и что можетъ быть онъ лично посодѣйствуетъ этому своимъ вліяніемъ на царя.

Другой выдающейся чертой пушкинскаго характера была замѣчательная искренность и благородство во всѣхъ сношеніяхъ съ людьми. Посылая, напр., черезъ Жуковскаго прошеніе о дозволеніи оставить Михайловское, онъ настойчиво предупреждаетъ своего заступника не ручаться за него и ничего не обѣщать: его поведеніе будетъ зависѣть всецѣло отъ обращенія съ нимъ. На первой же аудіенціи онъ поспѣшилъ заявить Николаю, что только случай помѣшалъ ему выйти 14-го декабря на площадь съ его друзьями. Онъ любилъ повторять слова Ломоносова, что не хочетъ быть шутомъ даже передъ лицомъ Царя Небеснаго. Назначенный камеръ-юнкеромъ, Пушкинъ не скрывалъ своего чувства обиды, и когда одинъ изъ великихъ князей поздравилъ его съ назначеніемъ, онъ отвѣтилъ: „Благодарю Ваше Высочество: Вы первый меня поздравили; до сихъ поръ всѣ надо мной смѣялись".

Умѣя зло и ѣдко отвѣтить всякому, когда это было нужно, Пушкинъ вообще былъ очень добродушенъ и скроменъ. Смирнова разсказываетъ, что однажды, встрѣтившись у нея съ Пушкинымъ, французскій дипломатъ Барантъ, до тѣхъ поръ незнакомый съ поэтомъ, сумѣлъ вызвать его на очень подробное изложеніе своихъ взглядовъ по разнымъ общественнымъ вопросамъ и не могъ скрыть своего восторга. Пушкинъ былъ очень смущенъ и даже на другой день пріѣзжалъ спросить, какъ думаетъ хозяйка—не слишкомъ ли безтактно онъ поступилъ, прочитавъ наканунѣ цѣлую лекцію. Благодаря этому качеству, поэта мало знали

въ сущности близкіе къ нему люди. Такъ поэтъ Баратынскій, которому пришлось по смерти Пушкина ознакомиться съ его бумагами, въ пріятельскомъ письмѣ искренно признается, что его поразило „обиліе мыслей“ у Пушкина. „Пушкинъ мыслитель. Кто могъ этого ожидать?“

Пушкина называютъ иногда „аристократомъ“. Дѣйствительно, онъ не забывалъ своего происхожденія и то юмористически называлъ себя „дворяниномъ въ *мѣщанствѣ*“, то серьезно говорилъ, что русскіе литераторы должны видѣть въ своемъ дворянскомъ происхожденіи опору своей независимости отъ чиновничьяго каприза. Но достаточно вспомнить его стихи отъ его „Деревни“, жестоко обличающей „дикое барство“, до предсмертныхъ почти стихотвореній: „Когда великое свершалось торжество“ или „Когда за городомъ задумчивъ я хожу“,— чтобы понять, въ какой просакъ попали на его столѣтнемъ юбилеѣ современные намъ аграріи, возложившіе на могилу его вѣнокъ „Дворянину Пушкину“. Къ дворянству придворному Пушкинъ относился даже съ плохо скрываемой ненавистью, предчувствуя, что отсюда выйдутъ крупныя помѣхи для необходимыхъ соціальныхъ реформъ. Вообще онъ находилъ, что дворянскія привилегіи должны вызывать въ дворянствѣ стыдъ, а не гордость, и „великими предметами“, настоятельными вопросами современности считалъ ограниченіе чиновничьяго произвола, дарованіе новыхъ правъ мѣщанамъ и крѣпостнымъ. Все это было очень далеко отъ той оффиціальной „народности“, которая отстаивала права дворянства въ ущербъ другимъ сословіямъ, въ особенности крестьянству. Согласно этой теоріи, основной чертой народнаго характера было смиреніе, покорность и исключительная приверженность ко всему своему „исконному“. Для Пушкина же и народная рѣчь, и народная пѣсня, и даже народная „поступь“ были свидѣтельствами того, что

русская народность заключается „въ смѣлости, смышлености, переимчивости, чуждой грубаго удивленія и невѣжественнаго презрѣнія къ чужому“. Свою славу видитъ поэтъ въ томъ, что когда-нибудь народъ пойметъ его „Бориса“ и проложитъ тропу къ памятнику того, кто „возславилъ свободу“.

Необходимыми условіями для выработки и сохраненія лучшихъ чертъ народнаго характера и для достиженія народнаго блага Пушкинъ считалъ свободу, просвѣщеніе и надѣленіе крестьянъ землей. Либералы предшествовавшаго поколѣнія, сентименталисты, любили повторять, что нельзя сразу освободить народъ, пока онъ не просвѣщенъ, такъ какъ онъ слишкомъ привыкъ къ „патріархальнымъ“ отношеніямъ.

Либералы современнаго Пушкину поколѣнія, романтики, иногда изъявляли готовность при какихъ угодно условіяхъ уничтожить рабство, не задумываясь надъ экономическимъ положеніемъ освобожденнаго народа.

Возражая противъ перваго мнѣнія, высказывавшагося между прочимъ Карамзинымъ, Пушкинъ говорилъ, что если будутъ ждать, пока крестьянинъ будетъ цивилизованъ, то его никогда не освободятъ, а страну все болѣе и болѣе будутъ развращать. Крестьянинъ самъ разовьется, когда не будетъ подъ опекой. Сторонникамъ личнаго освобожденія крестьянъ онъ считалъ полезнымъ указать на положеніе безземельнаго крестьянина на Западѣ. Положеніе русскаго крѣпостного, имѣющаго хотя бы и самый небольшой клочекъ земли, Пушкинъ считаетъ менѣе тяжелымъ и болѣе сообразнымъ съ человѣческимъ достоинствомъ, чѣмъ положеніе, напр., англійскаго рабочаго, который составляетъ въ сущности только маленькую деталь „въ производствѣ суконъ г-на Смидта или иголокъ г-на Джаксона“. Изслѣдователь „Крестьянскаго вопроса“ Семевскій ставитъ Пушкину въ особую заслугу, что онъ первый

сознательно, обоснованно выдвигалъ этотъ коренной пунктъ крестьянскаго освобожденія.

Какъ относился Пушкинъ къ современному ему крѣпостническому хозяйству, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ его сочиненія.

Вотъ помѣщикъ филантропъ, лишившій крестьянъ всякой собственности, чтобы, пріучивъ ихъ къ нуждѣ, терпѣнію и труду, даровать имъ права. Крестьяне, не закончивъ своего курса, убили воспитателя во время пожара. Вотъ помѣщикъ англоманъ, одѣвшій голодныхъ конюховъ англійскими жокеями; вотъ Гвоздинъ, „хозяинъ превосходный, владѣлецъ нищихъ мужиковъ“; вотъ наконецъ приказчикъ, который, видя въ смиреніи главную крестьянскую добродѣтель, заботится о ея насажденіи, при чемъ держится правила: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ избалованнѣе; чѣмъ беднѣе, тѣмъ смирнѣе. Все это тѣ лица, которыя могли провозгласить Онѣгина „опаснѣйшимъ чудакомъ“, когда

> Яремъ онъ барщины старинной
> Оброкомъ легкимъ замѣнилъ,
> И небо рабъ благословилъ.

Постоянно доказывая въ частныхъ разговорахъ, что крѣпостное право безнравственно, безчеловѣчно, Пушкинъ разсыпалъ по своимъ произведеніямъ множество отдѣльныхъ, но выразительныхъ иллюстрацій этой мысли.

Кулачная расправа, одно изъ проявленій „патріархальнаго“ отношенія къ мужику, входитъ въ обыденныя привычки дворянства. „Служанокъ била осердясь“ даже почтенная Ларина, когда-то читавшая Ричардсона и величавшая Полиной Парасковью. У Андрея Степановича Бѣлкина то „Тришка за грубость битъ“, то „Сенька за пьянство битъ“, а то и просто „Тришка битъ по погодѣ“. Даже при женитьбѣ крестьяне понимаютъ единственную „страсть“, когда „староста гро-

зитъ высѣчь". Подобная же „страсть" собираетъ въ наглухо запертомъ флигелѣ шестнадцать горничныхъ при дворѣ 50-лѣтняго Кирилы Петровича Троекурова, наводящаго трепетъ не только на крестьянъ, но и на мелкопомѣстныхъ сосѣдей. Отъ времени до времени Кирила Петровичъ отдаетъ нѣкоторыхъ затворницъ замужъ, и новыя поступаютъ на ихъ мѣсто.

Въ „жестокій вѣкъ", когда изъ учебниковъ исторіи вычеркивались имена „бунтовщиковъ" въ родѣ Гракховъ, когда даже модный балетъ „Бунтъ въ сералѣ" шелъ на сценѣ по цензурнымъ требованіямъ подъ названіемъ „Возстаніе въ сералѣ", Пушкинъ издалъ „Капитанскую дочку" и „Исторію Пугачевскаго бунта", произведенія, которыя должны были послужить грознымъ напоминаніемъ о безпощадномъ бунтѣ темной массы, выведенной изъ терпѣнія притѣсненіями, кровавой расправой и голодовками. Представляя Бенкендорфу послѣднее произведеніе, Пушкинъ писалъ: „Я по совѣсти исполнилъ долгъ историка: изыскивалъ истину съ усердіемъ и излагалъ ее безъ криводушія, не стараясь льстить ни силѣ, ни господствующему образу мыслей, и смѣю надѣяться, что сей историческій очеркъ можетъ показать любви Его Величества особые пути".

Этотъ намекъ нетрудно понять.

Въ своей запискѣ „о воспитаніи", поданной государю, Пушкинъ прямо утверждаетъ, что дворянское домашнее воспитаніе въ Россіи „самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести". Это воспитаніе заканчивается въ казармѣ, гдѣ дворянинъ офицеръ „имѣетъ право розги и палки надъ солдатомъ". Послѣ впечатлѣній дѣтства онъ можетъ стать здѣсь „палачемъ, а не начальникомъ".

Пушкинъ, какъ онъ признался потомъ Вульфу, пре-

красно понималъ, чего отъ него ждали, и что ему легко было написать то, чего хотѣли, но онъ не захотѣлъ пропускать такого случая, чтобы сдѣлать добро, и за то ему „вымыли голову". И въ самомъ дѣлѣ, это было слишкомъ смѣло подъ самымъ легкимъ покровомъ благонамѣренности доказывать императору Николаю I, что „воспитаніе иностранныхъ университетовъ, несмотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго", что „умъ зрѣетъ въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ", что правительству слѣдуетъ основать побольше хорошихъ школъ, что въ интересахъ воспитанія необходимо уничтоженіе въ школахъ тѣлесныхъ наказаній, что благонамѣренный обманъ долженъ быть совершенно устраненъ изъ преподаванія исторіи, и что изъ школы должны выходить люди, хорошо знающіе Россію, нужды и требованія государственныя, готовые на „великій подвигъ улучшенія государственныхъ постановленій".

Несомнѣнно, что и подъ „великимъ подвигомъ" Пушкинъ разумѣлъ прежде всего уничтоженіе крѣпостного права, потому что только за освобожденіемъ народа должна была, по его убѣжденію, послѣдовать общая „эволюція" — уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, облегченіе и болѣе справедливое распредѣленіе воинской повинности, судъ присяжныхъ, свобода печати и т. д., а безъ этого условія всякія льготы дворянству, даже парламентаризмъ и пр. должны были привести къ феодализму и „бухарскому халату". Эти взгляды Пушкинъ горячо отстаивалъ на томъ оазисѣ, какимъ былъ въ дворцовой средѣ кружокъ Росетти-Смирновой, гдѣ къ его словамъ прислушивалась и будущая дѣятельница освобожденія вел. кн. Елена Павловна, и воспитатель „царя-освободителя" Жуковскій. Къ крестьянскому вопросу постоянно сводились бесѣды Пушкина и съ

Николаемъ I, въ умѣ котораго вліяніе поэта боролось съ вліяніемъ придворной камарильи.

Пушкинъ вѣрилъ, что Николаю мѣшаетъ приступить къ освобожденію крестьянъ только забота о международныхъ отношеніяхъ Россіи, и еще въ 1831 году онъ подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему издавать политическій органъ, мотивируя это тѣмъ, что публицистика можетъ оказать высшему правительству большую пользу при предстоящихъ преобразованіяхъ. Только эта мечта позволила ему примириться заранѣе со всѣми невзгодами редакторскаго званія, и тѣмъ не менѣе, когда послѣ пятилѣтнихъ проволочекъ ему удалось получить разрѣшеніе на журналъ, его прямодушную натуру больно кольнула необходимость приспособляться къ обстоятельствамъ. „Душа въ пятки уходитъ, когда вспомню, что я журналистъ. Будучи еще порядочнымъ человѣкомъ, я получалъ уже полицейскіе выговоры. Что̀ же теперь со мною будетъ? Мордвиновъ (одинъ изъ либеральнѣйшихъ и порядочнѣйшихъ вельможъ) будетъ смотрѣть на меня, какъ на Булгарина и Н. Полевого, какъ на шпіона. Весело, нечего сказать“.

Никитенко записываетъ въ своемъ дневникѣ 20 янв. 1836 г.: „Пушкину попечитель назначилъ (для цензурованія журнала) Крылова, самаго трусливаго, а слѣдовательно и самаго строгаго изъ нашей братьи“. А черезъ два мѣсяца: „Пушкина жестоко жметъ цензура. Онъ просилъ другого цензора. Назначили Гаевскаго. П. раскаивается, но поздно. Гаевскій дотого напуганъ гауптвахтою, на которой просидѣлъ 8 дней, что теперь сомнѣвается, можно ли пропустить въ печать извѣстіе въ родѣ того, что такой-то король скончался“.

Но дружина просвѣщенія должна, по словамъ Пушкина, стоять въ первыхъ рядахъ и встрѣчать первые удары. Онъ ждалъ такъ долго разрѣшенія не для того, чтобы отступать передъ первыми же препятствіями, и изъ него обѣщалъ выработаться выдающійся журна-

листъ. Мицкевичъ, уваженіе котораго къ нашему поэту служитъ самымъ краснорѣчивымъ доводомъ противъ обвиненій Пушкина въ шовинизмѣ, поражался его необыкновенно тонкимъ анализомъ политическаго положенія Европы. Въ критикѣ и самъ Пушкинъ далъ прекрасные образцы, и его зоркій глазъ уже успѣлъ запримѣтить начинавшаго Бѣлинскаго. Собственно литературная часть его „Современника“ конечно была бы блестяща. Такимъ образомъ были всѣ данныя ожидать, что Пушкинъ положитъ конецъ неограниченному господству позорнаго журнальнаго тріумвирата Булгарина, Греча и Сенковскаго. Съ первой же книжки „Современникъ“ серьезно поставилъ вопросъ о положеніи русской печати. Дальше предполагалось подъ видомъ рецензіи пустить большія выдержки изъ „Путешествія“ Радищева, но цензура не позволила напоминать о книгѣ и сочинителѣ, „забытыхъ и достойныхъ забвенія“. Но помимо этого въ головѣ поэта былъ цѣлый рой литературныхъ плановъ: онъ изобразитъ и „крѣпостную любовь“, и старика дядьку, проиграннаго въ карты, и деревенскій бунтъ мужиковъ, „обѣднѣвшихъ отъ тиранства“ — но всѣмъ этимъ планамъ не суждено было сбыться.

„Жадною толпой стоявшіе у трона
Свободы, генія и славы палачи“,

для которыхъ послѣдней виной Пушкина было его камеръ-юнкерство и близость къ Николаю, все тѣснѣе и тѣснѣе замыкали кольцо подземныхъ минъ, подводимыхъ подъ опаснаго человѣка, не брезгуя для этого союзомъ съ его литературными врагами, пресмыкавшимися въ ихъ переднихъ, въ родѣ Булгарина. Но роковымъ для Пушкина и неожиданнымъ для его враговъ союзникомъ оказалась его жена. Для характеристики семьи, изъ которой она вышла, можно сказать, что ея отцу не всегда удавалось подписать свою фамилію безъ двухъ грамматическихъ ошибокъ—Ганчеровъ, а ея мать,

прежде чѣмъ дать согласіе на бракъ дочери съ Пушкинымъ, заставила поэта представить ей отъ Бенкендорфа письменное удостовѣреніе въ томъ, что его отношенія съ правительствомъ вполнѣ удовлетворительны.

Милая, очаровательная, простодушная, но во всемъ остальномъ стоящая на одномъ уровнѣ съ воспитавшей ее средой, жена Пушкина была великой ошибкой или великимъ несчастіемъ великаго человѣка. Она всегда оставалась чуждой задушевнымъ интересамъ мужа. Въ своихъ письмахъ къ нему она добросовѣстно перебираетъ всѣ свѣжія великосвѣтскія сплетни и забываетъ сообщить о томъ, что его единственно интересуетъ—о здоровьи дѣтей. Никогда не сбиваясь въ счетѣ своихъ многочисленныхъ поклонниковъ, она перемѣшиваетъ фамиліи Гоголя и Кольцова, преспокойно называя вообще „Гольцовскими статьями“ повѣсти одного и стихи другого. Придавая своей красотѣ гораздо больше значенія, чѣмъ таланту мужа, она рвется на балы, гдѣ онъ зѣваетъ, отъ скуки и досады истребляя невѣроятное количество мороженаго и создавая себѣ новыхъ враговъ колкими экспромптами; зато она терпѣть не можетъ деревни, куда тянетъ ее поэтъ, желая поработать. Когда поэтъ обращается къ ней, чтобы подѣлиться съ ней новыми стихами, она обижается, что ей надоѣдаютъ „глупостями“, но вмѣстѣ съ тѣмъ она не оставляетъ въ покоѣ мужа, требуя денегъ и денегъ. При всемъ томъ Пушкинъ страстно любилъ свою жену, и при его ревности, при ея легкомысліи нетрудно было обратить семейную жизнь поэта въ сущій адъ и подготовить окончательную катастрофу. Нуженъ былъ еще блестящій кавалеръ, но пустой, ничтожный человѣкъ, который бы могъ быть слѣпымъ орудіемъ интриги, даже не подозрѣвая своей жалкой роли. Нашелся такой въ лицѣ Дантеса, соединившаго въ себѣ всѣ необходимыя данныя.

Теперь черезъ семьдесятъ лѣтъ по смерти поэта пора сказать, что событіе 27 янв. 1837 было не только

дуэлью, но и политическимъ убійствомъ, слѣдовъ котораго даже не позаботились хорошенько замести. Чтобы только имѣть возможность оправдаться въ допущеніи дуэли, Бенкендорфъ послалъ нарядъ жандармовъ, якобы для ея предупрежденія, но послалъ не туда, куда слѣдовало. Поэтъ еще боролся со смертью, а его враги уже пускали въ ходъ всѣ пружины, чтобы избавить отъ всякой отвѣтственности подставного убійцу, очернивъ память жертвы. Администрація неожиданно перемѣнила мѣсто, гдѣ должно было состояться торжественное отпѣваніе тѣла Пушкина, чтобы не допустить „скопленіе“ народа. Профессорамъ и студентамъ предписано не отлучаться изъ университета, такъ какъ министерство опасалось, что студенты „могутъ пересолить“. Министръ Уваровъ, имѣвшій личные счеты съ Пушкинымъ, былъ „очень занятъ укрощеніемъ громкихъ воплей по случаю смерти Пушкина“. (Дневникъ Никитенка). Предписано ничего не печатать о немъ безъ представленія министру или предсѣдателю цензурнаго комитета, и замарана надпись на вышедшемъ изъ печати его портретѣ: „Погасъ огонь на алтарѣ“. Дня черезъ два по смерти поэта его трупъ тайкомъ увезли изъ Петербурга въ Святогорскій монастырь, настоятелю котораго послано предписаніе похоронить его безъ всякой торжественности. Жена проф. Никитенка, возвращаясь въ Петербургъ, на одной изъ ближайшихъ станцій увидѣла на простыхъ саняхъ завернутый въ рогожу и покрытый соломою гробъ подъ охраной двухъ жандармовъ. На ея разспросы какой-то крестьянинъ сказалъ: „Богъ его знаетъ, что. Вишь, какой-то Пушкинъ убитъ—и его мчатъ на почтовыхъ въ рогожѣ и соломѣ, прости Господи, какъ собаку“. Черезъ нѣсколько времени министромъ внутр. дѣлъ гр. Блудовымъ послано за № 389 предписаніе о погребеніи „камеръ-юнкера Пушкина, въ случаѣ буде тѣло его еще не предано землѣ“. Исправникъ Бородинъ „секретнымъ“ рапортомъ

за № 3 отъ 9 февр. доносилъ, что „тѣло камеръ-юнкера Ал. Пушкина во исполненіе предписанія псковскаго губернатора отъ 4 февраля препровождено 6-го февраля весьма рано поутру поручикомъ Филипповичемъ на мѣсто погребенія и предано землѣ“.

Поручикъ Филипповичъ блестяще справился съ возложенной на него задачей, обставивъ обрядъ погребенія такимъ внушительнымъ эффектомъ, что окрестные жители долго-долго относились къ могилѣ поэта съ суевѣрнымъ страхомъ. На похоронахъ не было никого, кромѣ лицъ оффиціально допущенныхъ; только откуда-то изъ-за угла напуганная, но любопытствующая дѣтвора изъ церковнаго дома наблюдала за своеобразными почестями, какія и до сихъ поръ оказываетъ наша бюрократія загубленнымъ ею борцамъ за народное дѣло.

Въ Петербургѣ могли успокоиться: камеръ-юнкера Пушкина не было.

Но поэтъ Пушкинъ не умиралъ.

Разсматривая произведеніе любого искусства въ его воздѣйствіи на человѣка, мы можемъ замѣтить, что оно большею частью или затрагиваетъ весь духовный строй человѣка, повышаетъ интенсивность всѣхъ его мыслей и чувствъ—таковы, напримѣръ, драмы Шекспира, картины Рафаэля, музыка Моцарта, или ударяетъ съ особой силой въ одинъ какой-нибудь нервъ, выдѣляетъ въ сознаніи человѣка одну группу идей и къ нимъ притягиваетъ всѣ наличныя духовныя силы его—такова поэзія Байрона, ораторіи Баха, Кельнскій соборъ.

Пушкинъ такъ, какъ онъ фиксированъ въ посмертномъ изданіи сочиненій, долгое время повторявшемся безъ существенныхъ дополненій, принадлежитъ болѣе къ первой группѣ. Ознакомившись съ интимной стороной его жизни, мы увидѣли въ немъ человѣка опредѣленныхъ общественныхъ взглядовъ, стоявшихъ въ жи-

вой связи съ извѣстнымъ общественнымъ строемъ, и зная ихъ, мы могли прослѣдить ихъ отраженіе въ его поэзіи. Но взятая сама по себѣ, для людей, не знавшихъ Пушкина ни лично, какъ его знали друзья, ни по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, какъ знаемъ мы, пушкинская поэзія долго была какъ бы резонаторомъ только ихъ собственныхъ духовныхъ силъ. Не давая готовыхъ рѣшеній для задачъ того или другого момента, она способна содѣйствовать ихъ разрѣшенію, вызывая только общій подъемъ мыслительнаго процесса. Повидимому, именно къ этой мысли подходилъ Островскій, говорившій, что черезъ Пушкина умнѣетъ всякій, кто можетъ поумнѣть, и Достоевскій, когда, называя Пушкина всечеловѣкомъ, онъ отмѣчалъ его отзывчивость на всѣ явленія жизни, способность воплощаться въ людей разныхъ эпохъ и разныхъ народовъ, а также и Бѣлинскій, когда причислялъ Пушкина къ вѣчно живущимъ и движущимся явленіямъ, все время развивающимся въ сознаніи общества, такъ что каждая эпоха произноситъ о нихъ собственное сужденіе, внося что-нибудь новое, и ни одна и никогда не выскажетъ всего.

Ближайшими, непосредственными преемниками Пушкина, въ которыхъ ожила его „душа въ завѣтной лирѣ“, были Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ.

Гоголь, развивавшійся подъ его руководствомъ, многимъ обязанный ему въ самыхъ крупныхъ произведеніяхъ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ Душахъ“, былъ выразителемъ по преимуществу той идеи, какая сказалась въ стихѣ Пушкина: „Люди—жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха“.

Лермонтовъ, за своимъ стихотвореніемъ „На смерть поэта“ принявшій боевое крещеніе русскаго писателя, усвоилъ себѣ „выстраданный стихъ, пронзительный, унылый, ударявшій по сердцамъ съ невѣдомою силой“, эту скорбь сильной личности, задыхающейся въ тинѣ массовой пошлости.

Кольцовъ, пригрѣтый и оправившійся подъ крыломъ Пушкина, указывалъ путь къ душевному равновѣсію тамъ, гдѣ предполагалъ его и Пушкинъ, въ единеніи съ природой и людьми, настолько же простыми, сильными, дѣятельными, какъ эта природа, „сіяющая вѣчною красою".

Дальше были Бѣлинскій, Грановскій, Глинка. Бѣлинскій, на сочиненіяхъ Пушкина раскрывшій всю исторію развитія своихъ критическихъ взглядовъ, навсегда оставшійся его поклонникомъ, обязанъ ему гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Грановскій, усвоившій художественную мягкость въ изложеніи и высокую гуманность въ освѣщеніи историческихъ фактовъ, недаромъ получилъ названіе „Пушкина исторіи".

Глинка, „парень романтическаго устройства", по его собственной характеристикѣ, который только обратясь къ Пушкину, далъ лучшія творенія, на своей великой оперѣ „Русланъ и Людмила", вышедшей въ 1842 г., убѣдился, что одно имя Пушкина приводитъ въ бѣшенство пресловутыхъ „тріумвировъ", оставшихся послѣ Пушкина опять полными хозяевами русской печати.

Затѣмъ съ Тургеневымъ во главѣ слѣдуетъ вся плеяда беллетристовъ 40-хъ годовъ, которые въ моментъ смерти Пушкина были еще молодыми людьми и юношами, горячими поклонниками его поэзіи. Для нихъ, по признанію Гончарова, Пушкинъ былъ чѣмъ-то въ родѣ полубога, былъ все, всѣ сокровенныя чувства, чистѣйшія побужденія, вся поэзія мыслей и чувствъ, все сводилось къ нему, все исходило отъ него. Гончаровъ разсказываетъ, что онъ рыдалъ, какъ безумный, узнавъ о смерти Пушкина, и такъ была встрѣчена смерть Пушкина повсюду представителями тогдашней учащейся молодежи и вообще молодого поколѣнія, которое такъ же оплакивало поэта, какъ его личные друзья отъ покоевъ Жуковскаго во дворцѣ и до сибирскихъ рудниковъ, гдѣ томились декабристы.

10 лѣтъ спустя, Бѣлинскій въ письмѣ къ Гоголю указывалъ ему, что Пушкинъ лишился народной любви за 2—3 вѣрноподданническихъ стихотворенія, потому что „общество видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ, вождей, защитниковъ и спасителей отъ русскаго самодержавія, православія, народности". Поскольку это было справедливо относительно конца 20-хъ годовъ, то нужно замѣтить, что вся обстановка смерти поэта реабилитировала въ глазахъ современниковъ честь Пушкина, и впечатлѣніе, произведенное убійствомъ Пушкина, далеко вышло за предѣлы собственно литературнаго событія, такъ что даже иностранные дипломаты сочли нужнымъ послать о немъ особыя депеши своимъ правительствамъ. У гроба Пушкина перебывали десятки тысячъ народа. Не только „молодежь, до крайности возмущенная, ринулась въ его домъ, но даже купцы рѣшили отдать покойному послѣдній долгъ" (Дневникъ сенатора Дивова). Несмотря на всѣ полицейскія мѣры, отпѣваніе тѣла приняло характеръ внушительной манифестаціи. „Дѣйствительно, народныя похороны"—писалъ въ своемъ дневникѣ Никитенко. „Утѣшительно, что мы все-таки подвинулись впередъ", замѣтилъ ему, указывая на эту толпу, одинъ литераторъ. „Было бы отрадно—пишетъ Дивовъ—видѣть это всеобщее сочувствіе, если бы это было только дань, отдаваемая его (Пушкина) таланту, но, къ сожалѣнію, оно является скорѣе выраженіемъ сочувствія тѣмъ либеральнымъ идеямъ, какія онъ проповѣдовалъ".

Точь въ точь также доносилъ нѣмецкій посланникъ Либерманъ своему правительству: „Я не считаю своимъ долгомъ скрыть, что, къ несчастью, есть основанія думать, что значительная доля овацій, которымъ дала поводъ смерть Пушкина, можетъ и должна быть поставлена также за счетъ той специфической популярности, которую покойный снискалъ у нѣкоторыхъ лицъ и въ извѣстныхъ слояхъ общества идеями современнаго либе-

рализма... Я знаю положительно, что подъ покровомъ горячаго патріотизма въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Петербургѣ держатъ весьма необычныя рѣчи, утверждая, между прочимъ, что Пушкинъ былъ единственной опорой, единственнымъ представителемъ вольностей народа“.

Интересную иллюстрацію къ этому даетъ разсказъ Сухотина о томъ, что въ военной школѣ, гдѣ онъ тогда учился, извѣстіе о смерти Пушкина вызвало самое горячее обсужденіе всѣхъ обстоятельствъ этого событія, и въ результатѣ общее чувство вылилось въ крикахъ и свисткахъ по адресу дежурнаго офицера, который какъ-разъ выдѣлялся своей грубостью, придирками и т. д. Воспитанники на другой день выслушали грозную рѣчь начальника и лишены права ходить со двора. „Такъ мы заплатили за нашъ энтузіазмъ или волненіе, вызванное вѣстью о смерти обожаемаго нами Пушкина“.

Австрійскій посланникъ гр. Фикельманъ въ донесеніи Меттерниху не знаетъ, какъ и прославить „великодушіе“ Николая I, который послѣ смерти Пушкина позвалъ къ себѣ Жуковскаго и, отозвавшись объ умершемъ, какъ о „горячей головѣ, полной экзальтированныхъ идей“, позволилъ ему сжечь изъ бумагъ Пушкина все, что̀ онъ признаетъ необходимымъ, и оставить только одно хорошее.

Жуковскій дѣйствительно постарался такъ принарядить сочиненія Пушкина, чтобы изданіе могло удовлетворить самый строгій вкусъ, и семья его не лишилась дохода. Осторожность Жуковскаго доходила до того, что послѣ юбилейнаго обѣда въ честь Крылова въ 1838 г. онъ проситъ редактора юбилейнаго сборника исправить одно мѣсто въ его рѣчи. Жуковскій сказалъ: „на праздникѣ нашемъ недостаетъ двухъ (Пушкина и Дмитріева), коихъ присутствіе было бы лучшимъ его украшеніемъ“. Въ печати онъ проситъ

„выбросить *лучшимъ*: будетъ это истолковано дурно, ибо говорится о Пушкинѣ“.

При всемъ томъ блюстители нравовъ не дремали и никакъ не соглашались считать Пушкина только „будуарнымъ поэтомъ“, какъ величали его мелкія литературныя забіяки. Въ 1842 г. въ цензурный комитетъ поступило заявленіе издателя журнала „Маякъ“, нѣкоего Бурачка. Указавъ на то, что „у многихъ и весьма многихъ вся философія ихъ жизни составлена изъ стиховъ Пушкина, врѣзавшихся въ память“, Бурачекъ жаловался, что цензоръ не допустилъ въ его журналѣ статью Мартынова, разъяснявшаго вредное вліяніе сочиненій Пушкина. Любопытна точка зрѣнія цензора: „Труды Пушкина напечатаны съ дозволенія правительства и вновь изданы по Высочайшему повелѣнію; провозглашать ихъ печатно безбожными, вольнодумными и развратными я не могу позволить“.

Зато въ томъ же самомъ 1842 г., когда въ „Москвитянинѣ“ были напечатаны письма Пушкина къ Погодину, не получившія ранѣе правительственнаго одобренія, то журналъ едва не былъ закрытъ; редакціи было поставлено на видъ, что „помѣщеніе въ журналахъ статей неприличныхъ противно волѣ Государя Императора“, а между тѣмъ „въ письмахъ Пушкина встрѣчаются неприличныя выходки противъ публики, литературы, цензуры и частнаго лица г. Полевого“. Такъ отзывались о Пушкинѣ представители бюрократіи въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ.

Послушаемъ по этому вопросу другія мнѣнія.

Одинъ изъ славянофильскихъ критиковъ въ 1841 г., разбирая сочиненія Пушкина, говоритъ по поводу повѣсти „Дубровскій“, что „этотъ разбойникъ, зачавшійся въ человѣкѣ честномъ и благородномъ, есть плодъ разбойничества общественнаго, прикрытаго закономъ. Всякое нарушеніе правды подъ видомъ суда, всякое насиліе власти порождаютъ разбой личный, которымъ гра-

жданинъ обиженный мститъ за неправды всего тѣла общественнаго. Вотъ та глубоко нравственная идея, которая сама собою яснѣетъ изъ повѣсти Пушкина и придаетъ ей великую значительность".

Никитенко также находилъ, что для людей 40-хъ годовъ Пушкинъ былъ не только поэтомъ-художникомъ, но и *„соціальнымъ* писателемъ", потому что первый смотрѣлъ на высшіе идеалы жизни съ серьезной стороны, первый училъ сочетать лучшія стремленія духа, идеалы съ дѣйствительностью на почвѣ нашей общественной и исторической жизни.

Но самую яркую и для своего времени полную оцѣнку Пушкина далъ Бѣлинскій. Онъ лично не зналъ поэта; въ его распоряженіи были только попавшія въ печать изуродованныя придирчивой цензурой, доброжелательными пріятелями и невнимательнымъ или невѣжественнымъ издателемъ сочиненія Пушкина; самъ онъ писалъ въ такихъ условіяхъ, что, по его словамъ, иная статья, умная и живая въ рукописи, выходила въ печати рѣчью о непроницаемости природы и склонности человѣка къ чувствамъ забвенной меланхоліи, и несмотря на все это, Бѣлинскій сказалъ о Пушкинѣ такъ много и такъ хорошо, что почти до нашего времени къ его словамъ ничего нельзя было прибавить болѣе или менѣе существеннаго.

Разсматривая Пушкина, исключительно какъ поэта-художника, Бѣлинскій прекрасно указалъ его мѣсто въ исторіи литературы, оцѣнилъ его умѣнье сближать поэзію съ жизнью, дать отвлеченной мысли реальное содержаніе, откликнуться на все и все освѣтить теплымъ, любящимъ лучемъ своей поэзіи, и — что̀ самое главное — „развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, разумѣя подъ этими словами безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка".

Придетъ время, пророчествовалъ Бѣлинскій, когда

Пушкинъ будетъ въ Россіи классическимъ поэтомъ, по произведеніямъ котораго будутъ образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство.

Таковъ былъ голосъ геніальнаго критика, за которымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ шла вся Россія. Въ 1848 г. этотъ голосъ замолкъ навсегда, и самое имя Бѣлинскаго почти на цѣлое десятилѣтіе стало запретнымъ для печати. Пошелъ въ ссылку Достоевскій, вездѣ кстати и некстати декламировавшій заключительныя строки „Деревни“ — „Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный“... Рѣдѣли и безъ того немногочисленные личные друзья Пушкина — въ 1852 г. умерли Гоголь и Жуковскій, забывались его рукописныя сочиненія, затемнялся его образъ, и потерянъ былъ ключъ къ его произведеніямъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Пушкинъ далъ поэтическую самооцѣнку въ своемъ „Памятникѣ“.

И буду долго тѣмъ любезенъ я народу,
Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу.

Неудача съ критическими статьями о Радищевѣ заставила его измѣнить этотъ стихъ для печати:

Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу.

Но и въ такомъ видѣ стихотвореніе не попало бы въ печать. Выручилъ Жуковскій, предложившій свою редакцію:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ...
Что прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ.

Этой „живою прелестью стиховъ“ добрѣйшій Василій Андреевичъ, кажется, только отблагодарилъ своего ученика за ту „стиховъ плѣнительную сладость“, которую тотъ призналъ у него самого, а между тѣмъ въ исправленномъ видѣ „Памятникъ“ невольно напрашивался на сопоставленіе съ „Ямбами“, озаглавленными издателемъ „Поэтъ и чернь“. Взглядъ на призваніе поэта жить „для

звуковъ сладкихъ и молитвъ", бывшій, какъ мы видѣли, однимъ только эпизодомъ въ духовной жизни поэта, получалъ какъ будто новое выраженіе. Что же могли думать о Пушкинѣ въ 50-хъ годахъ люди, не одаренные проницательностью Бѣлинскаго и лишенные его руководства?

Въ 1819 г. юноша-поэтъ пишетъ „Деревню". Лишенная въ печати всей своей второй половины — это слащавое воспѣваніе крѣпостнической деревни — „пустынный уголокъ, пріютъ спокойствія, довольства и трудовъ". Въ 1828 г. поэтъ въ расцвѣтѣ таланта рукой разсѣянной бряцаетъ на лирѣ и гонитъ отъ себя непросвѣщенную чернь за то, что она „рабъ нужды, заботъ". Въ 1836 г. чуть не наканунѣ смерти онъ самонадѣянно заявляетъ права на вниманіе всей Руси великой къ живой прелести его стиховъ и его добрымъ чувствамъ. Къ кому и къ чему эти „добрыя чувства"—всѣ успѣли за 30 лѣтъ забыть, и этотъ намекъ на отзывъ Александра I-го о „Деревнѣ" же былъ никому непонятенъ.

Въ итогѣ получилось вотъ что̀. Критика 50-хъ годовъ, въ лицѣ главнымъ образомъ Дружинина и Григорьева, совершенно разграничила поэзію Пушкина отъ Гоголя, ненавистнаго своимъ сатирическимъ отношеніемъ къ той пошлости, которая людямъ мертвой полосы 50-хъ годовъ представлялась семейнымъ, теплымъ уютомъ. Эта критика не могла равнодушно произносить имени Гоголя, „изнурившаго, ослабившаго нашу словесность сатирическимъ направленіемъ". Поэзія Пушкина признана была лучшимъ средствомъ противъ этого направленія, она естественный дневной свѣтъ въ сравненіи съ искусственнымъ. При свѣтѣ ея „все глядитъ тихо, спокойно, радостно". Пушкинъ великъ тѣмъ, что, не помня зла, прославлялъ одно благо, и гдѣ Гоголь видѣлъ одни сѣренькія поля и всякую дрянь, у Пушкина мы любуемся на пріятныя деревенскія картины русской старины, мужичковъ и т. д. („Пріютъ спокойствія, до-

вольства и трудовъ“)... Апогей поэзіи Пушкина — въ типѣ Бѣлкина съ его кроткимъ, смиреннымъ чувствомъ, вопіющимъ противъ злоупотребленій нами нашей широкой способности понимать и чувствовать. (Забыли, что Пушкинъ сказалъ: „Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!“)

То же противоположеніе Пушкина „лакейскому писателю“, „жаргондисту“ господствовало и въ большой публикѣ, какъ это мы видимъ, напр., по героямъ Писемскаго.

Замѣчательно, что въ это время увеличивается только число романсовъ на слова Пушкина, весьма незначительное при его жизни. Пушкинъ уже не читается, а поется и декламируется!

Исчезала ли безвозвратно самостоятельная сила пушкинской поэзіи за мелодіей музыки или голоса? Конечно, не совсѣмъ. У Тургенева есть повѣсть „Затишье“, написанная въ 1854 г. „Мнѣ не нравятся стихи“, говоритъ ея героиня Марья Павловна, дѣвушка съ глубокой душой, замирающей въ деревенской глуши почти такъ же, какъ это было съ пушкинской Татьяной.

— Даже Пушкина?—спрашиваетъ ее Астаховъ.

— Даже Пушкина.

— Отчего?

Кто-то замѣчаетъ, что Марья Павловна вообще ничего сладкаго терпѣть не можетъ.

— Да вѣдь есть стихи несладкіе,—говоритъ Астаховъ.

— Напримѣръ?

Почесавъ за ухомъ, послѣ нѣкотораго усилія Астаховъ вспоминаетъ „Анчаръ“ Пушкина и читаетъ его:

...Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ,
И тотъ послушно въ путь потекъ
И къ утру возвратился съ ядомъ.
Принесъ и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки,

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.

Этотъ грозный апоѳеозъ рабства, въ свое время произведшій, по свидѣтельству Смирновой-Росетти, сильнѣйшее впечатлѣніе на Николая I-го, ошеломилъ и тургеневскую героиню. Она проситъ еще разъ прочесть, списать ей стихи; они не даютъ ей покоя, и ночью, безъ сна, она ходитъ по саду, все повторяя:

...Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ...

Вся природа ея потрясена. „Анчаръ" положилъ какую-то грань, за которой дѣвушка стала женщиной...

Были такіе случаи, но вообще Пушкинъ считался „сладкимъ" писателемъ. Его имя написали на своемъ знамени поэты, такъ назыв. „чистаго искусства", открещивавшіеся отъ всѣхъ злободневныхъ вопросовъ и во имя Пушкина предававшіе анаѳемѣ все, въ чемъ чувствовалось біеніе жизни. Зато по мѣрѣ того, какъ въ сознаніи передовыхъ людей все яснѣе и яснѣе становилась мысль о необходимости обновленія общественнаго строя, отношеніе къ Пушкину становилось не только болѣе холоднымъ, но и почти враждебнымъ.

Вскорѣ послѣ воцаренія Александра II-го вышли, правда, его сочиненія въ Анненковскомъ изданіи, но все же оно было не настолько полно и хорошо, чтобы молодая критика въ лицѣ Добролюбова, Чернышевскаго могла въ оцѣнкѣ его далеко уйти отъ Бѣлинскаго. Тотъ и другой признавали громадное историческое значеніе Пушкина въ развитіи русской литературы.

Чернышевскій сочувственно отмѣчалъ при этомъ огромную интеллектуальную силу Пушкина и его роль въ увеличеніи числа русской читающей публики, а Добролюбовъ особенно цѣнилъ умѣнье изображать дѣйствительность такъ, какъ она есть. Но для обоихъ

Пушкинъ представляется писателемъ совершенно отжившимъ, и Добролюбовъ немногими годами раньше Л. Толстого высказываетъ по адресу Пушкина упрекъ, что его сочиненія непонятны народу и ненужны ему.

Почти въ самый моментъ освобожденія—въ 1862 г. Полонскій въ своемъ апологетическомъ стихотвореніи, посвященномъ памяти Пушкина, пробуетъ возражать противъ тѣхъ словъ, какія говоритъ у него „чернь тупая“:

Какъ вѣтеръ пѣснь твоя свободна,
Зато какъ вѣтеръ и безплодна.

Полонскій пишетъ:

Духъ поэта вѣтеръ, но когда онъ вѣетъ,
Въ небѣ облака съ грозой плывутъ,
Подъ грозой тучнѣй родная нива зрѣетъ,
И цвѣты роскошнѣе цвѣтутъ.

Безъ сомнѣнія, это было вѣрно, но не очень ясно, а главное, это стояло въ противорѣчіи и съ тѣмъ, что̀ говорилось о Пушкинѣ критикою 50-хъ годовъ, благодаря которой „имя Пушкина сдѣлалось знаменемъ неисправимыхъ романтиковъ и литературныхъ филистеровъ“. Превознося кроткаго и любвеобильнаго Пушкина, говоритъ Писаревъ, „романтики и филистеры почти совершенно игнорируютъ произведенія Грибоѣдова и относятся почти враждебно къ Гоголю“.

Въ пору кипучей реформаціонной работы, когда передъ всѣми стояло обще-народное реальное дѣло, разумѣется, не до того было, чтобы заниматься „сладкими звуками“, и такое воспѣваніе являлось прямо-таки общественно вреднымъ. „Реалисты“, объясняетъ Писаревъ, *поставлены въ необходимость*, сражаясь за свои идеи, посмотрѣть построже на тѣ почтенныя имена, за которыя прячутся очень свирѣпые гонители реализма“. Такъ въ 1865 г. появилась статья о Пушкинѣ. Въ качествѣ реалиста Писаревъ не слишкомъ обстоятельно

отнесся къ „стишкамъ“. Въ этомъ отношеніи характеръ его критики очень мѣтко схваченъ Тургеневымъ въ бесѣдѣ о Пушкинѣ же между Базаровымъ „реалистомъ“ и Аркадіемъ. Отрицая Пушкина, Базаровъ ссылается на небывалые отрывки изъ Пушкина: „Природа навѣваетъ молчаніе сна“ и другой, будто бы встрѣчающійся на каждой страницѣ: „На бой, на бой за честь Россіи!“ „Да это клевета!“ возмущается Аркадій. „Эка важность — клевета на одного человѣка“, возражаетъ Базаровъ.

Если бы Писареву указали въ его статьѣ массу противорѣчій, передержекъ, умозаключеній отъ „вѣроятно“ къ „повидимому“ и отъ „повидимому“ къ „разумѣется“, онъ, пожалуй, тоже сказалъ бы: „Эка важность—клевета на одного человѣка!“

И въ самомъ дѣлѣ, ему нужно было поразить романтиковъ и филистеровъ, и это онъ исполнилъ со всѣмъ талантомъ, и въ этомъ его общественная заслуга. А Пушкинъ? Пушкинъ въ сущности тоже не пострадалъ много отъ его статьи. Подобно библейскому пророку, который вмѣсто троекратнаго проклятія изрекъ троекратное благословеніе Израилю, Писаревъ далъ въ своей статьѣ нѣсколько весьма цѣнныхъ мыслей. Нехотя, съ большими оговорками, но все-таки онъ признаетъ историческое значеніе Пушкина въ русской литературѣ, считаетъ типъ Онѣгина наравнѣ съ Обломовымъ типами ничтожными, но поучительными для мыслящаго наблюдателя, который увидитъ въ нихъ показатель сонной вялости современной имъ общественной жизни; устанавливаетъ тотъ фактъ, что сочиненія Пушкина дали Бѣлинскому матеріалъ для одиннадцати превосходныхъ статей, обильныхъ самыми свѣтлыми мыслями о правахъ человѣка, о частной и общественной жизни и т. д. Наконецъ, возражая тѣмъ, кто въ его спорѣ съ Бѣлинскимъ о значеніи Пушкина вздумалъ бы прикрываться авторитетомъ Бѣлинскаго, Писаревъ даетъ пре-

красное поясненіе того, что значитъ быть послѣдователемъ кого-нибудь въ общественной или литературной жизни. Нельзя, какъ онъ выражается, забастовать на томъ, что̀ говорилъ учитель, будь это хоть Бѣлинскій, хоть Добролюбовъ или кто иной. Повторять слова учителя не значитъ быть его продолжателемъ. Надо понимать ту цѣль, къ которой шелъ учитель, а слова для каждаго времени должны быть свои, примѣненныя къ новымъ потребностямъ, потому что разъ произнесенныя слова теряютъ свою двигательную силу, перестаютъ быть умѣстными, когда люди, усвоивъ ихъ, сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ. Поэтому, расходясь съ Бѣлинскимъ, Писаревъ все-таки называетъ его своимъ учителемъ и никакъ не хочетъ уступить его тѣмъ, кто „забастовалъ" на Бѣлинскомъ, т.-е. на его словахъ, забывъ его основную тенденцію и отодвинувшись такимъ образомъ назадъ. Писареву оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ: вспомнить, кѣмъ былъ для Бѣлинскаго Пушкинъ, и признать себя ученикомъ поэта, сказавшаго: „На поприщѣ ума нельзя намъ отступать". Писаревъ этого не сдѣлалъ, потому что ужъ слишкомъ задѣвали его за живое филистеры, съ которыми онъ собственно и полемизировалъ, а „въ увлеченіи полемики трудно сохранить постоянно трезвость критическаго взгляда".

Несомнѣнно, что тотъ Пушкинъ, котораго превозносили эстетики 50-хъ годовъ и низвергали реалисты 60-хъ годовъ, былъ Пушкинъ подложный, но, пожалуй, благодаря именно этому подмѣну, имя его удостоилось оффиціальной канонизаціи въ 70-хъ годахъ.

Просвѣщенный шефъ жандармовъ Мезенцевъ, замѣтивъ въ спискѣ поднадзорныхъ титулярнаго совѣтника Ал. С. Пушкина, освѣдомляется, не тотъ ли это Пушкинъ, который писалъ стихи, и удостовѣрясь въ этомъ, признаетъ возможнымъ вычеркнуть поэта изъ числа лицъ, угрожающихъ общественному порядку и спокой-

ствію. Даже одинъ изъ Щедринскихъ „потреотовъ“ въ своемъ бюджетѣ, среди вырванныхъ у него административнымъ нажимомъ сотенныхъ и тысячныхъ расходовъ и за кофе у помпадура, и за принятіе „малой печати“, и на „потреотизмъ“, отмѣчаетъ: „квартальному надзирателю на распространеніе здравыхъ понятій 1000 р., ему же на памятникъ Пушкину дадено 15 коп.“.

Пушкинъ допускается и въ Толстовскую школу, гдѣ о немъ полагается сказать, что онъ былъ истинно-національный поэтъ, впрочемъ подражалъ Байрону и былъ полезенъ народу живою прелестью стиховъ.

Поэтому въ 1877 г., когда на похоронахъ Некрасова Достоевскій въ своей рѣчи поставилъ имя пѣвца народнаго горя рядомъ съ именами Пушкина и Лермонтова, изъ толпы молодежи раздался протестующій голосъ: „Нѣтъ, Некрасовъ былъ выше ихъ; то были байронисты!“

Достоевскій отвѣтилъ на это въ „Дневникѣ писателя“ цѣлой статьей, гдѣ разъяснялъ значеніе Пушкина въ исторіи русской общественной жизни, и эта статья, по нашему мнѣнію, стоитъ выше той рѣчи, которая была произнесена Достоевскимъ при открытіи пушкинскаго памятника въ 1880 г. и которая всегда имѣется въ виду, когда говорятъ о томъ, какъ Достоевскій понималъ значеніе Пушкина.

Достоевскій развивалъ ту мысль, что Пушкинъ въ томъ обще-европейскомъ настроеніи, которое названо байронизмомъ, откликаясь на все, что̀ волновало Европу, почувствовалъ новые возникавшіе у насъ неразрѣшимые, мучительные вопросы, и величіе его въ томъ, что, указавъ исходъ изъ этого состоянія тоски, разочарованія, сожалѣнія о погибшихъ идеалахъ, онъ преклонился передъ правдой народной. Онъ не только понялъ русскій народъ, не только воскликнулъ: „Увижу-ль я народъ освобожденный“, не только пожалѣлъ мужика-раба, какъ милостивый, по-европейски образованный

баринъ, но полюбилъ его, какъ себя, призналъ въ немъ не рабское пониманіе собственнаго достоинства, повѣрилъ въ человѣческія чувства народа, когда всѣ кричали о звѣриномъ состояніи крѣпостныхъ людей.

Немного прошло времени отъ напечатанія этой статьи до пушкинскихъ дней 1880 г., когда опять Достоевскому пришлось высказаться о Пушкинѣ вмѣстѣ съ крупнѣйшими представителями русской литературы, критики, публицистики, науки. Немного прожито, но много пережито! Небывалый со времени Отечественной войны взрывъ національнаго чувства, предвидѣніе въ близкомъ будущемъ креста на Св. Софіи въ Константинополѣ и сліянія славянскихъ ручьевъ въ русскомъ морѣ, три Плевны, позоръ Берлинскаго конгресса, утѣшительная надежда на то, что повторится бывшее послѣ Крымской кампаніи, начало диктатуры сердца, сверженіе приснопамятнаго гр. Д. А. Толстого, — все это конечно имѣло мало отношенія къ открытію пушкинскаго памятника, но все это создавало такое напряженное состояніе, которому нужно было разрядиться на одномъ объектѣ. И такимъ объектомъ оказался Пушкинъ. Толпа, по выраженію Михайловскаго, явилась къ подножію памятника поэта сложить свитокъ своихъ собственныхъ скорбей и радостей и выслушать нѣчто такое, чего въ другихъ мѣстахъ нельзя было услышать. Этого „нѣчто", всѣмъ извѣстнаго, но постоянно умалчиваемаго, и ловила публика во всѣхъ рѣчахъ и ничего, кромѣ этого, не замѣчала. И когда ей говорили о Пушкинѣ только то, что̀ уже сказано было Гоголемъ, Бѣлинскимъ, Григоровичемъ и др., она негодовала и устами Гл. Успенскаго выразила порицаніе тѣмъ ораторамъ, которые „точно привязанные веревкой къ великому имени Пушкина, крутились вокругъ него и не сочли нужнымъ выяснить идеалы и заботы, волновавшія умную голову Пушкина, при помощи равнозначащихъ заботъ, присущихъ данной минутѣ".

Слава и гордость русской литературы, создавшіе ей міровое значеніе любимцы и вожаки русскаго общества обращались къ нему съ подножія пушкинскаго памятника и торжественно признавали себя духовными дѣтьми чествуемаго поэта — этого одного было вполнѣ достаточно присутствовавшимъ на празднествѣ для оцѣнки литературнаго значенія Пушкина, а затѣмъ они, какъ выразился Михайловскій въ ближайшей хроникѣ „Отеч. Зап.“ „производили шумъ по своему дѣлу“.

Но... вѣдь и „реалисты“ 15 лѣтъ тому назадъ тоже производили шумъ по своему дѣлу, низвергая Пушкина съ его пьедестала. Что̀ же произошло за эти 15 лѣтъ? Тогда, т.-е. въ 60-хъ годахъ, страна только-что стряхивала съ себя ветхіе лохмотья не то средне-вѣковаго феодализма, не то какого-то восточно-рабскаго уклада. Годилось ли заводить рѣчь о высшихъ матеріяхъ, вѣчной правдѣ, красотѣ, годилось ли воспарять въ горнія отъ грѣшной земли, гдѣ было такъ много грязнаго, потнаго дѣла?

Не то было въ 80-мъ году, послѣ 20 лѣтъ какой бы то ни было, но все-таки европейской жизни, безъ крѣпостного права, съ гласнымъ судомъ, земствомъ, народной школой, даже печатью, довольно прозрачно намекавшей на близость „увѣнчанія зданія“. Тутъ уже можно было и помечтать. И несомнѣнно, что хотя не надолго, на нѣсколько дней общество искренно увѣровало въ близость того рубежа, за которымъ пойдетъ ровная, торная дорога для русскаго прогресса въ ряду съ другими культурными странами, на основахъ вѣчныхъ идеаловъ, какъ они выразились въ народномъ сознаніи и высшемъ созданіи народнаго генія — пушкинской поэзіи.

И. Аксаковъ высказалъ пожеланіе, чтобы открытіе пушкинскаго памятника стало эрою общественной жизни, потому что Пушкинъ, признавая права народа на самобытную историческую жизнь, постоянно помнилъ, что

народъ не мертвый матеріалъ, изъ котораго можно лѣпить какія угодно фигуры. Усвоеніе пушкинскихъ идеаловъ должно излѣчить насъ отъ всѣхъ золъ, возникшихъ отъ желанія опекать народъ изъ канцеляріи, ставить бумагу выше жизни. Память о Пушкинѣ будетъ звать русскую интеллигенцію къ труду народнаго самосознанія, къ плодотворному служенію истинѣ, на поприщѣ правды народной.

Открывая торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, 60-лѣтній ветеранъ русской публицистики Юрьевъ говорилъ: „Пушкинъ перечувствовалъ все, что можетъ и какъ можетъ чувствовать русскій человѣкъ, отъ благоговѣйной любви къ нашей сѣдой старинѣ до пламеннаго сочувствія къ общечеловѣческимъ сторонамъ реформы Петра Великаго; отъ глубокаго воспріятія въ свое сердце смиреннаго нравственнаго идеала простого русскаго человѣка до восторженнаго увлеченія неукротимо-вольнолюбивыми идеалами Байрона, исполненными блеска и силы... Войдемъ же въ святыню храма, воздвигнутаго нашимъ великимъ поэтомъ, который громко взываетъ къ намъ: не угашайте духа и дѣйствуйте, и все прочее приложится, а жизнь проникнется правдою и красотою, одѣнется и озарится солнцемъ свободы, исполненной братской любви другъ къ другу. Не угашайте духа!“

И когда затѣмъ Тургеневъ, еще въ 1879 г. публично высказавшій увѣренность, что мы живемъ наканунѣ весьма значительнаго преобразованія нашей общественной жизни,—когда онъ напомнилъ въ своей рѣчи, какъ по одно время охладѣло общество къ Пушкину, ибо ему нужны были не звуки небесной поэзіи, а метла, когда онъ указалъ, что наступило время новаго поворота къ Пушкину, поэту самодовлѣющей жизни,—то его поняли именно такъ, какъ только и могли тогда понять, и даже не вступились за „музу мести и печали“, слегка опороченную ораторомъ, не вступились, вѣруя, что

дѣйствительно отошло въ вѣчность время мести и печали. И когда Достоевскій, повторивъ отчасти свою статью, заговорилъ о всечеловѣчности русскаго генія, о великой всемірной будущности Россіи, долженствующей сказать міру новое слово, то его рѣчь вызвала еще большій восторгъ, чѣмъ рѣчь Тургенева, восторгъ ни съ чѣмъ несравнимый, какой-то экстазъ самозабвенія, и никто не замѣтилъ, какъ жестко отозвался ораторъ о первомъ тоскующемъ русскомъ скитальцѣ, о пушкинскомъ Алеко, потому что, слушая Достоевскаго, всѣ вѣрили близости новаго слова, когда не будетъ тоски, не будетъ скитальцевъ, но всѣ будутъ свои, все будетъ родина, весь міръ — семья и любовь. Въ самомъ дѣлѣ, казалось, всѣ стали всечеловѣки и почувствовали всеобъемлющую любовь. Привѣтствовали Тургенева, Достоевскаго, Островскаго, Полонскаго, привѣтствовали и „генерала Дитятина", который устами Горбунова похвалилъ „господина Пушкина Александра Сергѣевича за пріятныя созвучія и хорошую версификацію", отказываясь отъ прежняго взгляда на поэта, какъ на „легкомысленнаго юношу, злоупотреблявшаго непонятной слабостью генерала Бенкендорфа".

Привѣтствовали даже и Каткова, когда онъ исповѣдалъ свою увѣренность, что „минутное сближеніе поведетъ къ замиренію", и закончилъ рѣчь пушкинскимъ стихомъ: „Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма". „Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма", повторилъ однако въ іюльской книжкѣ „Отеч. Зап." Михайловскій: „О, да! Я боюсь только, что при этомъ придется „скрыться" и г. Каткову. Мнѣ кажется, что онъ и самъ этого боится. Наступитъ, пожалуй, сплошной пушкинскій праздникъ".

Такъ замечтался самъ Михайловскій, но тутъ же самъ себя и уличилъ, и высказалъ опасеніе, что завтра же погода можетъ и измѣниться.

И погода измѣнилась. Повѣяло холодомъ. Затихъ

шумъ пушкинскихъ рѣчей, облетѣла скоро свѣжая, зеленая листва свѣтлыхъ надеждъ и упованій, и остались голые пни холоднаго разочарованія, тупой, ноющей боли, а то и просто сухого эгоизма и лжи. Скоро, слишкомъ скоро миновалъ срокъ, данный намъ на передышку между 70-ми и 80-ми годами. Скоро забылись и красные дни пушкинскихъ празднествъ, счастливо совпавшіе съ этимъ узкимъ просвѣтомъ, справленные экспромптомъ и затронувшіе собственно лишь верхи нашей интеллигенціи. Сошли въ могилу одинъ за другимъ и ораторы пушкинскихъ дней. Другіе вмѣсто возглашеннаго ими примиренія сѣяли злобу и клевету. Росли и множились тяжелыя для Россіи потери. Зато поднимали голову увѣковѣченные Щедринымъ возродившіеся Молчалины, Ноздревы и т. п. Злобно косятся они на все, что̀ когда-либо служило прогрессивнымъ знаменемъ русскаго общества, и недавно прославляемый Пушкинъ не можетъ избѣжать ихъ подозрительности. Ошеломленные пахнувшимъ „весеннимъ воздухомъ", они не помѣшали пушкинскому празднику и убѣдились изъ раздавшихся на немъ рѣчей, что значеніе Пушкина „не въ повѣстяхъ Бѣлкина, а въ стремленіи проникнуть тайности современности", и готовы были бы за это привлечь Пушкина въ участокъ. „Для чего это писалось? Блестящія мысли, раздражающія подстрекательства, мечты, бредни, а трезвенныхъ словъ ни одного. Скажите, развѣ современному человѣку мечты нужны? Нѣтъ, ему гораздо пріятнѣе знать, снабжены ли городовые свистками, и бодрствуютъ ли дворники". („Письма къ тетенькѣ"). А большая публика, та публика, которая такъ недавно шумѣла аплодисментами на пушкинскомъ праздникѣ, ожидая наступленія „сплошного праздника", теперь напуганная, присмирѣвшая, слушала въ театрѣ скорбный вопль „Онѣгина": „А счастье было такъ возможно", дрожала отъ похоронныхъ аккордовъ „Пиковой дамы", и, со спазмами въ горлѣ слѣдя за ходомъ оперы „Мазепа",

написанной Чайковскимъ же на сюжетъ „Полтавы“, переносилась мысленно въ другія тюрьмы, гдѣ ея близкіе, ея братья, сестры, дѣти гасли подъ пыткой новыхъ, современныхъ палачей...

Чайковскій извлекъ изъ Пушкина лирику 80-хъ годовъ... Протянулось шесть лѣтъ, и газеты заговорили, что 29 января 1887 г. исполнится 50-лѣтіе со дня смерти Пушкина. Точно спросонокъ, нехотя, нерѣшительно, даже робко поднималось общество, какъ будто не умѣя сразу вспомнить, кто же это собственно былъ Пушкинъ. Кое-кто, кое-гдѣ и кое-что сказалъ о Пушкинѣ. Разошлось два изданія „Слова въ недѣлю о блудномъ сынѣ при поминовеніи раба Божія Александра (поэта Пушкина)“, гдѣ послѣ нѣсколько неопредѣленныхъ похвалъ поэту цѣликомъ приведена была авторомъ, извѣстнѣйшимъ тогда церковнымъ проповѣдникомъ, назидательная басня Крылова о сочинителѣ, которому уготована въ аду болѣе жестокая казнь, чѣмъ разбойнику.

Мимоходомъ было высказано нѣсколько хорошихъ мыслей о Пушкинѣ въ статьѣ г. Южакова („Сѣверный Вѣстникъ“), обнаружившей довольно опредѣленное отношеніе автора къ современности, хотя по заглавію какъ будто и мало подходившей къ этой современности: статья называлась: „Любовь и счастье въ произведеніяхъ русской поэзіи“.

„Пушкинъ вѣровалъ“, говоритъ авторъ, „въ совершенствованіе человѣка и человѣческаго общества, въ прогрессъ и развитіе. Трагическая развязка у него всегда исходитъ изъ столкновенія высшихъ стадій развитія съ низшими, и хотя *видимо* нерѣдко торжествуютъ низшія, а высшія гибнутъ, но эта гибель искупается возвышеніемъ низшихъ стадій. Жертвы поднимаютъ своихъ губителей, и въ общемъ сумма блага и человѣчности увеличивается“.

Очевидно, это былъ не „шумъ“ конечно, а шопотъ „по своему дѣлу“.

Не лишеннымъ интереса представляется то обстоятельство, что наша школа совершенно замолчала 50-лѣтній юбилей Пушкина, приравнявъ его, должно быть, къ „пьесамъ сомнительнаго содержанія“, куда доступъ гимназистамъ воспрещенъ ихъ „правилами“. Они заучивали наизусть „Пророка“ и „Клеветникамъ Россіи“, „разбирали“ Полтаву, писали „характеристики“ Бориса Годунова и Татьяны, составляли „планъ“ ко взятію Бѣлогорской крѣпости и выносили, говоря откровенно, порядочное отвращеніе къ Пушкину, искренно недоумѣвая, въ чемъ же собственно значеніе „величайшаго поэта въ русской литературѣ“... „и въ міровой“, добавляли нѣкоторые наиболѣе рѣшительные педагоги.

Да и въ самомъ дѣлѣ, что̀ могли знать гимназисты о значеніи Пушкина въ исторіи русской („и міровой“) литературы, когда первая обрывалась для нихъ на самыхъ ближайшихъ преемникахъ Пушкина, а представители второй упоминались только, какъ образцы для подражанія нашихъ поэтовъ?

Неудивительно, что одинъ изъ критиковъ, прошедшихъ классическую школу, сказалъ, какъ отрѣзалъ, что Пушкинъ и Лермонтовъ — это „чумное пятно байронизма“, 50 лѣтъ отравлявшее русскую литературу, мѣшавшее ей до послѣдняго времени быть жизнерадостной и свѣтлой (Минскій). Другой, Мережковскій, расходясь съ нимъ въ опредѣленіяхъ, но совершенно согласно съ основной его тенденціей, призналъ жизнерадостной и свѣтлой именно поэзію Пушкина, зато вся дальнѣйшая исторія литературы, залитой „мутной волною черни“, есть исторія борьбы за пушкинскую культуру съ нахлынувшей волной демократическаго варварства. Поэтъ-критикъ особенно настаиваетъ на аристократичности духа Пушкина и, цитируя „не для житейскаго волненья“ и пр., искренно сожалѣетъ, что эти слова теперь слышитъ чернь. „Ея звѣриныя уши не созданы для откровенности геніевъ“. Но что бы ни го-

ворили гг. эстеты, „грядущій хамъ“ уже народился, и до его „звѣриныхъ ушей“ дошли звуки пушкинской поэзіи. 1887-й годъ при всей его конфузности принесъ обществу цѣнный подарокъ—сочиненія поэта, ставшія общимъ достояніемъ съ минованіемъ срока литературной собственности.

Попрежнему въ книгахъ для народной школы Пушкину удѣлялось самое ничтожное мѣсто (отъ 0,67 до 2°/₀ всего матеріала, по спеціальному подсчету г. Шестакова), попрежнему къ чтенію въ народныхъ аудиторіяхъ были допущены изъ Пушкина только три вещи—но теперь сочиненія его по своей дешевизнѣ все-таки пошли въ народъ. Если въ 80-мъ году, по сообщенію Л. Толстого, крестьяне не понимали, за что̀ Пушкину ставятъ памятникъ, то черезъ десять лѣтъ грамотная часть крестьянства называетъ уже его первымъ сочинителемъ, очень умнымъ человѣкомъ, говоритъ даже, что онъ первый „подалъ прошеніе“ объ освобожденіи крестьянъ. Къ пушкинскому памятнику прокладывается „народная тропа“, и сами сочиненія его были для народа первой тропой ко внѣшкольному просвѣщенію. Опытъ изданія ихъ въ милліонномъ количествѣ экземпляровъ показалъ чисто коммерческій расчетъ дешевыхъ народныхъ книгъ, и предпріимчивые издатели слѣдомъ за Пушкинымъ бросаютъ въ народъ массы хорошихъ и дешево изданныхъ книгъ, такъ что Пушкинъ во второй разъ и уже для народа сыгралъ роль цѣлаго министерства просвѣщенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и для интеллигенціи Пушкинъ начинаетъ пріобрѣтать новый интересъ: появились въ печати нѣкоторыя его письма, кое-гдѣ въ его біографіи сняты таинственныя звѣздочки, скрывавшія имена его враговъ, въ сочиненіяхъ кое-гдѣ вмѣсто точекъ возстановлены настоящія строчки стиховъ, наконецъ напечатаны богатыя содержаніемъ записки Смирновой, проливающія новый свѣтъ на личность Пушкина, и до-

вольно неожиданно къ 60-лѣтнему юбилею въ 1897 г. передъ глазами общества вставалъ образъ не только геніальнаго поэта, но и мыслителя и гражданина. Потеря Пушкина должна была представляться вдвойнѣ тяжелою для Россіи, его смерть вдвойнѣ преступнымъ дѣломъ знатной черни, и потому особенно любопытной является статья Вл. Соловьева: „Судьба Пушкина“, напечатанная въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1897 г.

Вл. Соловьевъ доказываетъ, что называть „злою“, „суровою“ и т. п., судьбу Пушкина нельзя: въ его смерти никто не виноватъ, кромѣ его самого. Никто не мѣшалъ ему оставаться истиннымъ жрецомъ Аполлона, а онъ, поддавшись „самолюбивому раздраженію“, возстановилъ противъ себя людей и „палъ своею силой, или лучше сказать, своимъ отказомъ отъ той нравственной силы, которая была ему доступна, и пользованіе которой было ему *всячески* (?) *облегчено*“. „Пушкинъ убитъ не пулею Геккерна, а своимъ собственнымъ выстрѣломъ въ Геккерна“. Такъ какъ Пушкинъ, смертельно раненный, испыталъ духовное перерожденіе, то смерть его нельзя признать преждевременною. Его судьбу „мы по совѣсти должны признать, во-первыхъ, доброю, потому что она вела человѣка къ наилучшей цѣли — къ духовному возрожденію, къ высшему и единственно достойному его благу; а во-вторыхъ, мы должны признать ее разумною, потому что этой наилучшей цѣли она достигла *простѣйшимъ и легчайшимъ* въ данномъ положеніи, т.-е. *наилучшимъ* способомъ“.

Такимъ образомъ выходило, что дѣйствительно „простѣйшее и легчайшее“ дѣло — отдать жизнь геніальнаго человѣка въ руки убійцы и палача — есть актъ высшаго добра и высшаго разума. Это было философски не ново, а практически очень своевременно, и „Русск. Вѣдом.“, отмѣчая эту статью, говорятъ, что „она характерна для нашего времени, извлекающаго изъ старыхъ ученій все,

что̀ призываетъ къ благодушію и мирному философствованію на тему о разумности неправды и зла“.

Но это были лебединыя пѣсни примиренства.

За годъ до столѣтняго юбилея со дня рожденія Пушкина исполнился 50-лѣтній юбилей со дня смерти Бѣлинскаго, его восторженнаго и перваго критика. Появились дешевыя изданія этого писателя, изъятаго изъ школьнаго обихода, и общество очень кстати къ пушкинскому юбилею перечитало творенія его поклонника. „Дни Бѣлинскаго“ въ Пензѣ были, такъ сказать, репетиціей культурнаго празднества, предпринятаго безъ начальственнаго напоминанія въ честь безусловно неблагонадежнаго литератора.

Сумеречная полоса, занимающая собою всѣ 80-е годы, годы эпидемическаго ренегатства, предательства, отказа отъ свѣтлыхъ идеаловъ, впервые была прорвана событіями начала 90-хъ годовъ, когда на голодѣ и холерѣ подновлены были основы прежняго народничества. Послѣ новаго пароксизма реакціи, казалось, подавившей общественное движеніе, къ концу 90-хъ годовъ сталъ обозначаться новый подъемъ общественныхъ силъ. 50-лѣтіе Бѣлинскаго дало поводъ высказаться прогрессивнымъ элементамъ общества, и пензенскій праздникъ вышелъ за предѣлы литературныхъ поминокъ. Просматривая многочисленные адреса, привѣтственныя рѣчи, телеграммы, поражаешься, съ какимъ единодушіемъ наряду съ литературными заслугами критика указывались его гражданскія заслуги, какъ сѣятеля правды и добра, будившаго общественное самосознаніе, направлявшаго его къ идеаламъ народнаго блага—просвѣщенію и свободѣ. Устроители пензенскихъ празднествъ, сравнивая ихъ потомъ съ Пушкинскими днями 1880-го года, подчеркивали громадность пути, пройденнаго Россіей, за эти 18 лѣтъ возвысившейся до „общественно-культурнаго праздника“.

Но то, что произошло въ маѣ 1899 г., превзошло и смѣлыя ожиданія.

Еще многимъ памятны событія весны 1899 года, не обѣщавшей ничего хорошаго: значительная часть Россіи была охвачена голодомъ, общество, на этотъ разъ лишенное бюрократіей почти всякой возможности помочь голодающимъ, изнывало въ сознаніи стыда и безсилія, опустошенными стояли высшія учебныя заведенія, и переполнены были тюрьмы, оффиціальныя сообщенія безцеремонно клеветали на студенческую молодежь, къ которой въ самыхъ широкихъ размѣрахъ стали примѣняться „крайнія мѣры воздѣйствія на толпу", на независимую печать, какъ изъ рога изобилія, сыпались административныя кары, и одинъ журналъ рекомендовалъ назвать ихъ „пушкинскими", зато „выли шакалы и волки, кричали совы и филины въ пустынѣ русской прессы". Кое-гдѣ заблаговременныя приготовленія къ юбилею, предпринятыя частными лицами и обществами, втягивались оффиціально учрежденными комитетами въ свою программу, изолировались отъ обсужденія въ печати и теряли свою жизненность, утрачивали общественный интересъ. Слѣдуя обычной тактикѣ, бюрократія, видѣвшая неизбѣжность пушкинскаго праздника, старалась взять его въ свои руки, и извѣстная часть нашей печати загодя уже задавала тонъ, убѣждая публику, что послѣ юбилейныхъ рѣчей 1880 года о Пушкинѣ нельзя сказать ничего новаго. Въ литературномъ органѣ сыскного отдѣленія открытъ былъ даже особый отдѣлъ „Клевета на Пушкина„, гдѣ отмѣчалось и комментировалось въ духѣ булгаринскихъ доносовъ все, что „не соотвѣтствовало идеѣ праздника". А „идея праздника", по мнѣнію „Моск. Вѣдом.", „Нов. Врем." и „Свѣта", состояла въ томъ, чтобы представить Пушкина поэтомъ „звуковъ сладкихъ и молитвъ", поэтомъ, сказавшимъ новое русское слово, долженствующее оплодотворить старую, отжившую и безплодную европейскую

культуру, поэтомъ, обличившимъ въ образѣ Алеко современныхъ намъ „западниковъ, либераловъ, народолюбцевъ и опрощенцевъ“, наконецъ поэтомъ, достойнымъ стать рядомъ съ Катковымъ по геніальности и народности, по любви къ древнему простому укладу жизни и благородной ненависти къ врагамъ Россіи и всего русскаго. „Ни Россіи, ни потомству, ни исторіи, ни всѣмъ намъ, русскимъ людямъ, нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до школьныхъ проказъ Пушкина, ни до его юношескихъ увлеченій, ни еще менѣе до его частной переписки“. „Чествовать Пушкина открытіемъ библіотекъ и читаленъ его имени, значитъ чествовать его тѣмъ, чѣмъ онъ вовсе не интересовался„. „О помощи голодающимъ крестьянамъ въ память Пушкина говорятъ поляки и евреи, которые прославились высасываніемъ жизненныхъ соковъ изъ крестьянъ и выступаютъ съ проповѣдью любви къ этимъ самымъ крестьянамъ и требуютъ, чтобы на алтарь этой любви принесено было въ жертву наше благоговѣніе передъ русскимъ геніемъ, чтобы достоинство русскаго таланта было унижено“.

Нельзя сказать, что эти комментаторы Пушкина, пытавшіеся замазать живое лицо поэта монументальной гипсовой маской, не встрѣчали отпора. Такъ напр., журналъ „Жизнь“, (уже обреченный на смерть), обратился къ „Разбойникамъ печати“ съ такими строками:

Оставьте праздникъ нашъ! Не мѣсто здѣсь глумленью,
Разбойники пера, не мѣсто здѣсь для васъ!
И памятникъ пѣвца на васъ ложится тѣнью,
И блескъ его вѣнца отъ вашихъ меркнетъ глазъ.
Когда пѣвецъ погибъ, васъ не было на свѣтѣ,
Но скорбный тотъ конецъ такихъ же дѣло рукъ,
И ваши то отцы ему сплетали сѣти
И жертву стерегли, какъ мотылька паукъ...
Намъ дорогъ этотъ день. Къ святынѣ всенародной
Сюда собрались всѣ, чьи пылкія сердца
Питаются мечтой прекрасной и свободной,
Наслѣдствомъ вѣщихъ думъ усопшаго пѣвца...
И если памятникъ съ подножія крутого

Увидитъ васъ вблизи, и онъ нахмуритъ бровь,
И рана старая въ груди проснется снова,
И прямо вамъ въ лицо изъ бронзы брызнетъ кровь.

Но „разбойниковъ печати" нельзя было прогнать словами оттуда, гдѣ они были ex officio. И близость этихъ блюстителей порядка была настолько дѣйственна, что въ обѣихъ столицахъ и на оффіальномъ праздникѣ въ Святогорскомъ монастырѣ посѣтителямъ невольно бросалось въ глаза отсутствіе наиболѣе крупныхъ литераторовъ, а русское слово на этихъ празднествахъ, какъ замѣтили сами потомки Булгарина, „или вырывалось залпами, или бормотало и шепелявило". Дѣйствительно, въ одной и той же залѣ, съ одной и той же каѳедры однимъ ораторомъ преподносился сдобренный практической моралью пересказъ пушкинскихъ стихотвореній: „Поэтъ", „Ямбы" и пр., а другой ораторъ, призывая итти по слѣдамъ Пушкина, говорилъ, что „итти по слѣдамъ Пушкина значитъ прежде всего вѣрить въ конечное торжество свѣта надъ тьмою, въ торжество свободы надъ деспотизмомъ и на фундаментѣ этой вѣры выработать себѣ свѣтлое, бодрое и гармоническое міросозерцаніе, одинаково далекое какъ отъ наивнаго оптимизма, такъ и мрачнаго пессимизма".

„Борьба, вынесенная Пушкинымъ", читалось тамъ въ адресѣ Московскаго Юридическаго Общества, „была борьбой личности за независимость и свободное развитіе. Великій поэтъ былъ могучимъ провозвѣстникомъ русскаго возрожденія. Празднуя нынѣ память поэта, мы торжествуемъ вмѣстѣ съ тѣмъ побѣду, одержанную русской личностью надъ рутиной жизни и властной опеки".

„Властной опеки? О! слышите?" вскричали искоренители „клеветы на Пушкина", — и Московское Юридическое Общество было закрыто.

Пушкинскія рѣчи заставили извѣстную московскую газету „съ ужасомъ остановиться на мысли, что у насъ

существуютъ профессора, состоящіе на правительственной службѣ" и исполняющіе какъ-разъ обратное тому, „чего отъ нихъ ожидаетъ правительство". По поводу рѣчи проф. Якушкина, посвященной уничтоженію благонамѣренной легенды о Пушкинѣ, „Моск. Вѣдом." восклицали:

„Больно сжималось сердце при этой гадкой клеветѣ на великаго поэта! Стыдно было слушать эту рѣчь, бичевавшую съ залихватской хлесткостью наши самые дорогіе идеалы. Невыносимо тяжело было слушать эту сплошную брань, направленную на славное царствованіе Николая I...

Но вотъ наконецъ умолкъ клеветникъ. И что̀ же? Намъ стало стыдно за русское общество, когда посыпались восторженныя рукоплесканія"...

Чтобы г. Грингмуту не было больно и стыдно, проф. Якушкина немедленно выслали изъ Москвы. Но какъ бы то ни было, бюрократическія вожжи оборвались, и теперь уже не только Москва, а вся Россія „производила шумъ по своему дѣлу".

Пушкинскій юбилей показалъ, какъ развилась русская провинція за тѣ годы, пока столицы сѣтовали на общественный застой. Въ провинціи успѣла народиться своя пресса, объединившая мѣстныя группы передовыхъ элементовъ, пресса, почти лишенная правъ, но тѣмъ не менѣе за ничтожными исключеніями пресса добросовѣстная, прогрессивная, самостоятельная. За нѣсколько мѣсяцевъ до юбилейнаго дня провинціальная печать начала расшевеливать родныя захолустья, разъяснять смыслъ и значеніе праздника, указывать наилучшій способъ его устройства, собирать неопубликованные матеріалы и бороться тоже съ своеобразной „клеветой на Пушкина".

„Что за Пушкинъ? Какой тамъ Пушкинъ? Это все газеты выдумали... Обезьяны мы!" ворчалъ обыватель, и мѣстная газета, предвидя процессъ о диффамаціи,

разносила имя „городского дѣятеля“ на всю Россію. „За что намъ чествовать Пушкина? Что онъ сдѣлалъ для нашего города? А что о немъ Писаревъ говорилъ!“— аргументировалъ въ другомъ мѣстѣ „городской дѣятель“ противъ думскаго проекта открыть пушкинскую читальню — мѣстная газета и его пригвождала къ позорному столбу. „Пушкинъ неправильно умеръ“, говорилъ третій дѣятель—и также „попадалъ въ газету“.

Кажется, именно съ этого времени, перепечатывая извѣстія о пушкинскихъ дняхъ въ провинціи, столичная печать пріобрѣла привычку внимательно слѣдить за провинціальными изданіями, которыя съ честью выдержали торжественное испытаніе на пушкинскомъ праздникѣ, не допустивъ въ общемъ хорѣ ни одной фальшивой ноты.

Установивъ, что прокатившаяся по Россіи „волна воодушевленія“ поднялась не при помощи, а скорѣе вопреки школьному истолкованію Пушкина („Нижег. Л.“), провинціальная печать почти совсѣмъ отказалась отъ повторенія школьныхъ учебниковъ и не думала ни оспаривать, ни превозносить художественныя достоинства пушкинской поэзіи, признанныя безспорными. Но говорилось вездѣ, что главное значеніе Пушкина не въ музыкѣ его стиховъ, а въ желаніи и умѣньи жечь сердца людей глаголомъ правды и добра, а не глаголомъ лжи, злобы и ненависти. Пусть къ подножію памятника Пушкина протискиваются небезкорыстные жрецы, готовые великимъ именемъ заслонить нѣкоторыя гнилыя подпорки воздвигаемаго по ихъ плану храма — Пушкинъ не ихъ знамя, а одно изъ знаменъ правды, свѣта, свободы, хотя и нѣсколько оборванное, запятнанное, что впрочемъ случается со всѣми знаменами, побывавшими въ бою. Ни тѣ искатели и заслонители, которые увѣчили его мысли на бумагѣ и исковеркали самую его судьбу, довели его до пули, ни ихъ потомки, современные заслонители, не могутъ закрыть обще-

ственныхъ идеаловъ Пушкина—свободы и просвѣщенія народа. Вѣдь можно убить Ивика, но не ивиковы пѣсни. Долгъ русской интеллигенціи во имя Пушкина направить общія усилія, чтобы снять съ нашего народа цѣпи умственнаго рабства, какъ сняты цѣпи рабства физическаго, а затѣмъ взглянуть и на свою жизнь, выяснить, насколько мы просвѣтились, насколько сознали пагубность нашихъ путъ, которыя даже для такой крупной личности, какъ Пушкинъ, сдѣлались роковыми. Нужно стремиться, чтобы пушкинская драма поскорѣе исчезла изъ обихода русской жизни.

Вотъ что̀ повторялось на разные лады въ Нижнемъ Новгородѣ, Ярославлѣ, Ригѣ, Орлѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Подольскѣ — словомъ, во всѣхъ концахъ Россіи, что писалось отъ сердца, писалось самостоятельно, въ одинъ день, можетъ быть въ одинъ часъ. Это было дѣйствительно отраженіе общественнаго мнѣнія, работа коллективной мысли средняго русскаго интеллигента — и мы видимъ, какъ глубоко взглянулъ онъ на значеніе Пушкина, какъ тѣсно связалъ это имя съ самыми насущными заботами современности.

Конечно, въ болѣе простой формѣ, но по существу то же стремленіе „проникнуть тайности современности“ при свѣтѣ Пушкинской поэзіи и нежеланіе признавать въ немъ только „сладкіе звуки“ сказалось и въ любопытныхъ „письмахъ крестьянъ о Пушкинѣ“, для которыхъ „Сельск. Вѣстникъ“ открылъ особый отдѣлъ, куда вошло до тысячи крестьянскихъ писемъ, полученныхъ съ разныхъ концовъ Россіи—прочный фундаментъ народнаго памятника Пушкину.

На столѣтнемъ юбилеѣ начало исполняться и другое завѣтное желаніе поэта: „И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ“.

Разумѣется, бюрократія и тутъ приняла свои мѣры: малороссійскій переводъ Пушкина не могъ появиться

въ печати, но на инородческіе языки Пушкинъ переводился очень усердно. Инородческія общества на окраинахъ приняли самое живое участіе въ юбилейныхъ празднествахъ и показали даже тѣмъ, кто вообще не отличается чуткостью къ общественнымъ явленіямъ, что наши инородцы не чураются культурнаго единенія съ нами и любятъ, какъ свое, все, чѣмъ истинно великъ русскій народъ. Хотя бы только и въ области искусства, но всё-таки положено было прочное начало единенію всѣхъ русскихъ гражданъ, для которыхъ дороги идеалы свѣта, добра, правды и свободы, на какомъ бы языкѣ они ни произносились. Это было многообѣщающее начало.

Если принять во вниманіе все это, если прибавить, что къ юбилею вышло два десятка различныхъ изданій Пушкина, и юбилейная литература считается многими сотнями номеровъ, что множество читаленъ, школъ, библіотекъ, открыты въ честь поэта, то пушкинскій праздникъ можно было признать „неудавшимся“ лишь постольку, поскольку всякое общественное начинаніе ослабляется „независящими обстоятельствами“, но для обнаруженія всей силы, всего позора этихъ „обстоятельствъ“ этотъ праздникъ опять-таки былъ „удавшимся“. Конечно, можно сказать, что пушкинскіе дни 1880 г. прошли, такъ сказать, гармоничнѣе, но вѣдь то былъ только „на нашей (т.-е. на литературной) улицѣ праздникъ“, какъ сказалъ Островскій, а въ 1899 г. былъ праздникъ на всей площади русскаго просвѣщенія. Немудрено, что въ немъ сказались разнообразныя теченія (одинъ критикъ насчиталъ ихъ цѣлыхъ шесть), каждый хотѣлъ сказать свое слово; Пушкинъ разбирался, какъ поэтъ, какъ философъ, историкъ, педагогъ, христіанинъ, критикъ, и т. д. Одинъ считалъ, сколько разъ встрѣчаются у Пушкина „женскія ножки“, другой приводилъ всѣ отзывы его о русскихъ дорогахъ, третьяго интересовала сравнительная статистика глас-

ныхъ звуковъ въ пушкинскомъ языкѣ и пр. Эти труды иногда были смѣшнымъ и никчемнымъ крохоборствомъ, а иногда проводили новую жизненную черточку въ богатой картинѣ духовнаго облика поэта, вырисовывали ту обстановку, въ какой „мыслилъ и страдалъ“ онъ, и тѣ „иглы тайныя, которыя сурово язвили славное чело“.

При неослабѣвающемъ интересѣ къ Пушкину, начиная съ 1899 г., непрерывно продолжается обогащеніе Пушкиніаны все новыми и новыми болѣе или менѣе цѣнными дополненіями. „Многое становится понятнымъ“, говоритъ одинъ изъ новыхъ изслѣдователей Пушкина, проф. Шляпкинъ—„отъ изученія деталей окружающей писателя обстановки, и намъ не о чемъ умалчивать: золото не боится испытанія. Пушкинъ былъ не только великій поэтъ, это былъ и великій умъ и не менѣе великое сердце“.

Гдѣ-то тамъ въ тиши и въ безызвѣстности засѣдаютъ еще какіе-то комитеты, по мнѣнію которыхъ чуть-ли не всѣ сочиненія Пушкина „нельзя дозволить, допустить“ и т. д. Находятся администраторы, способные разгромить народную школу въ цѣлой губерніи за революціонную пропаганду начальныхъ учителей, выразившуюся между прочимъ въ чтеніи „Капитанской дочки“ съ туманными картинами. (Подвиги Штюрмера въ Тверской губ.). Кое-гдѣ до сихъ поръ не открываются проектированныя въ честь Пушкина просвѣтительныя учрежденія, потому что „земскіе дѣятели“, сгоряча ассигновавшіе деньги въ юбилейные дни, потомъ надумали, что церковно-приходскія школы съ синодскими библіотечками наилучше приспособлены для просвѣщенія народа.

Но вся эта мутная пѣна не ослабляетъ силы волны. Теперь, окидывая однимъ взглядомъ многочисленные всероссійскіе юбилеи: сорокалѣтній юбилей Михайловскаго въ 1900 г., сорокалѣтіе воли въ 1901 г., пятидесяти-

лѣтній юбилей Гоголя въ 1902 г., двухсотлѣтній юбилей русской печати въ 1903 г., сорокалѣтіе судебныхъ уставовъ въ 1904 г. съ историческими „банкетами“— мы убѣждаемся, что пушкинскій юбилей былъ первымъ прибоемъ того прилива, которымъ сдвинутъ съ мели государственный корабль Россіи. Литература, какъ чувствительный барометръ, первая отразила накопленіе активной энергіи въ странѣ.

85 лѣтъ тому назадъ Пушкинъ писалъ:

Художникъ варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.
Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Трудно подыскать слова, которыми бы можно было еще лучше резюмировать изложенную нами исторію возстановленія пушкинскаго образа въ сознаніи русскаго общества.

Но развѣ нельзя воспользоваться этимъ стихотвореніемъ и для того, чтобы въ немногихъ строкахъ передать смыслъ общественнаго „Возрожденія“ за охваченное нашимъ очеркомъ время? Развѣ мы всѣ не знаемъ этого „художника варвара“, который даже до настоящей минуты пытается навести „рисунокъ беззаконный“ на лицо молодой Россіи? Развѣ не присутствуемъ мы при сбрасываніи „ветхой чешуи“ бюрократическаго произвола? Въ одномъ изъ лѣтнихъ номеровъ „Сына Отеч.“, за 1905 г. напоминается, что цѣлыхъ сто лѣтъ всѣ талантливые, всѣ одаренные русскіе люди повторяли пушкинскія слова: „И угораздилъ же меня чортъ съ душою и талантомъ родиться въ Россіи!“ Пушкинъ прообразъ русской литературы: его страдальческая жизнь, его муки, его боль за судьбу родного народа и

родного искусства—общія муки, общая боль всей русской литературы. И обращаясь къ тѣмъ, кто продолжаетъ „безсмысленно чертить“ бюрократическіе планы для новой свободной жизни, газета говоритъ: „Вы признали Пушкина гордостью родной страны; вы канонизировали его, вы ставите ему на площадяхъ памятники... Такъ сдѣлайте же такъ, чтобы хоть за гробомъ онъ не сожалѣлъ, что родился въ Россіи, сдѣлайте такъ, чтобы хоть его литературные потомки могли безъ ироніи сказать: Какое счастье, что я родился въ свободной Россіи, среди даровитаго, свободнаго народа“.

Это значило: „Уйдите, спасите страну отъ своей властной опеки!“ Этотъ кличъ все яснѣе и громче начиналъ раздаваться въ Россіи.

Черезъ 80 лѣтъ послѣ того, какъ своихъ уходящихъ „въ глубину сибирскихъ рудъ“ друзей Пушкинъ напутствовалъ словами:

Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье;

черезъ 25 лѣтъ, послѣ того какъ ликующая толпа съ восторгомъ встрѣчала бодрыя рѣчи при открытіи пушкинскаго памятника—Москва почтила возстаніемъ память декабристовъ, и съ подножія пушкинскаго памятника возбуждали другую толпу живыя, свободныя рѣчи.

Это не было повтореніе, но это было продолженіе пушкинскихъ рѣчей, и потому съ полнымъ основаніемъ на вопросъ бронзовой статуи (на рисункѣ одного новаго сатирическаго журнала):

О чемъ шумите вы, народные витіи?

изъ толпы раздается отвѣтъ:

„Да все о томъ же, товарищъ, о чемъ и ты шумѣлъ когда-то“.
(«Свободный смѣхъ». Мартъ, 1906).

Въ высшей степени знаменательно то обстоятельство, что въ противоположность крайнимъ радикаламъ

60-хъ годовъ, отрицательно въ лицѣ Писарева отнесшимся къ Пушкину, съ лѣваго фланга въ началѣ XX-го столѣтія раздалась не только исторически правдивая, но и сочувственная оцѣнка поэта.

Такъ, напр., Н. И. Коробка, давая характеристику историческаго фона, на которомъ выступила личность Пушкина, говоритъ:

Пробужденіе общества привело къ развитію индивидуальности, до того совершенно незамѣтной въ русской жизни, и пробудившаяся личность стала чувствовать себя слишкомъ тѣсно. Формулировать это настроеніе было большимъ поэтическимъ подвигомъ, и этотъ подвигъ совершенъ былъ Пушкинымъ.

Пушкинъ былъ представителемъ того момента, когда пробудившаяся дворянская интеллигенція пыталась выйти изъ вѣкового пассивнаго состоянія, въ которомъ находилась она до времени одинаково со всѣмъ русскимъ народомъ. Настроеніе ея было юношески бодрымъ съ оттѣнкомъ не нарушавшей этой бодрости грусти и недовольства; въ ней кипѣла идейная работа пробудившейся и самоопредѣлявшейся личности. Все это отразилъ въ своей поэзіи Пушкинъ.

Послѣ 14-го декабря, которое выдвинуло и погубило многихъ друзей Пушкина и вообще почти весь цвѣтъ идейной дворянской молодежи, „начиналось умираніе этого общественнаго класса, шедшаго до сихъ поръ впереди всей Россіи, класса, съ которымъ Пушкинъ былъ связанъ и рожденіемъ, и воспитаніемъ, и убѣжденіями, и предразсудками...

Поэтъ остался тотъ же, но не стало тѣхъ, кто былъ его опорой. Выразитель высшаго момента развитія дворянской интеллигенціи, переживъ ея крушеніе, оказывается не въ силахъ стать выразителемъ новой среды, а его собственная среда оказывается слишкомъ ничтожною и низменною для него. Въ этомъ его трагедія, трагедія человѣка, задыхающагося въ удушливой атмосферѣ

умирающаго общественнаго класса и не могущаго отъ него оторваться".

По словамъ другого современнаго историка литературы, Иванова-Разумника, Пушкинъ „всю жизнь велъ борьбу съ бюрократической аристократіей, въ кругу которой судьба заставила его жить и умереть. Эта общественная группа была носительницей идеаловъ эпохи и системы оффиціальнаго мѣщанства, и, противопоставляя этой группѣ личность—прежде всего свою личность — Пушкинъ тѣмъ самымъ объявлялъ войну мѣщанству, заполонившему жизнь.

27-го января 1837 г. пуля ничтожнаго представителя свѣтской черни, торжествующаго мѣщанства погубила величайшаго индивидуалиста и борца за права личности противъ мѣщанства".

Въ сущности эти мнѣнія не противорѣчатъ одно другому, и намъ кажется, это будетъ ясно изъ слѣдующихъ заключительныхъ замѣчаній нашего очерка.

Въ каждой группѣ развитого классоваго общества наряду съ практическими дѣльцами, слѣпо идущими проторенной дорогой, должны быть и обыкновенно бываютъ умственно развитые люди, старающіеся идейно обосновать свои групповые интересы, намѣтить новые пути къ лучшему ихъ удовлетворенію — это идеологи класса, классовая интеллигенція. Увѣренные въ себѣ, связанные съ своей средой, находящіе въ ней силу и поддержку, эти люди отстаиваютъ ея интересы въ литературѣ, наукѣ, публицистикѣ, мѣстныхъ и общегосударственныхъ представительныхъ учрежденіяхъ.

Но бываютъ моменты въ жизни того или иного общественнаго класса, когда особенно благопріятствующія ему условія сводятъ до minimum'а заботу о завтрашнемъ днѣ, когда его привилегіи стоятъ, повидимому, незыблемо, и ничто имъ не угрожаетъ. Тогда интеллигенція даннаго класса, или часть этой интеллигенціи, эмансипируясь отъ очередной работы, вызывае-

моей шкурными вопросами, пользуется открывшейся возможностью болѣе широкой философской работы въ области искусства, науки. Отдѣльныя личности, какъ-то забывая объ исторической перспективѣ, выступаютъ съ проповѣдью чистаго индивидуализма, въ то время какъ другія личности, уже предчувствуя иногда крутой переломъ въ положеніи вскормившей ихъ общественной среды, жадно ищутъ новыхъ общественныхъ идеаловъ и нерѣдко во имя ихъ порываютъ съ своими прежними друзьями для того, чтобы стать идеологами иной общественной группы, представляющейся имъ болѣе жизнеспособною.

Такіе моменты всегда оставляютъ глубокій слѣдъ въ искусствѣ, въ частности въ литературѣ, гдѣ прекрасными, яркими образами иллюстрируются рѣшенія вѣчно новыхъ вопросовъ человѣческаго существованія.

Въ Россіи, когда она стала болѣе или менѣе приближаться къ общему типу европейскаго государства, первенствующую во всѣхъ отношеніяхъ роль играло дворянство. Оно дало и наиболѣе сильную интеллигенцію, выдвинуло въ литературѣ Сумарокова, Державина, Фонвизина, Карамзина.

Въ поколѣніи Пушкина дворянская интеллигенція перестала служить исключительно дворянской идеологіи.

Пушкинъ, „вослѣдъ Радищеву возславившій свободу", уже въ 20-хъ годахъ приходитъ къ мысли, что дворяне должны не гордиться, а стыдиться своихъ привилегій, что, „къ счастью" Россіи, дворянамъ не удалась борьба съ самодержавіемъ, предпринятая въ пользу „чудовищнаго феодализма", что единственная свѣтлая цѣль дворянскаго движенія „политическая свобода—неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ".

Въ этомъ первая великая заслуга Пушкина. Не отдавъ своего таланта на защиту и служеніе отживающему дворянству, Пушкинъ пошелъ „дорогою свобод-

ной, куда влечетъ свободный умъ". Порвавъ съ односторонностью соціальнаго характера, онъ неизбѣжно порвалъ и съ отраженіями этой односторонности въ классицизмѣ, сентиментализмѣ, романтизмѣ (типа Ленскаго—„такъ онъ писалъ темно и вяло, что романтизмомъ мы зовемъ"), и далъ широкое изображеніе русской исторіи и современности, не сосредоточиваясь на однихъ прекрасныхъ явленіяхъ, какъ иногда о немъ говорятъ, а прекрасно согласуя жизненное поэтическое воспроизведеніе явленія съ его жизненной сущностью, сдѣлавъ первые въ нашей литературѣ шаги къ изображенію сложныхъ психологическихъ типовъ (Борисъ Годуновъ, Татьяна, Онѣгинъ и т. д.) и патологическихъ, ненормальныхъ явленій (Скупой рыцарь, мельникъ, Евгеній „Мѣднаго всадника", Германъ, Марія „Полтавы" и т. д.).

Въ этомъ вторая заслуга Пушкина.

Оставшись одинокимъ и въ качествѣ соціальной единицы и въ качествѣ литературной силы, Пушкинъ естественно обратился къ вопросу объ отношеніи личности и общества. Но яркій индивидуалистъ въ борьбѣ съ безличной пошлостью и рутиной, Пушкинъ былъ настолько соціально и исторически мыслящимъ человѣкомъ, что въ его герояхъ мы находимъ самое рѣшительное осужденіе анти-общественнаго индивидуализма. Если, съ одной стороны, несчастны жертвы общественнаго и государственнаго Левіаѳана (дочь мельника, Марія, Евгеній), то не менѣе несчастны и одиночки съ ихъ „постылой свободой", отказывающіеся отъ обязанностей общественнаго существованія (Алеко, Онѣгинъ). Въ такой постановкѣ все-человѣчески важнаго вопроса о личности и обществѣ, состоитъ третья заслуга Пушкина.

Признать права человѣческой личности на личное счастье и вмѣстѣ съ тѣмъ признать невозможность такого счастья, какъ въ настоящихъ общественныхъ усло-

віяхъ, такъ и внѣ какихъ бы то ни было условій—это обязывало къ „творчеству новыхъ формъ и идеаловъ и активному проведенію ихъ въ жизнь въ направленіи къ физическому, умственному, общественному и личному освобожденію личности“. Словами, поставленными въ кавычкахъ, Ивановъ - Разумникъ характеризуетъ преемственную задачу „внѣклассовой и внѣсословной“ русской интеллигенціи, имѣвшей въ Пушкинѣ перваго своего крупнаго представителя.

Русская интеллигенція... И еще русское мѣщанство, и русское босячество. Все „внѣклассовыя“...

Настоящій, типичный буржуа не любитъ видѣть босяковъ: онъ открываетъ для нихъ больницы, богадѣльни, ночлежные дома и т. д. Не любитъ онъ видѣть и непристроеннаго интеллигента и старается его нанять. Впрочемъ, если это не удается, онъ съ этимъ болѣе или менѣе мирится, считая извѣстную долю свободы неотъемлемымъ правомъ каждаго человѣка.

Но въ тѣхъ обществахъ, гдѣ господствуетъ девизъ „послѣ насъ хоть потопъ“, гдѣ въ политической тѣснотѣ и потемкахъ водворяется временами полная неразбериха, тамъ всегда есть ни къ чему не причередившіяся общественныя тѣла. Такъ въ Россіи есть не только интеллигентные помѣщики, интеллигентные чиновники, интеллигентные рабочіе и т. д.—есть еще внѣклассовая интеллигенція, героиня баррикадъ, тюремъ и эшафотовъ всего міра, тоскующая свидѣтельница домашнихъ неурядицъ. Поистинѣ

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и безсильная.

Великая, святая въ пораженіи и еще неизвѣстная, какъ побѣдительница.

Да, выйдя изъ дворянской интеллигенціи, Пушкинъ остался просто русскимъ интеллигентомъ. Никакой иной общественной среды онъ отыскать не могъ. Даже на

Западѣ, въ демократическихъ и рабовладѣльческихъ С. Штатахъ онъ чувствовалъ „мертвечину“.

Однажды онъ случайно лишь не попалъ съ другими интеллигентами на эшафотъ и не погибъ, „какъ шутъ“— слова его, которыя только наше время осмѣлилось разобрать, какъ они были написаны. Но его ждала гибель неизбѣжная и такая же нелѣпая въ своей трагичности.

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову
Не большой горой,
А соломинкой.

Въ этомъ не заслуга конечно. Но въ этомъ урокъ и право на вниманіе; урокъ для тѣхъ, кто думаетъ о возможности полнаго индивидуальнаго счастья безотносительно къ общественнымъ условіямъ; право на вниманіе тѣхъ, для кого дѣйствительно свободная, гармонически развитая личность мыслима лишь въ свободномъ, гармонически развивающемся обществѣ.

—•➤ ⮜•—

Гоголевская Русь.

Эхъ, тройка, птица тройка! кто тебя выдумалъ? Знать, у бойкаго народа могла ты только родиться... И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро, живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади! Остановился пораженный Божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе? Русь, куда-жъ несешься ты? Дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что ни есть на землѣ, и, косясь, постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства...

Эхъ, ты русская тройка! Не хитрый и не прочный ты нѣмецкій экипажъ, а наскоро, какъ пришлось, нала-

дилъ тебя простой мужикъ, не заботясь, что черезъ каждыя двѣ станціи бѣдному путнику придется ждать, пока подлецы кузнецы, заломивъ втридорога цѣну за свою работу, закрѣпятъ расшатавшійся передокъ или обтянутъ заново колесо. Не нарядный аккуратный кучеръ, а полупьяный ямщикъ, одѣтый въ какую-то дрянь изъ сѣраго сукна, сидитъ на козлахъ и то сонно ведетъ безконечную бесѣду съ залѣнившимися конями, то мчится, не разбирая дороги и не считая верстъ, мимо всякой дичи, глуши, кочекъ, обгорѣлыхъ пней, по ветхимъ мостамъ, по пыльному проселку, а то и по вспаханному полю и, какъ настоящій русскій возница съ добрымъ чутьемъ вмѣсто глазъ, всегда куда-нибудь да пріѣзжаетъ. И то опрокидывается въ грязь со всего размаху коляска, то безнадежно перепутываются кони въ упряжи встрѣчной тройки, то налетитъ сзади казенный фельдъегерь и трехъэтажною бранью разбудитъ сладко замечтавшагося путника.

Не такъ ли и вся, Русь, пылишь и гремишь ты въ сторону куда-то отъ наѣзженной, торной дороги, тщетно погоняя своихъ чубарыхъ, охочихъ до овса, но лукавыхъ на дѣлѣ коней. Куда ты несешься? Нѣтъ отвѣта. Бѣдно, разбросанно, непріютно впереди, и дышитъ не радушнымъ роднымъ пріемомъ братьевъ, но какою-то холодною занесенною вьюгою почтовою станціей, гдѣ видится одинъ ко всему равнодушный станціонный смотритель съ черствымъ отвѣтомъ: „Нѣтъ лошадей!“..

Читатель недоумѣваетъ. Онъ узналъ первую „тройку“: она цѣликомъ изъ Гоголя. Но откуда вторая? Да тоже изъ Гоголя. Въ ней нѣтъ почти ни одного слова, не принадлежащаго Гоголю, а смыслъ ея—смыслъ всѣхъ его произведеній, которыми онъ заслужилъ память потомства, стегнувъ бичемъ своего смѣха по конямъ, возницѣ и сѣдоку великой тройки — дореформенной Руси.

„Всѣмъ досталось“ — это замѣчаніе, приписываемое

императору Николаю I, конечно, навсегда остается справедливымъ относительно безконечной панорамы взятыхъ съ натуры Гоголевскихъ типовъ, жизненная правда которыхъ, даже иногда помимо воли автора и наперекоръ его лирическому восторгу, свидѣтельствуетъ, „какая грустная штука“ была эта крѣпостная чиновничья Русь. Стоитъ приглядѣться къ ней, и нѣтъ очарованія молніеносной тройки. „Веселое мигомъ обращается въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ“.

Самъ не привыкшій задумываться плутоватый Чичиковъ впалъ въ раздумье при мысли о бѣглыхъ крестьянахъ Плюшкина, ушедшихъ искать вольной жизни, и „задумался такъ“, говоритъ авторъ, „какъ задумывается всякій русскій, какихъ бы ни было лѣтъ, чина и состоянія, когда замыслитъ объ разгулѣ широкой жизни“. Значитъ, не было въ наличности этой дорогой сердцу „бойкаго народа“ широкой жизни, когда одна мысль о ней повергала всякаго въ грустное раздумье. И не было ея дѣйствительно и не могло быть въ рабской странѣ, когда вся ширина русской удали сказывалась въ прожиганіи жизни, въ затянувшихся за полночь балахъ, гдѣ „полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями въ освѣщенномъ и оглушенномъ громомъ музыки саду, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной тѣни озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, а вверху темнѣе и суровѣе и въ двадцать разъ грознѣе является черезъ то ночное небо и далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни“.

И вездѣ только въ извращенномъ видѣ, какой-то пародіей на дѣйствительно широкую жизнь является у правдиваго художника русская удаль—будетъ ли это историческій человѣкъ Ноздревъ или чиновная особа

Самосвитовъ, дѣлавшій пакости во всю ширь своей натуры.

Какъ нѣтъ мѣста широкой удали въ Гоголевской Руси, такъ нѣтъ въ ней мѣста и тому бойкому, мѣткому, животрепещущему русскому слову, которое такъ высоко, выше слова всякаго другого народа ставилъ Гоголь.

Не въ одномъ ли только прозвищѣ, данномъ Плюшкину и не помѣщающемся въ печатной книгѣ, и сказалось это сильное, отъ сердца идущее, замашистое слово, которое бойкій русскій умъ „влѣпливаетъ сразу, какъ *пашпортъ* на вѣчную носку“? Безтолковое, несвязное слово тянется у мужика „поумнѣе“, объясняющаго Чичикову, какъ проѣхать въ Маниловку; пьяное, вялое слово Селифана усыпляетъ самого подлеца чубараго; трепетное, жалкое слово срывается у бѣднаго Акакія Акакіевича; глупое, обидное слово ссоритъ навѣки Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ; бранное, неприличное слово отличаетъ „важнаго господина“; дикимъ, властнымъ словомъ гремитъ „значительное лицо“; какъ скрытый бурьяномъ вонючій ручеекъ, журчитъ „душеспасительное“ слово Плюшкина; льстивое и продажное извивается печатное слово въ похвалахъ „необыкновеннымъ талантамъ художника Чарткова“ и мудрости правителя города.

Бойкія, размашистыя слова нарушаютъ тишину засыпающаго русскаго города, но „какъ варомъ обдадутъ“ эти „роковыя“ слова какого-нибудь замечтавшагося юношу, который, „возвращаясь изъ театра, несетъ въ головѣ чудный женскій образъ,—и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости“—и видитъ онъ, что вновь очутился на землѣ и даже на сѣнной площади, и даже близъ кабака, „и вновь пошла по будничному щеголять передъ нимъ жизнь“.

Изрѣдка прорвется сквозь тиски цензуры бойкое, мѣткое русское слово, но какъ же и вскинется тогда

на писателя Гоголевская Русь! „Таково уже, видно, расположеніе въ воздухѣ. Достаточно сказать только, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ—это уже и личность: вдругъ выскочитъ господинъ почтенной наружности и закричитъ: „Вѣдь я тоже человѣкъ, стало быть, я тоже глупъ"; словомъ, вмигъ смекнетъ въ чемъ дѣло".

И если въ силахъ этотъ господинъ почтенной наружности, то постарается онъ „всѣхъ щелкоперовъ, либераловъ проклятыхъ узломъ завязать, въ муку стереть, да чорту въ подкладку"...

И сокращаясь примѣнительно къ независящимъ обстоятельствамъ, до какого-нибудь намека спускалось мѣткое слово русскаго писателя, но и то внушало опасенія, такъ какъ Гоголевская Русь была подозрительна и мнительна, какъ воръ или сыщикъ.

У маіора Ковалева не берутъ объявленія о пропажѣ его носа, такъ какъ недавно газета приняла объявленіе о томъ, что сбѣжалъ пудель черной масти, „а вышелъ пасквиль: пудель-то этотъ былъ казначей какого-то заведенія".

Какъ близокъ къ дѣйствительности былъ этотъ вымыселъ сатирика въ то время, когда печатаніе ариѳметическаго задачника задерживалось, потому что въ математическомъ многоточіи видѣли желаніе автора на что-то намекнуть, а юмористическое объявленіе о выходѣ энциклопедическаго словаря вызывало цѣлую бурю въ цензурномъ вѣдомствѣ, усмотрѣвшемъ тутъ указаніе на безмѣрный выпускъ правительствомъ кредитныхъ билетовъ!

Удивительно-ли, что при такихъ условіяхъ не является человѣка, который, познавъ „всю силу и свойства русской природы, на родномъ языкѣ русской души крикнулъ бы пробуждающимъ крикомъ бодрящее слово „впередъ", котораго жаждетъ повсюду на всѣхъ сту-

пеняхъ стоящій всѣхъ сословій и званій и промысловъ русскій человѣкъ".

Не слышно въ Гоголевской Руси такого слова, потому что не было такого человѣка, который бы выше всего чтилъ „святѣйшее изъ званій—*человѣкъ*". Дворяне, чиновники, купцы были въ Гоголевской Руси, а просто свободныхъ людей не было, просто „люди" значило — рабы, ничто, крещеная собственность, составлявшая однако внушительную часть населенія.

Въ немногихъ, но памятныхъ по своей яркости картинахъ представилъ Гоголь ту высшую ступень почти нечеловѣческаго равнодушія къ своей судьбѣ и безличія, до котораго доведенъ крѣпостной.

Припомнимъ для примѣра кучера Селифана, „неоцѣненнаго кучера Селифана", какъ выразился выросшій на крѣпостнической почвѣ критикъ Шевыревъ, умилявшійся передъ „доброй человѣческой натурой" чичиковской собственности. Вотъ стоитъ эта добрая натура надъ барахтающимся въ грязи бариномъ.

— Вишь ты, и опрокинулась! — произноситъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія, поглядывая на бричку.

— Вотъ я тебя высѣку,—грозитъ баринъ.

— Какъ милости вашей будетъ завгодно,—отвѣчалъ на все согласный Селифанъ.—Коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ этого. Почему же не посѣчь, коли за дѣло? На то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать.

„Добрая человѣческая натура"?! Искаженный до неузнаваемости образъ Божій!

Забитый, запуганный мужикъ боится „одного картуза капитана исправника" или уже вдругъ проявитъ себя и проявитъ такъ, какъ умѣетъ проявлять себя только выведенный изъ терпѣнія смирный русскій человѣкъ. Передъ самымъ отъѣздомъ Чичикова изъ города N. мужички двухъ селъ снесли съ лица земли земскую

полицію въ персонѣ засѣдателя Дробяжкина, котораго нашли на дорогѣ въ такомъ видѣ, что мундиръ на немъ былъ хуже тряпки, а ужъ физіономіи и распознать нельзя было. Вина засѣдателя была въ томъ, что слабъ онъ былъ по сердечной части и повадился черезчуръ часто въ деревню, „что въ иныхъ случаяхъ стòитъ повальной горячки". Но и въ этой расправѣ крестьянскій міръ Гоголевской Руси такъ же безличенъ, такъ же похожъ на какое-то неодушевленное, неорганическое тѣло, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда отдѣльные его члены продаются, проигрываются или уступаются вмѣстѣ съ колясками, дачами и прочимъ добромъ или вымѣниваются на лошадей и сами идутъ взамѣнъ какого-нибудь особеннаго сафьяннаго съ золотомъ кисета.

Мало, того „по существующимъ положеніямъ русскаго государства, въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончивши земное поприще, числятся однакожъ до подачи новой ревизской сказки наравнѣ съ живыми" и, будучи „въ нѣкоторомъ родѣ совершенной дрянью", „прахомъ", „тряпкой, хуже тряпки", облагаются податями, „какъ бы живой предметъ", и при извѣстной находчивости и смѣлости въ качествѣ такового подлежатъ всякимъ коммерческимъ операціямъ, „или негоціямъ".

Какъ ни привычны были нервы крѣпостническаго общества, но сценъ продажи мертвыхъ душъ не выдержали. То, что проходило незамѣтно въ обычной обстановкѣ, показалось во всей дикости при томъ освѣщеніи, какое далъ Гоголь. Два съ полтиной рубля за человѣческую душу—это возмутительно. „Этого ни во Франціи, ни въ Англіи и нигдѣ нельзя позволить", негодовали добрые люди.

Но Гоголь показалъ, что въ странѣ, гдѣ одна половина населенія продается и покупается вмѣстѣ съ пухомъ, пенькой и медомъ, другая половина населенія мо-

жетъ только снаружи и по недаразумѣнію считаться свободной и благородной. Поищите въ Гоголевской Руси человѣка, который бы цѣнился, какъ личность разумно-нравственная. Не найдете такого человѣка, потому что Гоголевская Русь не знала и не понимала такой оцѣнки. Каждый оцѣнивался по числу принадлежащихъ ему ревизскихъ душъ, по своему чину или, наконецъ, по степени близости къ другому лицу, обладающему ревизскими душами и чинами.

Поэтому Чичиковъ сразу зарекомендовалъ себя „основательнымъ" человѣкомъ, такъ какъ сначала справлялся о количествѣ крѣпостныхъ душъ у того или иного гостя, а потомъ только о его фамиліи, имени и отчествѣ.

„Надобно сказать, поясняетъ Гоголь, что у насъ на Руси, если не угнались еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣньи обращаться. Французъ или нѣмецъ вѣкъ не смекнетъ и не пойметъ всѣхъ особенностей и различій нашего обращенія; онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ милліонщикомъ и съ мелкимъ табачнымъ торгашемъ, хотя конечно, въ душѣ по подличаетъ въ мѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе, нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста; а съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ... словомъ, хоть восходи до милліона, все найдутся оттѣнки".

Тѣ же оттѣнки и въ чиновномъ мірѣ. Какой-нибудь правитель канцеляріи... „Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ — да просто отъ страха и слова не выговоришь. Прометей, рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что

мочи нѣтъ“. Человѣкъ, у котораго нѣсколько сотъ душъ или милліонное состояніе, или крупный чинъ, оказываетъ прямо какое-то химическое дѣйствіе на нравственное вещество окружающихъ, хотя бы и не подчиненныхъ ему людей: „когда вельможа говоритъ, чувствуешь страхъ“. Даже очень хорошо зная, что ничего отъ него не получатъ, „непремѣнно хоть забѣгутъ ему впередъ, хоть засмѣются, хоть снимутъ шляпу“, словомъ, по выраженію Гоголя, въ присутствіи такого человѣка чувствуютъ какое-то „нѣжное расположеніе къ подлости„.

Прилгнуть и прибавить себѣ чинъ, назвать себя майоромъ, а не коллежскимъ асессоромъ, приписать себѣ хоть въ воображеніи больше богатства, чѣмъ есть—общая замашка въ Гоголевской Руси, и притомъ еще „страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для русскаго человѣка лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній“.

Родство, дружба—все человѣческое забывается, глохнетъ въ Гоголевской Руси предъ интересами карьеры. „Скажите, пожалуйста“, говоритъ Хлестаковъ Землянникѣ: „мнѣ кажется, какъ будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, не правда ли?“

— Очень можетъ быть,— соглашается тотъ и „для пользы отечества“ начинаетъ наушничать на „родню и пріятеля“—достойнаго Аммоса Ѳедоровича.

Личнаго достоинства ни на каплю. Тотъ же самый поручикъ Пироговъ, который гордится своимъ чиномъ и даже однажды на улицѣ, вдохновляемый двумя весьма недурными дамами, проходящими около, въ рѣзкихъ словахъ замѣчаетъ писарю, что передъ нимъ стоитъ поручикъ, а не другой какой офицеръ; тотъ же самый Пироговъ за чтеніемъ „Сѣверной Пчелы“ и двумя слоеными пирожками забываетъ, что его только передъ этимъ пребольно высѣкли три пьяныхъ нѣмецкихъ ремесленника.

Кочкаревъ въ „Женитьбѣ“ очень резонно объясняетъ Агафьѣ Тихоновнѣ, что ей нечего бояться гнѣва жениховъ: самое большее, если кто-нибудь плюнетъ въ глаза, но что это за обида? Инымъ плевали нѣсколько разъ. Если бы еще далеко былъ платокъ, а то вѣдь онъ въ карманѣ—взялъ да и вытеръ. Унтеръ-офицерша, которую полиція „отрапортовала“ по ошибкѣ, горитъ однимъ желаніемъ сорвать за это „штрафъ“, и говоритъ, что ей „отъ своего счастья неча отказываться“.

„Историческій человѣкъ“ Ноздревъ, какъ извѣстно, часто бывалъ битъ за мошенничество. „И что можетъ только на одной Руси случиться“, по словамъ Гоголя, черезъ нѣсколько времени побитый за мошенничество мирно сходился съ тѣми, кто побилъ его за мошенничество—„и онъ ничего, и они ничего“. „Ужъ вы женщины“, урезониваетъ городничій свою жену: вамъ все финтифлюшки! „Васъ посѣкутъ, да и только!“.

Обладаніе ревизскими душами какъ будто упраздняло въ дворянинѣ Гоголевской Руси его собственную душу, и только интересы плоти, желудка становились ему близки и понятны. Гоголевская Русь вся вообще развратна и обжорлива. Оставляя уже въ сторонѣ обреченныхъ на животное существованіе мужиковъ, взгляните, какъ живутъ привилегированные классы. У кого изъ нихъ Гапка, у кого какая-то діаконица, то своячиница, то смазливая нянька.

„Значительное лицо“, человѣкъ не молодой, выростившій двухъ сыновей и миловидную шестнадцатилѣтнюю дочь, которые каждый день цѣловали ему руку, приговаривая: „bonjour, papa“, мирно и согласно жившій съ супругой, женщиной еще свѣжей, и вообще „совершенно довольный домашними семейными нѣжностями, нашелъ приличнымъ имѣть для дружескихъ отношеній пріятельницу“ Каролину Ивановну.

У милѣйшаго Добчинскаго старшій и очень способный сынишка рожденъ до брака, хотя совершенно

такъ же, какъ бы и въ бракѣ, а всѣ слѣдующія дѣти— какъ вылитый судья. Въ городѣ N. при всей изысканности выраженій и при всей строгости нравовъ, исполненныхъ благороднаго негодованія противъ всего порочнаго, происходило однако между дамами „другое— третье“, но только при этомъ не подавалось и вида, что оно происходило, и сохранялось все достоинство.

Припомните также, какъ ѣли и объѣдались въ Гоголевской Руси до болѣзни, до потери сознанія, ѣли, какъ будто священнодѣйствовали. „Сія дыня съѣдена такого-то числа. Присутствовалъ такой-то“. Это Иванъ Ивановичъ записываетъ каждый разъ. А Иванъ Никифоровичъ любитъ пить чай въ рѣкѣ, гдѣ ставятъ ему столъ и самоваръ. Городничій, рисуя себѣ идеалъ новой, петербургской жизни, съ умиленіемъ представляетъ, какъ онъ будетъ кушать двѣ рыбки—ряпушку и корюшку. Собакевичъ въ одинъ присѣстъ уничтожаетъ пудоваго осетра, впадая послѣ этого въ сонное состояніе. О благотворномъ дѣйствіи слоеныхъ пирожковъ на возмущенную душу Пирогова пришлось уже сказать выше.

По какой-то роковой судьбѣ въ Гоголевской Руси удаются только такія „представительныя засѣданія“, которыя составляются для того, чтобы „покутить или пообѣдать“. На разныя благотворительныя и поощрительныя общества „готовности“ много, но дѣло кончается тѣмъ, что на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ устраивается „обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города“, остальныя деньги идутъ на обзаведеніе комитету, а для бѣдныхъ остается „пять рублей съ полтиной“, да и тѣ каждый членъ комитета норовитъ передать какой-нибудь своей кумѣ.

Это не дѣятели и не граждане, а просто какіе-то „существователи“, по мѣткому слову Гоголя. Пустота и безсильная праздность жизни смѣнялась мутной, ничего не говорящей смертью. Умеръ Акакій Акакіевичъ—

и ничего не измѣнилось, какъ будто пролетѣла муха, и на его мѣстѣ тотчасъ же сѣлъ другой чиновникъ, и только измѣнился нѣсколько видъ бумагъ: онѣ стали переписываться другимъ почеркомъ. Но умеръ прокуроръ—и какая же разница? „Вотъ напечатаютъ въ газетахъ, размышляетъ Чичиковъ, что скончался къ прискорбію подчиненнныхъ и всего человѣчества, что былъ сопровождаемъ плачемъ вдовъ и сиротъ, а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, такъ на повѣрку, у тебя всего только и было, что густыя брови“. А безконечная толпа провожающихъ занята была разговоромъ о своихъ дѣлахъ — о новомъ генералъ-губернаторѣ, фестончикахъ и нашивочкахъ.

Бѣдности, грязи, убожеству въ духовной жизни соотвѣтствовало то же и въ матеріальной жизни Гоголевской Руси. Бѣдна и неопрятна внѣшность Гоголевской Руси. Раціональнаго хозяйства нигдѣ нѣтъ, кромѣ помѣщика Костанжогло, у котораго „всякая дрянь даетъ доходъ“, но вѣдь это человѣкъ не чисто русской крови. Собакевичи, Коробочки, Товстогубы управляются со своими помѣстьями больше по какому-то инстинкту, какъ бобры устраиваютъ свои хитрыя норы, но яснаго, широкаго взгляда на дѣло у нихъ нѣтъ, и благодатная природа или совершенное ничтожество окрестныхъ владѣтелей да крѣпостныя руки являются ихъ единственными союзниками. У Маниловыхъ, Плюшкиныхъ, Ноздревыхъ, Пѣтуховъ и всѣхъ прочихъ собственно хозяйства нѣтъ, а такъ что-то такое—ни то, ни се. Имѣніе то запущено, то заложено, то все въ рукахъ мужика-приказчика. А каково убранство помѣщичьяго дома? Залѣпленныя окна и знаменитая куча въ углу у Плюшкина, вѣчно необитыя кресла у Манилова, неуклюже-нелѣпая обстановка у Собакевича, вѣчная грязь у Ноздрева и т. д. и т. д.

Посмотримъ на городское благоустройство. „На улицахъ кабакъ, нечистота“, ужасается городничій, узнавъ

о пріѣздѣ ревизора: „и что за скверный городишка— поставь только памятникъ или просто заборъ, такъ сейчасъ и нанесутъ на 40 телѣгъ всякаго сору“. Да еще всюду видна „дрянная гарниза“, у которой сверхъ рубахи только мундиръ, а внизу ничего и нѣтъ. Миргородскій городничій не ждетъ ревизора и потому очень спокойно любуется на „озеро“, находящееся на главной городской площади, и на плетни и заборы, украшенные не совсѣмъ приличными для разсматриванія, но совершенно необходимыми принадлежностями туалета обывателей.

А вотъ губернскій городъ N. Мостовыя вездѣ плоховаты, дома однообразны, далеко тянутся заборы съ обычными надписями и приводятъ къ пустынной или, какъ у насъ выражаются, „красивой площади“. Городской садъ состоялъ изъ тоненькихъ, дурно принявшихся деревъ не выше тростника, о которыхъ, впрочемъ, сказано было въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что „городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ, состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широко-вѣтвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день“. Чаще всего попадаются дома, украшенные государственнымъ гербомъ или лаконической надписью: „Питейный домъ“. Самымъ убогимъ, грязнымъ, наводящимъ тоску и уныніе уголкомъ гоголевскаго города были присутственныя мѣста. Тогда не заботились о чистотѣ, и „то, что̀ было грязно, такъ и оставалось грязнымъ. Ѳемида просто, какова есть, въ неглиже и халатѣ принимала гостей“. Надъ самымъ столомъ съ бумагами могъ преспокойно висѣть охотничій арапникъ, свидѣтельствовавшій о наклонностяхъ судьи, а въ комнатѣ просителей, иногда же и на крыльцѣ „присутствія“ шныряли куры, гуси и другая живность, подбирая зерна, разсыпанныя неосторожными просителями изъ приносимыхъ ими для доказательства невинности кузовковъ.

Отчего же такъ неказиста и убога внутри и снаружи

Гоголевская Русь? Оттого, что не располагала она средствами ни пріобрѣсти, ни сохранить надлежащимъ образомъ внутреннее и внѣшнее благообразіе.

Дурное воспитаніе, всеобъемлющая ложь, административный и судебный произволъ были разными сторонами одного общаго зла, въ силу котораго Гоголевская Русь была бѣдна и неприглядна во всѣхъ отношеніяхъ. Съ горечью отмѣчаетъ Гоголь невѣжественную раздражительность, какою встрѣчено его лучшее произведеніе. Это „признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы", говоритъ онъ. „То, что̀ бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества, а это невѣжество всеобщее".

Гоголевскіе герои учились на мѣдныя деньги. Миргородскій городничій лишь на 30-мъ году сталъ учиться скорописному письму, а судья, прочитавшій 5—6 книгъ, уже слыветъ среди сослуживцевъ вольнодумцемъ, отъ рѣчей котораго волосъ дыбомъ становится. Просвѣщеніе разсматривается, какъ нѣчто опасное, вредное или, по крайней мѣрѣ, странное и ненужное, и приняты всѣ средства, чтобы его обезвредить. Хорошее поведеніе, послушаніе ставится выше успѣховъ въ наукахъ, и въ умномъ и остромъ мальчикѣ учитель уже подозрѣваетъ заносчивость и непокорность. Рабы боятся, какъ бы ненарокомъ не воспитать свободнаго человѣка. Сдѣланная учителемъ при входѣ начальства гримаса уже принимается за попытку „внушить юношеству вольнодумныя мысли" и навлекаетъ выговоръ на вѣчно трепещущаго смотрителя училища. „Не приведи Богъ служить по ученой части: всего боишься!" Нужно ли говорить, что физическое воздѣйствіе считается самымъ раціональнымъ педагогическимъ средствомъ. Городничій такъ формулируетъ примѣненіе его въ разныхъ системахъ воспитанія, обращаясь къ купцамъ: „Да дворянинъ... ахъ ты рожа! Дворянинъ учится

наукамъ: его хоть и *съкутъ* въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что?—начинаешь плутнями, тебя хозяинъ *бьетъ* за то, что не умѣешь обманывать".

Несмотря на всѣ урѣзыванія, производимыя Гоголевской Русью надъ бѣдной наукой, несмотря на домостроевскіе методы обученія, школа никакъ не могла вполнѣ поладить съ жизнью, и, по неисповѣдимому закону судебъ, умные люди удивляютъ гоголевскихъ героевъ тѣмъ, что они или пьяницы, или рожу состроятъ, или живутъ какими-то отверженными. Собакевичъ по-своему правъ, когда говоритъ, что „просвѣщеніе—фукъ". Въ самомъ дѣлѣ, на что нужна наука помѣщику-крѣпостнику? Маниловы, Платоновы или Тентетниковы—какъ они приложатъ свои знанія, не слишкомъ и обширныя притомъ, къ неопрятному, грубому хозяйскому дѣлу? Тетушка Шпоньки своей рукой била непокорныхъ вассаловъ и пьяницу мельника сдѣлала шелковымъ мужикомъ. Что же могла на ея мѣстѣ сдѣлать Манилова со своимъ пансіонскимъ воспитаніемъ, въ основѣ котораго были французскій языкъ, фортепіано и вязаніе сувенировъ для супруга? Какъ было ругать мужиковъ „неумытымъ рыломъ" и давать имъ подзатыльники гуманно воспитанному Тентетникову, когда онъ самъ не могъ вынести канцелярскаго деспотизма и поссорился съ сосѣдомъ помѣщикомъ изъ-за фамильярнаго „ты"?

Ни въ какомъ университетѣ нельзя было узнать, что не слѣдуетъ „въ одной строкѣ писать *сі-*, а въ другой *ятельству*" и оставлять въ оффиціальной бумагѣ неровныя поля, зато безъ всякихъ университетовъ „дѣловой человѣкъ" Гоголевской Руси зналъ, когда нужно сбросить съ рукъ Зюзюшку и развернуть передъ собой Сводъ Законовъ.

Совершенно естественнымъ порядкомъ все болѣе или менѣе честное, развитое устранялось изъ обихода, и господство въ канцеляріяхъ оставалось за Сквозниками-Дмухановскими, Собакевичами и имъ подобными.

6*

Воинствующее невѣжество вело дѣла, какъ ему было угодно, и при малѣйшей попыткѣ не только сопротивленія, но просто вслухъ выраженнаго несочувствія поднимало грозный кличъ: Отечество въ опасности. Гоголю пришлось испытать это на себѣ.

Невѣжество всегда идетъ рядомъ съ ложью. Оно прикрывается ложью, ищетъ въ ней силы и само служитъ ей защитой и даетъ силу. Естественно, что невѣжественная Гоголевская Русь сверху донизу заражена ложью. Разными недостатками и пороками отличаются гоголевскіе герои—но одинъ у всѣхъ общій: всѣ они лгутъ, если не передъ людьми, то передъ собой и, кажется, тутъ нѣтъ ни одного исключенія. У нихъ „не прилгнувши, не говорится никакая рѣчь". Ложь принимаетъ у нихъ самыя разнообразныя формы и проявляется во всѣхъ степеняхъ отъ граціозной Маниловской увертки на вопросъ чиновниковъ о Чичиковѣ, до колоссальной Ноздревщины и Хлестаковщины. Гоголевская Русь лжетъ, вретъ, сплетничаетъ, обманываетъ, надуваетъ, мошенничаетъ, лукавитъ, лжесвидѣтельствуетъ, лицемѣритъ, клевещетъ—по привычкѣ, отъ нечего дѣлать, по настроенію, съ расчетомъ, безкорыстно, изъ трусости, въ отместку, робко и съ убѣжденіемъ. Знаменитые гоголевскіе герои Хлестаковъ и Чичиковъ все свое благополучіе строятъ на обманѣ, и Чичиковъ впослѣдствіи совершенно искренно жалуется на судьбу, разрушившую всѣ его расчеты—онъ „трудился", онъ не то что кого ограбилъ или обворовалъ казну; „покривилъ, но вѣдь покривилъ только тогда, когда увидѣлъ, что прямой дорогой не возьмешь".

Въ этомъ убѣжденіи, что „прямой дорогой не возьмешь", Собакевичъ приписываетъ въ числѣ мужиковъ Елизаветъ Воробей, надувая Чичикова на 2 рубля съ полтиной, Ноздревъ двигаетъ рукавомъ шашки, Ихаревъ подбираетъ шулерскую колоду картъ, Осипъ „шмыгаетъ" отъ извозчика въ проходныя ворота, масте-

ровой — кузнецъ, портной, сапожникъ — запрашиваетъ втридорога и ставитъ дурной товаръ, а послѣ, отвадивъ обманомъ заказчиковъ, запиваетъ и жалуется: „Плохо на свѣтѣ. Нѣтъ житья русскому человѣку: все нѣмцы мѣшаютъ". А тутъ же рядомъ мастеровой нѣмецъ, разсчитавшій впередъ всю жизнь, когда еще „русскій живетъ на фу-фу", гордясь своей честностью, стыдится обмануть въ чемъ-нибудь заказчика и живетъ припѣваючи, и еще „вдохновенно" напивается по праздникамъ. Какъ онъ умудряется это дѣлать, Гоголевская Русь представить не можетъ и жестоко бранитъ нѣмца, что въ немъ широты размаха нѣтъ, и предпочитаетъ съ налету урвать гдѣ-нибудь покрупнѣе кушъ, предпочтительно на счетъ государства или въ силу власти, отъ государства полученной.

Казнокрадство и взятка—это почти узаконившіяся и освященныя обычаемъ средства обогащенія. „Это уже самимъ Богомъ устроено, и вольтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ". Притомъ же все это „дѣла семейныя". Беретъ всякій, кто можетъ, сколько можетъ и гдѣ можетъ. „Инкогнито" ревизора обнаруживается, между прочимъ, потому, что онъ „денегъ не платитъ". У Гоголя въ его записныхъ книжкахъ занесены любопытныя свѣдѣнія о разнаго рода взиманіяхъ, доступныхъ губернатору и прокурору. Не воспользовавшись этимъ матеріаломъ, авторъ „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ" далъ неисчерпаемый запасъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о необыкновенной находчивости чиновничества Гоголевской Руси въ нагрѣваніи рукъ насчетъ казны и всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ администраціей и судомъ. Уже не говоря объ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ чиновникахъ, какой-нибудь Осипъ, только-что почуявшій какое-то касательство къ власти, начинаетъ распоряжаться: „Отнесешь письмо на почту и скажи почтмейстеру, чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку,

курьерскую; а прогону, скажи, баринъ не платитъ; прогонъ, молъ, скажи, казенный". Купецъ, тотъ самый купецъ, котораго городничій хватаетъ за бороду, величаетъ татариномъ и заставляетъ нести ему всякихъ припасовъ и на Антона и на Онуфрія, надуваетъ казну на 100 тысячъ да еще ждетъ себѣ награды, потому что тотъ же городничій является тутъ его союзникомъ. Въ Гоголевской Руси казнокрадство представлялось однимъ изъ чиновничьихъ полномочій, а взятка была важнѣйшимъ рычагомъ административнаго и судебнаго механизма. Въ этомъ отношеніи рядомъ съ взяткой стояли, во-первыхъ, личное расположеніе или нерасположеніе и, во-вторыхъ, минутное настроеніе начальствующаго; того же, что въ политически свободныхъ государствахъ называется закономъ, въ Гоголевской Руси совершенно не существовало, и здѣсь многочисленные историческіе факты и свидѣтельства даже такихъ людей, какъ панегиристъ Каткова—Любимовъ, вполнѣ подтверждаютъ картину, нарисованную Гоголемъ, картину мѣстами еще слишкомъ блѣдную, потому что не мало яркихъ штриховъ было замазано стоявшею на высотѣ призванія цензурой. Но и того, что было брошено въ глаза обществу, было много со стороны писателя до-реформенной, крѣпостной Руси. Одна Чичиковская эпопея—это грозный протестъ противъ тогдашняго бюрократическаго царства.

Среди наставленій прописной морали и примѣровъ безсовѣстнаго нарушенія всякихъ божескихъ и человѣческихъ законовъ воспитывался Чичиковъ въ родительскомъ домѣ, казнокрадствомъ и подлостью составилъ служебную карьеру и сталъ почтеннымъ человѣкомъ, очаровывающимъ всѣхъ до единаго, отъ Плюшкина и до генерала Бетрищева. Ему друзья всѣ чиновные люди, которымъ онъ умѣетъ во-время польстить непринадлежащимъ имъ титуломъ превосходительства. Зато онъ не боится опоздать въ палату, „ибо предсѣдатель

былъ человѣкъ знакомый и могъ продлить и укоротить по его желанію присутствіе". Съ Чичикова не только не берутъ взятокъ, не только заканчиваютъ его дѣло съ необыкновенной быстротой, — но предсѣдатель еще даетъ приказаніе изъ пошлинныхъ денегъ взять съ него только половину, „а другая неизвѣстно какимъ образомъ отнесена была насчетъ какого-то другого просителя". Но вотъ повернулось колесо фортуны — и Чичиковъ такъ, какъ его засталъ жандармъ, во фракѣ наваринскаго дыма съ пламенемъ, попадаетъ въ тюрьму.

„Какъ же можно такъ поступить?—въ отчаяніи рыдаетъ онъ: дворянина, дворянина безъ суда, безъ слѣдствія бросить въ тюрьму!" Новый оборотъ судьбы: является... — не правый судъ, конечно: въ немъ не было надобности — является прохвостъ Самосвитовъ, типъ людей, которые въ глухія времена безправія становятся сильнѣе закона – онъ измѣняетъ все дѣло. Подъ видомъ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей караульный солдатъ приноситъ Чичикову въ тюрьму его драгоцѣнную шкатулку и всѣ его бумаги, а вскорѣ Чичиковъ уже на свободѣ, и намѣсто женщины, бывшей уликою противъ него, оказывается въ тюрьмѣ другая, ничего не знавшая и не понимавшая, а прежнюю запрятали куда-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась.

Возможность утѣснить, прижать человѣка, надругаться надъ его личностью или пренебречь ею — пріятно щекочетъ самолюбіе гоголевскаго чиновника. Хлестаковъ, не разъ, конечно, испытывавшій прелесть начальническаго распеканія на своей особѣ, вдохновенно рисуетъ воображаемую картину, какъ онъ прижалъ государственный совѣтъ, и какъ въ его передней, пока онъ еще не проснулся, жужжатъ, точно шмели, графы, князья и министры. Городничій, который уже и въ своемъ дѣйствительномъ чинѣ хозяйничаетъ всѣмъ городомъ по домашнему, умиляется мыслью, какъ онъ будетъ генераломъ. „Вѣдь почему хочется быть генераломъ?

Потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ впередъ: лошадей! и тамъ на станціи никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь. Вотъ что̀, канальство, заманчиво!"

— Тебѣ все такое грубое нравится, замѣчаетъ его супруга, и это вѣрно относительно всѣхъ Сквозниковъ-Дмухановскихъ, даже и тѣхъ, которые стали потомъ ѣздить на экстренныхъ поѣздахъ, задерживая всѣ пассажирскіе, почтовые, скорые, курьерскіе...

Но сама-то Анна Андреевна въ ожиданіи того, когда ея Антоша „влѣзетъ въ генералы", начинаетъ такъ „трактовать" своихъ знакомыхъ, что вызываетъ среди нихъ полное неудовольствіе.

Знаменитое изреченіе Сквозника-Дмухановскаго: „Чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя" нужно понимать въ самомъ широкомъ смыслѣ. Именно „ломка", ломка не только зданій, дорогъ, но и живыхъ людей, характеровъ, исторически выросшихъ учрежденій. Если же къ этому изреченію городничаго присоединить еще хлестаковское: „Я вдругъ... У меня необыкновенная легкость въ мысляхъ", то передъ нами краткая, но выразительная характеристика не только градоправителей, а и всѣхъ вообще правителей Гоголевской Руси.

Городничій, обманувшій трехъ губернаторовъ, не попался бы такъ глупо въ просакъ и не принялъ „сосульку, тряпку" за ревизора, если бы при „необыкновенной легкости въ мысляхъ" у людей власть имущихъ нельзя было ожидать какого-нибудь необыкновеннаго назначенія.

Вращаясь въ мірѣ случайностей, бѣдный титулярный совѣтникъ Поприщинъ сходитъ съ ума на мысли о томъ, почему онъ только титулярный совѣтникъ, почему его не могутъ вдругъ пожаловать въ генералъ-губернаторы или еще въ какой-нибудь важный санъ.

„Прикажутъ — акушеромъ буду“, говорилось тогда среди живыхъ, а не вымышленныхъ людей. Акакій Акакіевичъ и въ могилу сошелъ потому, что постороннему генералу „вдругъ“ вздумалось показать передъ своимъ пріятелемъ, что „слово его можетъ лишить даже чувствъ человѣка“. Между тѣмъ въ душѣ это былъ добрый человѣкъ: его только „генеральскій чинъ совершенно сбилъ съ толку“ и, ставъ изъ незначительнаго лица вдругъ значительнымъ лицомъ, онъ всѣми силами старался не уронить своего положенія мягкимъ отношеніемъ къ низшимъ чиновникамъ. „Такъ уже на святой Руси все заражено подражаніемъ: всякій дразнитъ и корчитъ своего начальника“.

Легкости въ мысляхъ и быстроты недостаетъ у администраціи только тогда, когда въ этомъ нуждается обыватель. Съ этой стороны любопытно взглянуть на полицію Гоголевской Руси.

„Бабы подрались на улицѣ, а полиція не доспѣла“, и унтеръ-офицерская вдова поэтому „сама себя высѣкла“. Когда весь составъ полиціи долженъ быть налицо, всегда оказывается, что какой-нибудь Прохоровъ „къ дѣлу не можетъ быть употребленъ: вчерашняго дня случилась за городомъ драка — поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ“.

Когда обывателя грабятъ, блюститель общественной безопасности дремлетъ „по уставамъ своего рыцарства, склонясь на алебарду“, а когда ограбленный обыватель послѣ долгихъ хлопотъ добирается до пристава, то его самого прежде всего подвергаютъ допросу, почему онъ такъ поздно возвращался домой и не былъ ли въ какомъ-нибудь непорядочномъ домѣ. Тамъ, гдѣ во главѣ администраціи стоятъ Сквозники-Дмухановскіе, полицейскіе Держиморды не только „не по чину берутъ“, но и готовы для порядка правому и виноватому ставить синяки подъ глазами. Въ городѣ N, гдѣ губернаторъ вышиваетъ по тюлю такъ искусно, что ника-

кой дамѣ не уступитъ, управленіе нѣсколько мягче. Но все-таки полицеймейстеръ этого города настоящій „чудотворецъ“: стоитъ ему мигнуть, проходя мимо рыбнаго ряда, и у него тотчасъ явятся припасы для великолѣпнаго угощенія. А вотъ когда дошло дѣло до „мертвыхъ душъ“, то и „чудотворецъ“ не зналъ, какія мѣры предпринять, и кто такой Чичиковъ: „такой ли человѣкъ, котораго нужно задержать и схватить, какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человѣкъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ, какъ неблагонамѣренныхъ“.

Относительно суда, который наравнѣ съ полиціей оберегаетъ безопасность, имущество, честь и свободу обывателей, составилось въ Гоголевской Руси мнѣніе, что ему „самъ Богъ покровительствуетъ“. Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ давно махнулъ рукой на дѣла, травитъ себѣ зайцевъ на земляхъ истцовъ и отвѣтчиковъ и готовъ примириться, если написанное о немъ слово „моветонъ“ значитъ „только мошенникъ“.

Благо тому, кто не нуждается въ судѣ Гоголевской Руси и остается недосягаемымъ для него.

Мирно доживаетъ свой вѣкъ и наживаетъ сыновей и внуковъ помѣщикъ, отданный подъ судъ, но не заботящійся объ этомъ, и разоряются Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, пытаясь ускорить движеніе знакомой Гоголю до-реформенной Ѳемиды.

Намъ незачѣмъ употреблять усилія, чтобы соединить всѣ отдѣльныя вышеприведенныя подробности въ одну общую картину: это сдѣлалъ самъ Гоголь въ той странной книгѣ, гдѣ сентиментальныя мечтанія въ карамзинскомъ духѣ прерываются постоянно трезвой правдой тонкаго наблюдателя, и гдѣ некстати спутавшія руку писателя монашескія четки то и дѣло обращаются въ бичъ. „Устроить дороги, мосты и всякія сообщенія“ — пишетъ Гоголь въ одномъ изъ избранныхъ писемъ — „есть дѣло истинно нужное; но угладить многія вну-

тренія дороги, которыя до сихъ поръ задерживаютъ русскаго человѣка въ стремленьи къ полному развитію силъ его и которыя мѣшаютъ ему пользоваться какъ дорогами, такъ и всякими другими внѣшностями образованія, о которыхъ мы такъ усердно хлопочемъ, есть дѣло еще нужнѣйшее".

„Россія несчастна отъ грабительствъ, которыя до такой наглости еще не возносили рогъ свой. Возникшія запутанности застѣнили всѣхъ другъ отъ друга и отняли почти у каждаго просторъ дѣлать добро и пользу истинную своей землѣ... безчестные взяточники и плуты, продавцы правосудія и грабители, какъ вороны, налетѣли со всѣхъ сторонъ клевать еще живое наше тѣло и въ мутной водѣ ловить свою презрѣнную выгоду".

„Всѣ почти должности выступили изъ предѣловъ и границъ, указанныхъ закономъ. Въ послѣднее время стали особенно чувствоваться полномочіе и развязанныя руки тамъ, гдѣ нужно препятствовать въ дѣйствіяхъ, а связанныя руки тамъ, гдѣ нужно споспѣшествовать имъ".

„Система ограниченія самая мелочная система. Человѣка нельзя ограничить человѣкомъ; на слѣдующій годъ окажется надобность ограничить и того, который приставленъ для ограниченія, и тогда ограниченіямъ не будетъ конца. Это пустая и жалкая система... Нужно оказать довѣріе къ благородству человѣка, а безъ того не будетъ вовсе благородства. Кто знаетъ, что на него глядятъ подозрительно, какъ на мошенника, и приставляютъ къ нему со всѣхъ сторонъ надсмотрщиковъ, у того невольно отнимаются руки. Нужно развязать каждому руки, а не связывать ихъ; нужно напирать на то, чтобы каждый держалъ самъ себя въ рукахъ, а не на то, чтобы его держали другіе".

Гоголевская Русь не была бы тѣмъ, что она была, если бы она равнодушно позволила писателю высказывать ей такіе горькіе укоры. Тысячей мелкихъ и круп-

ныхъ толчковъ, уколовъ, щипковъ обрушилась она на смѣльчака, наслала на него поповъ Матвѣевъ, застращала муками ада и земли и не оставила его въ покоѣ даже послѣ смерти, наложивъ опалу на его имя.

Составивъ себѣ такой взглядъ на театральную сцену, что это „каѳедра, съ которой читается разомъ цѣлой толпѣ урокъ", и видя свое назначеніе въ томъ, чтобы „плѣсень и тину" сбросить съ людскихъ душъ своимъ благороднымъ смѣхомъ, Гоголь заранѣе предчувствовалъ всѣ затрудненія для откровеннаго и безпощаднаго обличенія современности на театральной сценѣ.

„Я помѣшался на комедіи",—писалъ онъ года за два до „Ревизора" — „она, когда я былъ въ Москвѣ и въ дорогѣ и когда пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было началъ составляться. И сколько злости, смѣху, соли! Но вдругъ остановился. А что изъ того, когда піеса не будетъ играна? Драма живетъ только на сценѣ... Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ даже квартальный не могъ бы обидѣться. Но что̀ комедія безъ правды и злости? Итакъ, за комедію не могу приняться. Примусь за исторію — передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложи, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы—и исторія къ чорту".

Именно комедія („Ревизоръ") и вызвала противъ Гоголя ту бурю негодованія, съ которой не могъ справиться онъ.

„Всѣ противъ меня", пишетъ онъ послѣ „Ревизора": „Чиновники пожилые и почтенные кричитъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня, купцы противъ меня... литераторы противъ меня, теперь я вижу, что̀ значитъ быть комическимъ писателемъ. Ма-

лѣйшій призракъ истины, и противъ тебя возстаютъ не одинъ человѣкъ, а цѣлыя сословія".

Почему гоголевская комедія возбудила такое общее негодованіе? Самъ Гоголь указываетъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ, когда говоритъ: „Мы такъ приглядѣлись къ французскимъ безцвѣтнымъ піесамъ, что намъ уже боязливо видѣть свое. Если намъ представятъ какой-нибудь живой характеръ, то мы уже думаемъ, не личность ли это, потому что представляемое лицо совсѣмъ не похоже на какого-нибудь пейзана, театральнаго тирана, риѳмоплета, судью и тому подобныя обношенныя лица, которыхъ таскаютъ беззубые авторы въ свои піесы".

Но не только одни внѣшнія условія оказались противъ Гоголя, были и внутреннія, въ самомъ процессѣ его творчества лежавшія причины его писательской драмы. До сихъ поръ, принимая извѣстную литературную параллель въ VII ч. 1-го тома „Мертвыхъ Душъ" за точную характеристику Пушкина и Гоголя, мы еще не вполнѣ освободились отъ страннаго взгляда на Гоголя, какъ на изобразителя пошлости *по призванію*. Пора обратить вниманіе на то, что между Пушкинымъ и Гоголемъ нѣтъ такой рѣзкой грани, что Пушкинъ постепенно переходитъ въ Гоголя, выражаясь фигурально. „О, люди, жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха" — это восклицалъ Пушкинъ за нѣсколько лѣтъ до гоголевскаго опредѣленія „видимый смѣхъ сквозь незримыя слезы". Отъ пушкинскихъ „Гробовщика" „Станціоннаго смотрителя", нѣкоторыхъ мѣстъ въ „Онѣгинѣ" и нѣкоторыхъ стихотвореній послѣднихъ лѣтъ незамѣтенъ переходъ къ гоголевской „Шинели", которая почти одинаково далека какъ отъ „Руслана и Людмилы", такъ и отъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки". Наконецъ Гоголь иногда умѣетъ говорить совершенно безъ смѣха. Его романтическая эпопея изъ прошлаго Малороссіи „Тарасъ Бульба" можетъ стоять съ „Бори-

сомъ Годуновымъ“: въ ней нѣтъ ни одного пошлаго лица; всѣ дѣйствующія лица ея прекрасны, озаренныя свѣтомъ борьбы за личную или народную свободу. Въ литературномъ же отношеніи на ней сказалось непосредственное вліяніе „Пѣсни о Роландѣ“. Даже и въ бытовыхъ произведеніяхъ Гоголя вспомните ярко очерченную, хотя и эпизодичную личность перваго учителя Тентетникова, оставившаго на своемъ воспитанникѣ ничѣмъ не заглушаемый слѣдъ идеализма, вспомните, какимъ тономъ говоритъ Гоголь о скромныхъ вечеринкахъ петербургской молодежи: гдѣ-нибудь на 4-мъ этажѣ, въ небольшой комнаткѣ ведется согрѣвающій и сердце и душу разговоръ, читается свѣтлая страница вдохновеннаго русскаго поэта, и такъ возвышенно пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не водится и подъ полуденнымъ небомъ.

Нѣтъ, не наклонность все осмѣять, не равнодушіе къ положительнымъ типамъ, а искренность таланта, не допускавшая выдумки, связала Гоголя съ Коробочками, Плюшкиными, Хлестаковыми, и Гоголь не въ силахъ былъ уйти отъ нихъ, оставаясь художникомъ, а рисовалъ ихъ, съ каждымъ почеркомъ пера отрывая частицу отъ свѣтлаго идеала человѣка, взлелѣяннаго въ душѣ. Къ этому шелъ и Пушкинъ. Напрасно думать, что только сознаніе безсилія передъ созданіемъ положительныхъ типовъ могло удручать Гоголя.

Искренній художникъ при созданіи мрачныхъ произведеній несомнѣнно страдаетъ и разрушается, какъ артистъ, постоянно создающій роли несчастныхъ людей. И Гоголевская Русь такимъ образомъ сокрушила своего бытописателя тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе, что Гоголь глубоко любилъ ее. Два глубоко трагическихъ пути для русскаго художника вдохновенно начертаны Гоголемъ въ его „Портретѣ“ и „Невскомъ проспектѣ“, и одинъ изъ этихъ путей—есть его собственный скорбный путь.

Не будетъ лишнимъ нѣсколько припомнить назван-

ныя повѣсти, остающіяся обыкновенно въ сторонѣ при разборѣ сочиненій Гоголя. Въ той и другой мы знакомимся съ молодыми, даровитыми художниками. „Не правда ли, странное явленіе—художникъ петербургскій? Художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно!“

Холодная мастерская, жизнь впроголодь, нищета... Художнику Чарткову иногда и обидно и горько думать о легкихъ успѣхахъ заѣзжихъ живописцевъ, составляющихъ капиталы бойкостью кисти и яркостью красокъ. „Тогда пробѣгала даже мысль, пробѣгающая часто въ русской головѣ, бросить все и закутить съ горя, на зло всему“.

Или пуститься писать модныя картинки и портретики за деньги? Но „вѣдь на этомъ“, говоритъ профессоръ, „губится, а не развертывается талантъ“.

Но и одинъ ли талантъ нуженъ? Разсматривая странный портретъ съ живыми глазами, Чартковъ задаетъ себѣ вопросъ, почему не высокое наслажденіе, а какое-то болѣзненное, томительное чувство охватываетъ его при видѣ этой „живой натуры“.

„Или рабское, буквальное подражаніе натурѣ есть уже проступокъ и кажется яркимъ, нестройнымъ крикомъ. Или, если возьмешь предметъ безучастно, безчувственно, не сочувствуя съ нимъ, онъ непремѣнно предстанетъ только въ одной ужасной своей дѣйствительности, не озаренной свѣтомъ какой-то непостижимой, скрытой во всемъ мысли?“

Какъ бы въ отвѣтъ на это, Чартковъ видитъ, какъ давно имъ начатая головка Психеи, „ловко написанная, но совершенно идеальная, холодная“, стала оживать, когда онъ перенесъ на нее нѣкоторыя черты, схваченныя съ живого лица великосвѣтской барышни, надъ портретомъ которой онъ только-что съ увлеченіемъ поработалъ. „Психея стала оживать, и едва сквозившая

мысль начала мало-по-малу облекаться въ видимое тѣло"; картина пріобрѣла то, что „даетъ право на названіе истинно-оригинальнаго произведенія"—сочетаніе вѣрности натурѣ съ идейнымъ замысломъ. Но это было послѣднее художественное произведеніе Чарткова. Роковая извѣстность, похвалы, обиліе заказовъ, роскошь изгнали изъ его мастерской искусство. Трудна была первая уступка, когда ему не дали „тронуть немножко желтенькой краской" портретъ первой заказчицы. Затѣмъ Чартковъ привыкъ „безучастно, безчувственно брать предметъ". Коринной, Ундиной и Аспазіей рисовалъ онъ дамъ, „совалъ" Марса и Байрона въ глаза мужчинамъ, „съ большой охотой соглашаясь на все".

Такъ шло до того момента, когда подъ впечатлѣніемъ художественной картины его прежняго товарища въ Чартковѣ поднимается адская тоска о своемъ загубленномъ талантѣ. Чрезвычайно сильно изображены Гоголемъ эти ужасныя муки падшаго таланта, его сумасшедшая ненависть ко всѣмъ произведеніямъ искусства, приведшая его къ безвременной могилѣ.

Путь продажнаго, лживаго художника — это былъ путь Сенковскихъ, Булгариныхъ, но не путь Гоголя.

Другой художникъ, такой же бѣднякъ, какъ и Чартковъ въ началѣ повѣсти,— Пискаревъ, встрѣчаетъ на Невскомъ проспектѣ чудную красавицу. „Дѣвственный юноша, еще дышащій неопредѣленною духовною потребностью любви", онъ идетъ за „прекраснымъ существомъ" и... приходитъ въ „пріютъ, гдѣ человѣкъ святотатственно подавилъ и посмѣялся надъ всѣмъ чистымъ и святымъ, украшающимъ жизнь". Въ ужасѣ выбѣгаетъ отсюда Пискаревъ. „Проникнутый разрывающей жалостью", „безъ сна, безъ дѣятельнаго бдѣнія" сидитъ онъ въ своей конуркѣ... Вдругъ его зовутъ... Онъ на балу, въ гостяхъ у своей красавицы Конечно, она „не принадлежитъ къ тому презрѣнному классу твореній".

„Здѣсь есть тайна, она должна объясниться"... Но

люди мѣшаютъ бѣдному юношѣ поговорить съ его божественнымъ кумиромъ. Онъ напрягаетъ свое зрѣніе, разсматривая его издали... и передъ нимъ въ мутномъ полумракѣ его комнаты растопившаяся, потухающая свѣча. То былъ сонъ. „Боже, какой прекрасный сонъ! О, какъ отвратительна дѣйствительность!“

И Пискаревъ молитъ Бога, чтобы снова его посѣтило сновидѣніе. „Сновидѣнія сдѣлались его жизнью“. Но вскорѣ сонъ пересталъ посѣщать его. Онъ берется за опіумъ. Опять красавица передъ нимъ. Теперь у окна деревенскаго домика. „Не презирайте меня: я вовсе не та, за которую вы принимаете меня“. Со слезами на глазахъ просыпается несчастный. Его невыразимо мучитъ мысль о томъ, что наша жизнь—„вѣчный раздоръ мечты съ существенностью“. Однажды послѣ привычнаго пріема опіума ему снится, что его красавица съ нимъ въ мастерской; она слѣдитъ за его кистью и вдохновляетъ его своимъ участливымъ, свѣтлымъ взглядомъ. Пискаревъ проснулся, воодушевленный новой мыслью: довольно счастья во снѣ, онъ добьется счастья наяву, онъ вырветъ свою возлюбленную изъ того вертепа, куда она могла попасть по какому-нибудь невольному, ужасному случаю. Онъ „возвратитъ міру прекраснѣйшее его украшеніе“.

Протирая глаза послѣ безсонной ночи, встрѣчаетъ его красавица.

— Я была пьяна—поясняетъ она.

Скрѣпивъ сердце, Пискаревъ начинаетъ убѣждать ее, чтобы она согласилась стать его женой, бросила свою позорную жизнь.

— Мы станемъ трудиться... Ты будешь одушевлять мои труды...

— Какъ можно!—прерываетъ она его рѣчь съ выраженіемъ какого-то презрѣнія:—Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою.

Эти слова, въ которыхъ „выразилась вся низкая

вся презрѣнная жизнь, жизнь исполненная пустоты и праздности, вѣрныхъ спутниковъ разврата", окончательно убили мечты Пискарева и его душу, жившую мечтами. Не помня себя, онъ какимъ-то слѣпымъ инстинктомъ добирается до своей квартиры, и черезъ четыре дня тамъ находятъ его съ перерѣзаннымъ горломъ...

Путь генія, тщетно отыскивающаго свѣтлый образъ дѣствительности для воплощенія въ немъ своего идеала — этотъ тернистый путь былъ слишкомъ знакомъ Гоголю. Онъ выступилъ на литературное поприще, когда надлежащаго взгляда на сущность поэтическаго творчества, на его связь съ жизнью, на его силы и границы его силъ еще не было. Традиціи классицизма и романтизма еще не были окончательно убиты. Отъ одного оставалось требованіе поучительности, отъ другого преувеличенное пониманіе свободы творчества, независимости его отъ дѣйствительныхъ впечатлѣній поэта. Какъ видно по „перепискѣ съ друзьями", Гоголь не былъ чуждъ этихъ взглядовъ, и они создали его писательскую драму.

Съ одной стороны, ему рисовался „завидный удѣлъ" писателей, которые, „не касаясь земли, повергаются въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы", и „показывая прекраснаго человѣка", вызываютъ восторгъ толпы. Съ другой стороны, передъ нимъ торжествуюшіе Чартковы: мы съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Нашихъ много есть сочиненій. У насъ легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все, что было подъ именемъ барона Брамбеуса, Фрегатъ Надежды и Московскій телеграфъ... все это мы написали. И Юрій Милославскій наше сочиненіе, другой Юрій Милославскій... Мы литературой существуемъ. У насъ первые дома въ Петербургѣ...

Даже въ тѣ минуты вдохновенія, когда Гоголь, вопреки сужденію „современнаго суда", ясно видѣлъ, что

„много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія“, что цѣлая пропасть существуетъ между „высокимъ восторженнымъ смѣхомъ и кривляніемъ балаганнаго скомороха“—даже въ такія минуты больно чувствуется ему его одиночество и вырываются у него скорбныя строки:

„И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ грозная вьюга вдохновенья подымается изъ облеченной въ священный ужасъ и блистанье главы, и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ величавый громъ другихъ рѣчей“.

Но только воображаемая прекрасная жизнь не могла вдохновить этихъ „другихъ рѣчей“, и не вынесшій „вѣчнаго раздора мечты съ существенностью“, Гоголь, подобно своему Пискареву, захотѣлъ передѣлать „существенность“ и обратился къ ней съ поучительными рѣчами своей „Переписки“.

Сынъ своего поколѣнія, не освободившійся отъ карамзинскихъ иллюзій о честномъ губернаторѣ и добродѣтельномъ помѣщикѣ, Гоголь заговорилъ о трудѣ, о служеніи Россіи, но заговорилъ съ Плюшкиными, Сквозниками-Дмухановскими, Собакевичами и заговорилъ на единственно понятномъ для нихъ языкѣ:

„Негодяямъ и пьяницамъ *повели*, чтобы они оказывали добрымъ мужикамъ такое же уваженіе, какъ бы старостѣ, приказчику, попу или *даже самому тебѣ;* чтобы когда еще они завидятъ издали примѣрнаго мужика и хозяина, *летѣли бы шапки* съ головы у всѣхъ мужиковъ и все бы ему давало дорогу; а который посмѣлъ бы оказать ему какое-нибудь неуваженіе или не послушаться живыхъ словъ его, то *распеки* тутъ же при всѣхъ; скажи ему: „Ахъ ты, *невымытое рыло!.. Покло-*

нись ему въ ноги и попроси, чтобы навелъ тебя на разумъ; не наведетъ на разумъ—*собакой пропадешь*".

Что можно сдѣлать, когда свѣтлый идеалъ не уживается съ темной жизнью? Можно прекратить темную жизнь, и вмѣстѣ съ отлетѣвшей жизнью кончается тоска по идеалу — это конецъ Пискарева. Можно и „погасить свѣтъ" идеала, но жизнь во „тьмѣ" уже не жизнь — это конецъ Гоголя.

„Искусство есть примиреніе съ жизнью", повторяетъ онъ послѣ изданія „Переписки", но уже ничего не вышло изъ-подъ его пера во имя этого новаго девиза примиренія. Гоголь-художникъ не примирился съ жизнью. Примирившійся съ жизнью Гоголь уже не былъ художникомъ. Въ рѣшительную минуту онъ погасилъ свѣтъ и смѣшался съ своими героями.

Въ одной изъ послѣднихъ главъ первой части „Мертвыхъ Душъ" прекрасно очерчена эта „искривленная, глухая, узкая" дорога человѣчества въ его стремленіи „достигнуть вѣчной истины". „Передъ нимъ весь открытъ прямой путь... Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его, въ глухой темнотѣ, текли люди. И сколько разъ, уже наведенные нисходившимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захолустья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влачась вслѣдъ за болотными огнями, умѣли таки добраться до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: „Гдѣ же выходъ, гдѣ дорога?" Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденіямъ, смѣется надъ неразуміемъ своихъ предковъ... и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки".

Гоголевской Руси какъ будто нарочно удалось довести своего обличителя до отказа отъ своихъ обли-

ченій, чтобы по-прежнему блуждать въ слѣпомъ туманѣ.

Осмѣянная лучшими своими сынами, не остановившимися въ своемъ отрицаніи старой неправды и творчествѣ новыхъ идеаловъ жизни, униженная, разгромленная подъ Севастополемъ, она нашла въ себѣ достаточно еще силъ и смѣлости, чтобы явиться къ пятидесятилѣтнему юбилею со дня смерти Гоголя.

Лука Лукичъ Хлоповъ вкупѣ и влюбѣ съ Сквозникомъ-Дмухановскимъ позаботились объ устраненіи съ Гоголевскаго юбилея школьниковъ и щелкоперовъ, бумагомаракъ, либераловъ.

Петръ Петровичъ Пѣтухъ въ качествѣ старшины клуба устроилъ въ залѣ общественнаго собранія „блины въ честь Н. В. Гоголя“.

Собакевичъ воспротивился учрежденію гоголевской стипендіи въ реальномъ училищѣ и заявилъ, что „какой тамъ еще Гоголь! Мы знаемъ только гоголь-моголь“.

Плюшкинъ на предложеніе думы ассигновать 200 руб. на расходы по чествованію памяти Гоголя и Жуковскаго заявилъ: „Зачѣмъ расходовать деньги? Почтили бы вставаніемъ и поблагодарили бы“.

„Люди беззаботные относительно литературы“ на юбилейномъ представленіи „Женитьбы“ вызывали автора.

Въ Маниловкѣ переименовали Жандармскую улицу въ Гоголевскую.

Артемій Филипповичъ Земляника для пользы отечества наушничалъ, что подъ видомъ гоголевскихъ праздниковъ замышляется измѣна.

Кифа Мокіевичъ нашелъ, „что знакомство учениковъ съ Гоголемъ вредно, такъ какъ этотъ писатель слишкомъ много вниманія удѣлилъ отрицательнымъ явленіямъ жизни“.

Петрушка въ вагонѣ желѣзной дороги сообщалъ, что Гоголь куда выше Пушкина, святой жизни человѣкъ и замѣсто русскаго патріарха почитается.

Никифоръ Тимоѳеевичъ Дѣепричастіе въ публичной рѣчи напомнилъ, что Гоголь былъ добрымъ христіаниномъ и слушался университетскаго начальства.

„Дѣловой человѣкъ“ замѣчалъ въ печати, что Гоголь чувствовалъ наклонность къ административнымъ соображеніямъ.

„Люди Богъ вѣсть какого свойства, но благородные и прилично одѣтые“, на столбцахъ „Моск. Вѣдом.“ негодовали, что нашъ „либеральный лагерь прославляетъ Гоголя не такимъ, какимъ онъ былъ, смиреннымъ, кающимся и призывающимъ къ покаянію христіаниномъ, а такимъ, какимъ онъ не былъ—дерзкимъ сатирикомъ и циническимъ скоморохомъ въ родѣ какого-нибудь Щедрина“.

Тѣ же „Богъ вѣсть какого свойства люди“ на страницахъ „Гражданина“ великодушно согласились извинить Гоголю, какъ „увлеченія молодости“, его побасенки, въ которыхъ онъ попиралъ „высшее духовное сокровище русскаго человѣка“, и предлагали всѣмъ забыть эти побасенки и послѣдовать примѣру Гоголя-христіанина, въ послѣдніе годы только „встрепенувшагося русскою своею душой...“

Прошелъ гоголевскій юбилей...

Загремѣла давно не бывалая на Руси гроза, все метнулось въ одномъ порывѣ: „Гдѣ же выходъ, гдѣ дорога?“ Но напрасно открывался роскошный, озаренный огнями путь. Самонадѣянно, гордо неисправимая Гоголевская Русь начала новыя заблужденія, но уже не смѣшныя, а ужасныя.

Напрасно публицисты, написавшіе на своемъ знамени „примиреніе съ жизнью“, стараются въ шутливомъ тонѣ говорить, наприм., объ „удивительной новизнѣ пріемовъ и смѣлой до дерзости трактовкѣ нашего классическаго репертуара труппою генералъ-маіора Рейнбота въ образцовой постановкѣ гоголевскаго „Ревизора“ на московской сценѣ...“

Надъ Сквозниками, Поприщиными, Хлестаковыми можно смѣяться только тогда, когда ясно видна пропасть между ихъ бредомъ и дѣйствительною жизнью. Но когда эта пропасть заваливается грудою кровавыхъ тѣлъ, когда смѣются одни „беззаботные люди", когда спокойны одни Кифы Мокіевичи, щедрые на довѣріе и одного довѣрія къ себѣ требующіе—тогда смѣяться не приходится, и въ мозгу, воспаленномъ ненавистью къ послѣднимъ героямъ Гоголевской Руси, стучитъ одно „всемогущее, бодрящее слово: впередъ!"

•► ◄•

И. С. Тургеневъ въ его жизни и творчествѣ.

Остроумные французы, среди которыхъ прожилъ Тургеневъ значительную часть своей жизни, сумѣли изъ его имени и фамиліи составить цѣлую фразу: Je tourne fange—я обхожу грязь. Но для насъ, русскихъ, и безъ того слышится въ словѣ „Тургеневъ" что-то необыкновенно чистое, изящное, эстетическое и въ своей простотѣ глубоко значительное—тургеневская природа, тургеневскій языкъ, тургеневская женщина.

Самъ Тургеневъ, какъ художникъ слова, весь высказался въ немногихъ строкахъ, написанныхъ уже въ послѣдніе годы его жизни:

„Въ дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій о судьбѣ моей родины—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя, какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что̀ совершается дома? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу".

Знаменателенъ смыслъ этого обращенія къ родному слову. Тургеневъ менѣе всего склоненъ къ мысли выдѣлять словесное и вообще всякое искусство изъ общихъ рамокъ жизни. Въ его представленіи красота не существуетъ, какъ что-то обособленное отъ фактовъ дѣйствительности. Въ статьѣ о Бѣлинскомъ, ссылаясь на его авторитетъ, Тургеневъ говоритъ, что искусства для

искусства не существуетъ. Искусство такое же узаконенное проявленіе человѣческой дѣятельности, какъ наука, государство, общество и т. д., и съ ними вмѣстѣ должно быть изучаемо.

Талантъ—„сосредоточенное отраженіе жизни". Задачи поэта не расходятся съ задачами публициста, но только одинъ смотритъ на вещи глазами поэта, другой—глазами публициста. „Безсознательное творчество", „наивность", „объективность" творчества—все это ничего не значащія общія мѣста. Уже гомеровскимъ поэмамъ не чѣмъ инымъ, какъ цивилизаціей, дана ихъ безсмертная сила. Если нужно выбирать между двумя художниками, изъ которыхъ у одного идейное содержаніе соединяется съ неудачной формой, а у другого за блестящей формой не видно свѣтлой идеи, то нужно отдать предпочтеніе первому. Тургеневъ ставитъ Брюллова съ его „трескучими картинами", не имѣющими содержанія, ниже Иванова, въ картинахъ котораго за слабымъ исполненіемъ виденъ мыслитель, высказывающій новую, воодушевляющую зрителя идею.

До какой степени поэзія сродственна, въ глазахъ Тургенева, со всей жизнью, видно изъ одного очень характернаго письма его, гдѣ, говоря о слабости текущей литературы, отражающей слабую, мутную дѣйствительность, писатель высказывается такъ:

„Жизнь разбросалась; нѣтъ болѣе великихъ общихъ движеній, кромѣ, можетъ быть, движенія промышленности, которая, если на нее смотрѣть съ точки зрѣнія прогрессивнаго подчиненія элементовъ природы генію человѣка, сдѣлается, можетъ быть, освободительницей и возстановительницей человѣческаго рода. Поэтому, на мой взглядъ, самыми великими современными поэтами представляются американцы, которые намѣреваются прорыть Панамскій перешеекъ и говорятъ объ устройствѣ электрическаго телеграфа черезъ океанъ". Въ тѣхъ случаяхъ, когда Тургеневу приходилось вы-

ступать въ качествѣ литературнаго критика, онъ считалъ необходимымъ прежде всего ввести читателя въ пониманіе той эпохи, когда явилось разбираемое произведеніе — такъ, напр., поступаетъ онъ при разборѣ „Фауста“ и сочиненій Тютчева. „Талантъ не космополитъ—онъ принадлежитъ своему народу и времени“.

Талантъ нельзя отдѣлить отъ личности автора, какъ и автора нельзя отдѣлить отъ общества, потому что краеугольный камень для человѣка вообще — не онъ самъ, какъ недѣлимая единица, но человѣчество, общество, имѣющее свои вѣчные, незыблемые законы бытія.

Пренебрегаемая чистыми эстетиками толпа, масса даетъ жизненные соки и силу всякому поэту, который, оторвавшись отъ нея, теряетъ живительную красоту. Такъ изъ отрубленнаго куска дерева можно выточить замысловатыя фигурки, но не вырасти на немъ свѣжему листочку. Хороша или нѣтъ родная почва, но безъ нея хирѣетъ поэзія, и не расти сѣверной морошкѣ на плодоносной землѣ юга. Вотъ почему задушевныя мысли автора приходится видѣть въ словахъ Потугина: „страстно люблю и страстно ненавижу странную, милую, скверную, дорогую родину“.

Таковъ эстетическій кодексъ Тургенева, и по его уставу мы должны судить его.

Въ типичной дворянской обстановкѣ, очень ярко обрисованной въ повѣсти „Пунинъ и Бабуринъ“, родился и выросъ будущій писатель. Его мать, съ которой списана помѣщица названной повѣсти и разсказа „Муму“, по-французски молилась Богу и по-русски расправлялась съ своими подданными, такъ что среди „побоевъ и истязаній“ проходило дѣтство мальчика.

Затѣмъ шло юношество—въ московскомъ университетѣ при николаевскомъ режимѣ. Формалистика, доведенная до анекдотическихъ размѣровъ, убогіе, но зато благонамѣренные профессора съ пожелтѣвшими „собственными записками“, и на общемъ сѣромъ фонѣ

два-три яркихъ имени даровитыхъ ученыхъ, живое слово которыхъ пробудило въ молодежи ту непреодолимую „тягу за-границу", отъ которой не ушелъ и Тургеневъ.

„Я весьма ясно сознавалъ", вспоминаетъ онъ впослѣдствіи, „всѣ невыгоды отторженія отъ родной почвы, насильственнаго перерыва всѣхъ связей и нитей, прикрѣплявшихъ меня къ тому быту, среди котораго я выросъ, но дѣлать нечего... Надо было либо покориться и смиренно побрести по избитой дорогѣ, либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя всѣхъ и вся, даже рискуя потерять многое, что̀ было достигнуто и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ. Я бросился внизъ головою въ нѣмецкое море, долженствовавшее очистить и возродить меня и, когда я наконецъ вынырнулъ изъ его волнъ, я все-таки очутился западникомъ и остался имъ навсегда".

Въ тотъ моментъ, когда молодой западникъ и уже формировавшійся писатель, отдѣленный нѣмецкимъ моремъ отъ крѣпостнической Руси, давалъ „Аннибалову клятву" бороться всѣми силами противъ крѣпостного права, два имени были путеводными огнями для его единомышленниковъ — Пушкинъ и Бѣлинскій. Значительно позднѣе, уже пожилымъ человѣкомъ, видѣвшимъ не одну смѣну авторитетовъ, Тургеневъ выяснилъ, чѣмъ были для него лично и для его поколѣнія Пушкинъ и Бѣлинскій. Независимость собственнаго мнѣнія, писалъ онъ тогда, безспорно, очень почтенное и благое дѣло, и не добившись ея, нельзя назваться человѣкомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Но въ томъ-то и дѣло, что надо ея добиваться, надо ее завоевать борьбой, какъ почти все хорошее на сей землѣ; а начать это завоеваніе всего удобнѣе подъ знаменемъ избраннаго вождя, и такимъ вождемъ былъ Пушкинъ.

Въ Бѣлинскомъ цѣнилъ Тургеневъ прежде всего человѣка, который „всѣмъ существомъ стоялъ близко

къ сердцевинѣ своего народа“ и былъ въ то же время убѣжденнымъ западникомъ. Цѣнно было въ Бѣлинскомъ и его чутье въ злободневныхъ вопросахъ. Сравнивая его въ этомъ отношеніи съ Добролюбовымъ и Писаревымъ, Тургеневъ указываетъ для примѣра, что Бѣлинскій не сталъ бы бранить Кавура и вообще нападать на парламентаризмъ, какъ на неполную и потому несовершенную форму правленія; Бѣлинскій не увлекся бы въ 60-хъ годахъ разгромомъ эстетики, когда и безъ этого было достаточно дѣла.

Въ 1859 году, когда только-что появилось изданіе сочиненій Бѣлинскаго, и аристократическое общество не успѣло еще привыкнуть къ свободному произнесенію его имени, Тургеневъ, бросая сознательный вызовъ этому обществу, публично высказываетъ свое уваженіе къ знаменитому критику 40-хъ годовъ, какъ „силѣ независимаго личнаго протеста противъ пошлости, противъ ложно-общаго, неправедно узаконеннаго, что не имѣло разумныхъ правъ на подчиненіе личности“.

„Записками Охотника“ Тургеневъ самъ, идя подъ знаменемъ Пушкина и Бѣлинскаго и выполняя свою Аннибалову клятву, нанесъ сильный ударъ „ложно-общему, неправедно-узаконенному“ злу—крѣпостному праву.

Давно обще-признанною стала оцѣнка общественнаго значенія „Записокъ Охотника“ въ ряду такихъ произведеній, какъ „Деревня“, „Антонъ Горемыка“ и т. д., но въ этомъ замѣчательномъ произведеніи есть еще одна мало освѣщавшаяся сторона, существенное значеніе которой подсказывается самимъ авторомъ въ одномъ изъ писемъ къ Віардо, въ 1849 году.

Сообщая ей о какомъ-то несчастіи, Тургеневъ вспоминаетъ по этому поводу одно изъ своихъ русскихъ впечатлѣній:

„Цѣлое семейство крестьянъ выѣхало на телѣгѣ, чтобы приступить къ жатвѣ на полѣ, расположенномъ

въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ихъ деревни. Но ужаснѣйшій градъ уничтожилъ до основанія всѣ колосья. Прекрасное поле превратилось въ грязное болото. Я проѣзжалъ мимо. Всѣ они сидѣли молча вокругъ телѣги; женщины плакали; отецъ съ обнаженной головой и непокрытой грудью не говорилъ ничего. Я приблизился къ нимъ, попробовалъ ихъ утѣшить, но при первыхъ же моихъ словахъ крестьянинъ упалъ лицомъ на землю, прикрывъ голову своей грубой пестрядинной рубашкой. Это былъ послѣдній жестъ умирающаго Сократа,—послѣдній и нѣмой протестъ противъ жестокости ближнихъ или противъ грубаго равнодушія природы. Потому что природа такова; она равнодушна... Это не мѣшаетъ злодѣйской природѣ быть удивительно прекрасной, — и соловей можетъ повергнуть насъ въ восторгъ въ то время, какъ наполовину раздавленное насѣкомое въ мукахъ умираетъ въ его зобѣ. Чортъ возьми, какъ это мрачно!..“

Удивительно прекрасная и грубо равнодушная природа „Записокъ Охотника“ такое же дѣйствующее лицо, какъ всѣ эти звѣрски жестокіе и удивительно благодушные, по-своему прекрасные господа Звѣрковы, Пѣночкины, Мардаріи Аполлоновичи и проч.

И вѣдь если подумать, такъ это слишкомъ незначительное проявленіе личнаго протеста, а чаще и полное приниженіе личности у крестьянъ „Записокъ Охотника“—не есть ли послѣдствіе воспитанія, дававшагося многимъ поколѣніямъ земледѣльцевъ русскою природой? Гдѣ же „спорить съ Богомъ“, т.-е. съ грозой, заморозками, градомъ, ненастьемъ? Какъ не подчиниться имъ, а подчиняясь имъ, какъ не привыкнуть къ „сократовскому жесту“ даже передъ ударомъ барскаго кулака? Нужно согласиться, что при иномъ воспитаніи слишкомъ тяжело было бы переносить неправедно узаконенное иго, слишкомъ нечеловѣческимъ, животнымъ было бы русское пресловутое смиреніе и терпѣніе, между тѣмъ

какъ оно даже поэтично въ „Живыхъ мощахъ“, и только жалко въ „Сучкѣ“ и другихъ подобныхъ типахъ. Вотъ примѣръ того умѣнья, съ какимъ Тургеневъ вставляетъ въ рамки внѣшнихъ впечатлѣній природы картину психическаго состоянія человѣка.

Разсказъ „Бѣжинъ лугъ“ начинается описаніемъ того затрудненія, въ какомъ очутился авторъ, заплутавшійся въ какихъ то перелѣскахъ и кустикахъ. Я остановился, разсказываетъ онъ, въ недоумѣніи, оглянулся. Эге, да это я совсѣмъ не туда попалъ. *Проворно* я спустился съ холма. Густая, высокая трава вся мокрая бѣлѣла ровной скатертью; ходить по ней было какъ-то *жутко. Я поскорѣе* выкарабкался на другую сторону и пошелъ вдоль осинника. Летучія мыши носились, *таинственно* кружась на смутно-ясномъ небѣ, рѣзво и прямо пролеталъ ястребокъ. Вотъ сейчасъ будетъ дорога, подумалъ я. Но вмѣсто дороги какіе-то некошенные низкіе кусты разстилались широко, а за ними пустынное поле. „Э, да это Парахинскіе кусты“. Я пошелъ вправо. Ночь росла, какъ грозовая туча. Все быстро чернѣло. Ночная птица почти наткнулась на меня и пугливо нырнула въ сторону. Поле неясно бѣлѣло; за нимъ вздымался *угрюмый* мракъ. Глухо отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ. То, что я принялъ за рощу, оказалось бугромъ... Да гдѣ же я? Я *отчаянно* устремился впередъ. *Странное* чувство овладѣло мной. Въ лощинѣ до того было нѣмо и глухо, такъ плоско, уныло висѣло небо, что *сердце у меня сжалось.* Какой-то звѣрекъ слабо и жалостно пискнулъ. Я *поспѣшилъ* выбраться на бугоръ...

Даже въ этой испорченной сокращеніями передачѣ чувствуется нервное безпокойство взрослаго, европейски образованнаго человѣка, и когда на слѣдующихъ страницахъ вы читаете разсказы деревенскихъ мальчугановъ о домовыхъ, русалкахъ, привидѣніяхъ, васъ не возмущаетъ это суевѣріе, а только глубоко и больно трогаетъ.

А картина осени въ „Свиданіи“:

„Порывистый вѣтеръ быстро мчался мнѣ навстрѣчу черезъ желтое, высохшее жнивье; торопливо вздымаясь, передъ нимъ стремились маленькіе покоробленные листья... На красноватой травѣ, на былинкахъ, на соломинкахъ всюду блестѣли и волновались безчисленныя нити осеннихъ паутинъ. Я остановился. Мнѣ стало грустно. Сквозь веселую, хотя свѣжую улыбку увядающей природы, казалось, подкрадывался унылый страхъ недалекой зимы. Высоко надо мной, тяжело и рѣзко разсѣкая воздухъ крылами, пролетѣлъ осторожный воронъ и, отрывисто каркая, скрылся за лѣсомъ. Кто-то проѣхалъ за обнаженнымъ холмомъ, громко стуча пустой телѣгой“...

Вы забываете улыбнуться на карикатурнаго героя „Свиданія“, и такъ понятны вамъ жалкія, безсильныя, покорныя слезы деревенской дѣвушки подъ сѣткой осеннихъ слезъ русской природы.

Весь разсказъ „Малиновая вода“ представляетъ необыкновенно характерное сплетеніе жалобъ на старое, дикое крѣпостническое время и на разслабляющій удушливый зной русскаго лѣта въ обстановкѣ лѣнивой, заснувшей природы. Лѣнь пошевелиться, лѣнь двигать рукой, ногой, шевелить языкомъ. „Жаръ нестерпимый“. „Самый рѣшительный и сосредоточенный человѣкъ не въ состояніи охотиться“.

„А баринъ-то, я вижу, у васъ былъ строгъ,—началъ я, послѣ небольшого молчанія.

— Тогда это было во вкусѣ, батюшка, — возразилъ старикъ, качнувъ головой...

Мы сидѣли въ тѣни; но и въ тѣни было душно... Мы сидѣли неподвижно, подавленные жаромъ.“

Дальше новый собесѣдникъ сообщаетъ, что у него только-что умеръ сынъ, что его баринъ наотрѣзъ отказался сбавить оброкъ.

„Да мнѣ съ полугоря: взять-то съ меня нечего... —

Ужъ, братъ, какъ ты тамъ ни хитри—шалишь: безотвѣтная моя голова!

Мужикъ засмѣялся...

— Что-жъ? Это плохо, братъ Власъ, — съ разстановкой произнесъ Туманъ.

— А чѣмъ плохо? Нѣ... (у Власа голосъ прервался). Эка жара стоитъ,—продолжалъ онъ, утирая лицо рукавомъ...

Мы опять пріумолкли"...

Лѣнь возмущаться, негодовать, проклинать...

Не останавливаясь на другихъ примѣрахъ, замѣтимъ только, что и въ романахъ Тургенева очень часто вмѣстѣ характеризуются природа и люди, напр., въ описаніи могилы Базарова, послѣдняго свиданія Наташи и Рудина у Авдюхина пруда и т. д.

Самъ охотникъ и поэтому близко понимавшій природу человѣкъ, изображая людей, ближе всего стоявшихъ къ природѣ, Тургеневъ въ „Запискахъ Охотника" прошелъ по самому краю пропасти, отдѣляющей отчаяніе отъ примиренія, преступленіе отъ покорности. Въ этомъ отношеніи интересно сопоставить „Записки Охотника" съ „Записками изъ мертваго дома", съ произведеніемъ преимущественно городского писателя, наблюдавшаго и крестьянъ „можетъ быть самыхъ развитыхъ", но во всякомъ случаѣ тѣми или иными условіями выбитыхъ изъ обычной колеи хлѣбопашца.

Нетрудно установить родственную связь между типами обоихъ произведеній; это какъ бы ноты одной гаммы, но доведенныя до различной высоты тона.

Загнанный Ермолай, который пугаетъ автора свирѣпостью, когда онъ прикусываетъ подстрѣленную дичь, который срываетъ накипѣвшія обиды на существѣ еще болѣе, чѣмъ онъ, беззащитномъ—на своей женѣ, этотъ Ермолай Тургенева таитъ въ себѣ возможность какого-нибудь „Акулькина мужа" у Достоевскаго.

Ѳома, который, „исполняя должность", дошелъ до

того, что сталъ лѣснымъ звѣремъ „Бирюкомъ“ въ глазахъ крестьянъ, доводитъ кроткихъ крестьянъ до такого состоянія, когда легко перескочить „зарубку“, какъ это бывало съ жителями „Мертваго дома“.

Даже въ ласковомъ совѣтѣ Хоря, данномъ хорошему барину — побольше ходить съ ружьемъ да порѣже заглядывать въ вотчину — слышится психологія бывшихъ крестьянъ изъ „Мертваго дома“, величающихъ душегубами и кровопійцами всѣхъ — и дурныхъ и добрыхъ дворянъ.

Литературный сверстникъ Тургенева, надолго пережившій его, именно Л. Толстой, говоря о крѣпостномъ правѣ съ своей точки зрѣнія, высшимъ зломъ считаетъ его деморализующее вліяніе на помѣщиковъ.

Тургеневъ не обходитъ и этой стороны крѣпостничества, но ставитъ вопросъ шире.

Крѣпостничество это была общая среда, общая почва. Къ ней примѣняясь, изъ нея получая соки, жили всѣ, и кто ею болѣе пользовался, тотъ ею болѣе и отравлялся. Бирюкъ, Ермолай, Сучокъ, Бурмистръ — вотъ одна галлерея типовъ. Касьянъ, Лукерья, Яшка „пѣвецъ“, Хорь — вотъ другая галлерея.

Одни крѣпко связаны крѣпостническими отношеніями и то въ тягостной роли жертвъ, то въ не менѣе тягостной роли жертвъ и вмѣстѣ мучителей доходятъ до полной почти потери человѣческаго достоинства, человѣческихъ чувствъ.

Другіе, или поднявшись при исключительно благопріятныхъ условіяхъ выше этихъ отношеній, или отброшенные за непригодностью внизъ и въ сторону отъ нихъ, могутъ не только сознательно жить, какъ натуры несложныя и нетребовательныя, но даже развиваться до такой личности, какъ „поэтъ“ Касьянъ, о которомъ, впрочемъ, настоящій крѣпостной мужикъ отзывается такими пространными выраженіями: „чудной человѣкъ, юродивецъ, отъ работы отбился, такой безпокойный“

точно блоха, несообразный человѣкъ, что овца безпредѣльная, человѣкъ необнаковенный, непостоянный такой, несоразмѣрный даже“.

Въ средѣ помѣщиковъ, какъ индивидуумовъ болѣе интеллигентныхъ, болѣе требовательныхъ, явленіе „безпредѣльныхъ овецъ“ получило особое развитіе.

Это прежде всего тоже неприспособившіеся къ жизни, отбившіеся отъ нея люди.

Въ разное время это приспособленіе къ жизни совершается различно и требуетъ разныхъ качествъ. Говорятъ, что въ борьбѣ за существованіе побѣждаютъ сильнѣйшіе. Не совсѣмъ такъ, если понимать слово „борьба“ въ обычномъ смыслѣ нападенія или сопротивленія. Естественники знаютъ случаи, когда разные слабокрылые и подслѣповатые экземпляры выживаютъ, а сильные и лучшіе среди своего вида уносятся шумящими надъ уровнемъ ихъ жизни бурями и гибнутъ или падаютъ на землю съ обломанными крыльями. Здѣсь слабые, благодаря своей слабости, торжествуютъ надъ „безумствомъ храбрыхъ“.

Не среди „подслѣповатыхъ“ и „слабокрылыхъ“ Плюшкиныхъ, Коробочекъ, Маниловыхъ, Товстогубовъ искалъ Тургеневъ своихъ героевъ. Его участіе привлекали тѣ „лишніе“, по его же терминологіи, люди, въ которыхъ онъ, конечно, чувствовалъ и кое-что свое. Эти люди, уже слегка намѣченные въ гоголевскихъ Платоновыхъ и Хлобуевыхъ, рвались прочь и выше отъ ядовитыхъ испареній крѣпостнической почвы и массами гибли отъ свирѣпствовавшихъ въ ея политической атмосферѣ урагановъ. Оставшіеся въ живыхъ, но безнадежно „вывихнутые“ представители этого дворянскаго типа, повинуясь наслѣдственному человѣческому стремленію, искали общества подобныхъ себѣ, но видѣли общество, гдѣ они были „лишними“, и создавали суррогатъ общества—„кружокъ“. Изъ „кружка“ вышелъ комически несчастный „Гамлетъ Щигровскаго

уѣзда", изъ „кружка" же вышелъ и трагически несчастный Рудинъ. Кружокъ — это безобразная замѣна общества, женщины, жизни, это лѣнивое и вялое житье вмѣстѣ и рядомъ, которому придаютъ значеніе и видъ разумнаго дѣла, кружокъ замѣняетъ разговоръ разсужденіями, лишаетъ свѣжести и дѣвственной крѣпости души.

Съ этими суровыми рѣчами Гамлета Щигровскаго уѣзда не споритъ и авторъ.

Въ побѣжденныхъ трудно признать примѣръ, достойный подражанія, и самимъ побѣжденнымъ трудно признать себя правыми. И Рудинъ въ концѣ романа скорбитъ за свою неприспособленность къ жизни, но Лежневъ — или самъ авторъ его устами — поясняетъ, что Рудины были лишними для самихъ себя, потому что не захотѣли жить на чужой счетъ, пустить корни въ жирную, но ядовитую почву. Только съ этой стороны взглянувъ на тургеневскихъ „лишнихъ людей", мы поймемъ, почему авторъ заставилъ молодежь поднять тостъ за Рудина, почему Лаврецкому, ничего *не сдѣлавшему*, далъ онъ право говорить о своемъ поколѣніи, что оно *боролось*. Да, Лаврецкій, у котораго прадѣдъ вѣшалъ мужиковъ за ребра, дѣдъ проклялъ сына за проявленіе свободнаго чувства къ крестьянкѣ, а отецъ заблудился между Дидро и Домостроемъ — Лаврецкій съ его „недѣланіемъ" сдѣлалъ много, и намъ нечего стыдиться, если мы не сумѣемъ равнодушно прочесть элегическія строки въ концѣ „Дворянскаго гнѣзда", гдѣ Лаврецкій оглядывается на свою жизнь. „Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и неприскорбно: сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться нечего. „Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы", думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ:—„жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить: вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ

какъ бы уцѣлѣть — и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! — а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, — и благословеніе нашего брата старика будетъ съ вами“...

Въ полномъ освѣщеніи встаютъ передъ нами эти „лишніе для себя“ люди, когда мы рядомъ съ ними представимъ другихъ „лишнихъ“, но только не для себя, людей.

Лучшій типъ этого рода людей—отецъ героя „Первой любви“. Мужчина сильный физически и нравственно, онъ „прежде всего и больше всего хотѣлъ жить — и жилъ“. Онъ привязывалъ къ себѣ людей своей мощью, но не привязывался самъ. Даже воспитаніе сына его не интересуетъ. Онъ иногда рѣзвится и шалитъ съ мальчикомъ, горячо любившимъ его, но это дѣлаетъ онъ лишь потому, что ему нравится всякое сильное тѣлесное движеніе. Ему не до сына, не до семейной жизни и, конечно, не до мелкой и грубой возни съ мужиками. „Онъ любилъ другое и насладился этимъ другимъ вполнѣ“. „Самъ бери, что можешь, а въ руки не давайся; самому себѣ принадлежать—въ этомъ вся штука жизни“, сказалъ онъ однажды сыну. А когда тотъ сталъ какъ-то, „въ качествѣ молодого демократа“, развивать идею о свободѣ, отецъ сказалъ ему: „А знаешь ли ты, что̀ можетъ человѣку дать свободу? Воля, собственная воля, и власть она даетъ, которая лучше свободы. Умѣй хотѣть — и будешь свободнымъ и командовать будешь“.

И этотъ человѣкъ способенъ ударами хлыста проявлять свою „власть“ надъ любимой женщиной.

Такова теорія и практика „сильной“, не гамлетовскаго типа, личности. Это было въ 30-хъ годахъ.

Это не прототипъ Базарова, индивидуалиста 60-хъ годовъ, который ближе къ людямъ, чѣмъ онъ это старается показать, потому что онъ самъ признается: „ѣшь, пей и знай, что поступаешь самымъ правильнымъ, самымъ разумнымъ манеромъ. Анъ нѣтъ; тоска одо-

лѣетъ. Хочется *съ людьми возиться*, хоть ругать ихъ, да возиться съ ними". Нѣтъ, отъ героя „Первой любви" линія идетъ къ Губаревымъ или Курнатовскимъ, а отвергнувъ Курнатовскаго, Елена, эта чуткая, чудная дѣвушка, воплощенный порывъ къ смѣлому, честному, большому дѣлу, вскрыла коренной недостатокъ этихъ натуръ: „только въ самого себя вѣрить нельзя".

Но если дѣйствительно сильныхъ и положительныхъ героевъ не нашелъ Тургеневъ въ дворянской и крестьянской средѣ (именно въ средѣ, не *внѣ* среды) крѣпостнической Руси, то развѣ нѣтъ у него героинь?

Посмотримъ.

Наиболѣе яркимъ женскимъ типомъ, явившимся только „наканунѣ" новой эпохи, была у Тургенева, безспорно, Елена. Подобно Лизѣ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ", Елена тоже не имѣла „своихъ словъ", но она жадно искала новаго слова, въ которомъ было бы и дѣло. Бюрократически безукоризненный Курнатовскій, щеголявшій тѣмъ, что онъ „чернорабочій", конечно, не могъ быть ея героемъ. Не увлекъ ея и Берсеневъ, „добросовѣстно - умѣренный энтузіастъ", засушившій цвѣты жизни въ пыльныхъ листахъ своей исторіи Гогенштауфеновъ — куда какъ нужны были эти Гогенштауфены наканунѣ крестьянской реформы! Недоучившійся художникъ Шубинъ, тоже обойденный Еленою, съ безпощадной искренностью говоритъ о ней:

„Разстается съ родиною, съ семьей, а я ее понимаю. Кого она здѣсь оставляетъ?.. Нѣтъ еще у насъ никого, нѣтъ людей, куда ни посмотри. Все либо мелюзга, грызуны, гамлетики, самоѣды, либо темнота и глушь подземная, либо толкачи, изъ пустого въ порожнее переливатели да палки барабанныя!.. Нѣтъ, кабы были между нами путные люди, не ушла бы отъ насъ эта дѣвушка, эта чуткая душа!.. Да, молодое, славное, смѣлое дѣло! Смерть, жизнь, борьба, паденіе, торжество, любовь, свобода, родина... Хорошо, хорошо. Дай

Богъ всякому! Это не то, что сидѣть по горло въ болотѣ, да стараться *показывать видъ*, что тебѣ все равно, когда тебѣ, *дѣйствительно, въ сущности все равно*"...

Но для многихъ, вѣроятно, покажется удивительнымъ узнать изъ писемъ Тургенева, что онъ совсѣмъ не такъ высоко ставилъ и русскую женщину, которая сравнительно съ героями его романовъ обрисована въ такомъ выгодномъ освѣщеніи. Между тѣмъ, дѣйствительно, по мнѣнію Тургенева, не могла „среди лжи и невѣжества" сформироваться въ совершенный типъ русская женщина: она или примирялась съ окружающей ее пошлостью, и выходило плохо, или тратила силы на неравную, калѣчившую ее борьбу — и выходило тоже нехорошо.

Надъ этимъ отзывомъ писателя, въ своей интимной жизни не нашедшаго на родинѣ своей героини, приходится призадуматься. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, что сообщаетъ человѣку ту цѣльность, законченность, которая дѣйствуетъ такъ увлекательно на другихъ? Что заставляетъ, напр., героевъ „Дыма" преклоняться передъ грубымъ невѣждой Губаревымъ? Не умъ, не сердце, не поступки, взятые порознь, а полное соотвѣтствіе, соединеніе всѣхъ его силъ, хотя бы и не очень выдающихся. Только чудомъ русская женщина, у которой въ 20 — 30-хъ годахъ „изнемогалъ разсудокъ", могла бы въ 40 — 50-хъ годахъ стать выше мужчины по своему духовному развитію. Но у русскаго героя дворянина, съ его темпераментомъ, развивавшимся на конюшнѣ и въ дѣвичьей, постоянно были въ полномъ разладѣ занесенныя со стороны послѣднія слова западно-европейской науки: „умъ съ сердцемъ не въ ладу"—и въ этомъ его слабость. Между тѣмъ повышенный умственный уровень русской героини - дворянки, именно какъ дворянки, былъ достаточенъ для того, чтобы осмыслить факты стѣсненнаго кругозора русской женщины, какъ таковой, и вотъ откуда происходитъ большая законченность тургеневскихъ до-реформенныхъ героинь, въ частности

Елены, которая, усвоивъ идеалъ Инсарова „вытурить турокъ“, не находитъ надобности и послѣ его смерти вернуться въ Россію, гдѣ задачи сложнѣе, и гдѣ ея порывы могли бы такъ нелѣпо израсходоваться, какъ у героини въ „Странной исторіи“.

Даже уйдя всецѣло въ альтруистическое дѣло Инсарова, Елена не менѣе всякаго другого героя старой Россіи страдаетъ какой-то инстинктивной боязнью счастья. Ей кажется, что и она провинилась передъ кѣмъ-то въ своемъ счастьи. „Счастье каждаго основано на несчастіи другого“. На разные лады эта мысль повторяется въ разныхъ произведеніяхъ Тургенева разными людьми.

„Нужно поставить себя номеромъ вторымъ“, говоритъ Берсеневъ. Нельзя остаться порядочнымъ человѣкомъ, не отказавшись отъ собственнаго счастья, отъ своекорыстныхъ цѣлей—въ этомъ сущность „перелома“, испытаннаго Лаврецкимъ.

„Жизнь не шутка и не забава, не наслажденіе. Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка“ („Фаустъ“).

„Наша жизнь не отъ насъ зависитъ“ („Яковъ Пасынковъ“).

„Жизнь только того не обманетъ, кто не размышляетъ о ней и, ничего отъ нея не требуя, принимаетъ спокойно ея немногіе дары и спокойно пользуется ими. Идите впередъ, пока можете, а подкосятся ноги—сядьте близъ дороги да глядите на проходящихъ безъ досады и зависти—вѣдь и они недалеко уйдутъ“ („Переписка“).

„Легкое испареніе ничтожной травы переживаетъ всѣ радости и всѣ горести человѣка („Ася“), и т. д. и т. д.

Нечего и говорить, что этимъ мыслямъ нельзя придавать какой-то обязательности, универсальности, независимо отъ времени, народа, страны. Но мы угадываемъ въ нихъ смыслъ той античной философіи, которая скво-

зитъ, напр., въ идеѣ „ Поликратова перстня“. Скорѣе всего, это голосъ развитого нравственнаго чувства у человѣка, силою вещей поставленнаго въ такія общественныя условія, гдѣ всякій безъ вины виноватъ, гдѣ жизнь личности расцвѣтаетъ всегда на счетъ другой личности.

Кто блаженствуетъ? Мужикъ? Нѣтъ. Никто.

„И на мухъ есть гроза“, утѣшаетъ Лаврецкаго добрѣйшая Марѳа Тимоѳеевна.

Но приводя своихъ героевъ къ подобнымъ размышленіямъ, самъ Тургеневъ даже въ послѣднюю эпоху своей жизни упрямо повторялъ: „Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!“

Тогда же онъ говоритъ: „Пусть погибнутъ наши имена, лишь бы общее дѣло было спасено“, или еще: „Индивидуумъ поглощается потокомъ, но увеличиваетъ его силу, расширяетъ его. Чего же больше?“

Это не отрицаніе счастья, но лишь подтвержденіе невозможности, недостаточности личнаго, узкаго счастья. Самъ Базаровъ, который чаще всѣхъ говоритъ о своемъ эгоизмѣ, чувствуетъ, какъ мы видѣли, тоску, если ему не приходится долго „возиться съ людьми“. Но когда Павелъ Кирсановъ совершенно некстати начинаетъ ему доказывать, что человѣческая личность должна быть „крѣпка, какъ скала“, что на ней строится „bien public... общественное зданіе“, то Базаровъ только подтверждаетъ эту мысль, подчеркивая, что самъ-то Кирсановъ, уважая свою личность, ничего не дѣлаетъ, а отъ этого нѣтъ никакого ни свѣта, ни радости ни для него самого, ни для „bien public“.

Именно признавая законнымъ стремленіе къ счастью личному, отрицая безличное счастье, Тургеневъ наталкиваетъ читателя на мысль о необходимости такого „общественнаго зданія“, гдѣ личность не была бы ни принижена другими, ни возвышена на счетъ другихъ.

Немного раньше того спора, который разгорѣлся у

Базарова съ Кирсановымъ, восхищавшимся „принципами" англійской аристократіи, „не уступающей іоты отъ правъ своихъ" и „поддерживающей свободу Англіи", Тургеневъ въ перепискѣ съ Аксаковымъ выступаетъ противъ славянофильскаго счастья „въ мірѣ". „Право личности имъ, что ни говори, уничтожается, а я за это право сражаюсь до сихъ поръ и буду сражаться до конца".

Нѣсколько раньше того, какъ написаны были эти строки, въ „Рудинѣ" высказана была мысль, что Россія можетъ обойтись безъ каждаго изъ насъ, но мы безъ нея не обойдемся.

Очевидно, опять-таки рѣчь идетъ не о славянофильской Руси, и не о Россіи кирсановскаго идеала, а Россіи „молодой и богатой надеждами" (выраженіе Тургенева изъ письма 1857 г.). Съ мыслями о совершенномъ личномъ счастьи свободнаго индивидуума въ совершенномъ, развитомъ обществѣ вполнѣ гармонируютъ взгляды Тургенева на положеніе самобытной по своему прошлому Россіи въ семьѣ цѣлаго культурнаго человѣчества.

Тургеневъ и здѣсь круто расходился со славянофилами всякаго толка и съ западниками Паншинскаго типа.

Послѣ напечатанія „Муму" Иванъ Аксаковъ обратился къ автору съ такими комментаріями:

„Мнѣ нѣтъ нужды знать, вымыселъ ли это или фактъ, дѣйствительно ли существовалъ дворникъ Герасимъ или нѣтъ. Подъ дворникомъ Герасимомъ разумѣется иное. Это олицетвореніе русскаго народа, его страшной силы и непостижимой кротости, его удаленія къ себѣ и въ себя, его молчанія на всѣ запросы его нравственныхъ, честныхъ побужденій. Онъ, разумѣется, со временемъ заговоритъ, но теперь, конечно, можетъ казаться и нѣмымъ и глухимъ: теперь покуда онъ удалился на родину".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Аксаковъ пеняетъ писателю, что тотъ не оставляетъ изображенія интеллигентовъ русскихъ:

„Вы увидите, я надѣюсь, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, что люди-обезьяны годятся только на посмѣхъ, что какъ бы ни претендовалъ человѣкъ-обезьяна на страсти или на чувство, онъ смѣшонъ и не годится для искусства, что, слѣдовательно, вся сила духа въ самостоятельности; въ наше время, у насъ, въ жизни она только въ крестьянинѣ; съ другой стороны, не въ жизни дѣйствительной, а въ отвлеченной умственной области, она только въ сознаніи самобытномъ, въ сознаніи того, что въ жизни является крестьянинъ, хотя онъ самъ имѣетъ сознаніе, сознаніе особаго рода и степени".

Нервно, прерывающейся рѣчью отвѣчаетъ на это Тургеневъ:

„Я не могу раздѣлять вашего мнѣнія на счетъ людей-обезьянъ, которые не годятся въ дѣло для искусства... Обезьяны добровольныя и главное дѣло самодовольныя—да. Но я не могу отрицать ни исторіи, ни *собственнаго права* (подчеркн. Т-ымъ) жить: претензія отвратительна, но страданію я сочувствую. Трудно объяснить все это въ короткомъ письмѣ... Но я знаю, что здѣсь именно мы расходимся съ вами въ нашемъ воззрѣніи на русскую жизнь и на русское искусство: я вижу трагическую судьбу племени, великую общественную драму тамъ, гдѣ вы находите успокоеніе и прибѣжище эпоса... Но, повторяю, объ этомъ можно говорить и спорить,—но писать трудно..."

Конкретное значеніе этого отпора Аксаковымъ намъ легко вскрыть по романамъ Тургенева. Уже въ „Хорѣ", который,—кстати сказать,—разонравился И. Аксакову при вторичномъ чтеніи, мы находимъ замѣчательное мѣсто, гдѣ авторъ, говоря о любознательности Хоря, проявлявшейся имъ въ разспрашиваніи о заграничныхъ порядкахъ, говоритъ, что для него эта любознательность

представляется однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ національности петровскихъ преобразованій. „Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ, что не прочь и поломать себя. Что разумно, то и подавай ему, а откуда идетъ—все равно, онъ смѣло глядитъ впередъ“.

Впослѣдствіи къ этой мысли возвращается Потугинъ; онъ напоминаетъ, что Петръ ушатами вливалъ въ русское сознаніе новыя слова, и народъ переварилъ ихъ, и окрѣпшій народный организмъ далъ *свои соки.* Наша натура крѣпкая, за свою самостоятельность могутъ бояться только слабые народы, а восторгаться тѣмъ, что „мы русскіе“, могутъ только люди праздные. Бранить Западъ могутъ развѣ только князья Кокò, спускающіе за зеленымъ столомъ вымученные оброки. Нужно молча извлекать поученіе изъ ошибокъ нашего учителя—Запада.

Узнавъ о проектѣ судебныхъ преобразованій, Потугинъ „съ истиннымъ удовольствіемъ“ видитъ, что „и у насъ хватились наконецъ ума-разума, и не намѣрены болѣе, подъ предлогомъ самостоятельности тамъ, народности или оригинальности, къ чистой и ясной европейской логикѣ прицѣплять доморощенный хвостикъ“. Цивилизація — это чистое, святое слово, а другія слова—народность, слава—кровью пахнутъ.

Всякій разъ, принимаясь за дѣло, русскій человѣкъ долженъ, по совѣту Потугина, спрашивать себя, „служитъ ли онъ цивилизаціи—въ точномъ и строгомъ смыслѣ слова,— проводитъ ли одну изъ ея идей, имѣетъ ли трудъ его тотъ педагогическій, европейскій характеръ, который единственно полезенъ и плодотворенъ въ наше время“.

Всякіе „самородки“ приводятъ Потугина въ отчаяніе. „Да кто же не знаетъ, что щеголяютъ ими только тамъ, гдѣ нѣтъ ни настоящей, въ кровь и плоть перешедшей науки, ни настоящаго искусства“. Пора сдать въ архивъ этотъ хламъ вмѣстѣ съ фразами о томъ, что „у насъ

на Руси никто съ голоду не умираетъ". Геніальный инстинктъ Кулибина... Нашли чѣмъ хвастаться. „Инстинктъ, будь онъ распрогеніальный, недостоинъ человѣка".

„Не поощряйте, ради Бога, у насъ на Руси мысли, что можно чего-нибудь добиться безъ ученія".

„Иные молодцы даже русскую науку открыли: у насъ, молъ, дважды-два тоже четыре, да выходитъ оно какъ-то бойчѣе".

„О, убогіе дурачки-варвары, для которыхъ не существуетъ преемственности искусства".

„Старыя наши выдумки къ намъ переползли съ Востока, новыя мы съ грѣхомъ пополамъ съ Запада перетащили", и все продолжаемъ толковать о русской самостоятельности, а на самомъ дѣлѣ „ни одного гвоздика, ни одной булавочки" не принесла „православная матушка Русь" въ сокровищницу человѣческой изобрѣтательности.

Очевидно, что въ этихъ идеяхъ нѣтъ ничего общаго съ преклоненіемъ передъ „глухонѣмымъ" народомъ, „уходящимъ къ себѣ и въ себя", а считаться съ ними приходится потому, что одновременно съ „Дымомъ" Тургеневъ высказываетъ въ своихъ литературныхъ замѣткахъ идеи, которыя самъ признаетъ „потугинскими".

Увѣренный въ томъ, что „русской сути въ семи водахъ изъ насъ не вывести", Тургеневъ настаиваетъ на необходимости образованія и свободы.

„Въ поэзіи освободительная, ибо возвышающая нравственная сила", говоритъ онъ о Пушкинѣ.

Къ своимъ „молодымъ собратьямъ" обращается писатель съ такимъ наставленіемъ:

„Нужно постоянное общеніе съ средою, которую беремся воспроизводить; нужна правдивость, правдивость неумолимая въ отношеніи къ собственнымъ ощущеніямъ; нужна свобода, полная свобода воззрѣній и

понятій, — и наконецъ нужна образованность, нужно знаніе... Ученіе не только свѣтъ, оно также и свобода... Безъ образованія, безъ свободы въ обширнѣйшемъ смыслѣ — въ отношеніи къ самому себѣ, къ своимъ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу, къ своей исторіи — немыслимъ истинный художникъ; безъ этого воздуха дышать нельзя".

Отсутствіемъ такой свободы Тургеневъ объясняетъ себѣ то, почему славянофилы при ихъ несомнѣнныхъ дарованіяхъ не могли создать „ничего живого".

„Но самый печальный примѣръ отсутствія истинной свободы, проистекающаго изъ отсутствія истиннаго знанія, представляетъ намъ послѣднее (это пишется въ 1868 — 1869 году) произведеніе графа Л. Н. Толстого („Война и миръ"), которое въ то же время, по силѣ творческаго, поэтическаго дара, стоитъ едва-ли не во главѣ всего, что̀ явилось въ нашей литературѣ съ 1840 года".

Очевидно, что „самымъ печальнымъ" для Тургенева было толстовское пониманіе вопроса о томъ, интересы или мнѣнія народа нужно уважать: Тургеневъ самъ заставилъ своихъ героевъ „Нови" „опроститься", и въ высшей степени интересно, что въ этомъ романѣ народъ высказываетъ, между прочимъ, пониманіе брака „по вольной милости", противъ котораго съ такой пѣной у рта метали свои лицемѣрныя рѣчи защитники общественной нравственности. Но уже Базаровъ рѣшительно заявилъ, что онъ самъ тоже русскій народъ, и потому для него необязательны очевидныя ему заблужденія народа. Народъ думаетъ, что Илья пророкъ гремитъ въ небѣ своей колесницей; такъ неужели и это мнѣніе народа нужно уважать? Гдѣ хоть одно постановленіе въ семейномъ или общественномъ быту народномъ, которое не вызывало бы полнаго и безпощаднаго отрицанія?

И Павелъ Петровичъ Кирсановъ, который, украсивъ

свой столъ серебряной пепельницей въ видѣ мужицкаго лаптя, искренно считалъ себя вѣрнымъ истолкователемъ народныхъ „преданій“, ничего не могъ возразить на этотъ въ упоръ ему поставленный Базаровымъ вопросъ.

Самъ Тургеневъ въ образецъ той крѣпкой крестьянской „семьи“, на которую пробовалъ указать Кирсаровъ, поставилъ только семью Хоря. Но Хорь ушелъ на болото съ своими хорятами, подальше отъ барина— и это одно, а другое не менѣе характерно: любознательный Хорь какъ-то странно относится къ грамотѣ для своихъ дѣтей: только одинъ сынъ, его любимецъ, грамотенъ. На вопросъ, почему такъ вышло, Хорь молчитъ и перемѣняетъ разговоръ. Книга для него какъ будто не менѣе страшна, чѣмъ барщина.

Вопросы о личности и обществѣ, Россіи и Европѣ, инстинктѣ и цивилизаціи, командующемъ классѣ и народѣ — получали особую остроту по мѣрѣ того, какъ начинали яснѣе сказываться результаты 19-го февраля 1861 года.

Тургенева застали въ Парижѣ извѣстія о крестьянской реформѣ. Вмѣстѣ съ выраженіемъ своей радости („все не вѣрится, и лихорадка колотитъ, и досада душитъ, что не на мѣстѣ“) Тургеневъ уже отмѣчаетъ въ своихъ письмахъ и негодованіе крѣпостниковъ, жуировавшихъ за границей. „У здѣшнихъ русскихъ вытянулись рожи: но они уже смирились. А Times толкуетъ о haughty and factions nobless“. Но въ другомъ письмѣ: „Плантаторы въ Петербургѣ и здѣсь въ ярости неизъяснимой“.

Но не ограничиваясь этимъ, „плантаторы“ составили ехидный планъ обратиться къ Александру II съ адресомъ, что положеніе 19 февраля нелиберально, основано на неправильныхъ началахъ и т. д. Къ подписанію такого адреса привлечены были и нѣкоторые крайніе, но недальновидные либералы. Предлагали подписаться

и Тургеневу, но онъ не только не подписалъ, но и другихъ прогрессистовъ отклонилъ отъ адреса, который такъ и не былъ отправленъ, авторитетно разъяснивъ ложность такого шага и неумѣстность „обвинительнаго акта“ противъ Положенія, которымъ какъ бы то ни было „начинается новая эра Россіи“.

Тотъ рѣзкій, непривычный для Тургенева тонъ, который слышится въ только что цитированныхъ письмахъ, мы находимъ и въ тѣхъ романахъ, гдѣ фигурируютъ задѣтые реформой „плантаторы“—въ „Дымѣ“ и „Нови“. Здѣсь почти щедринскими чертами обрисованы дворяне, которые всегда „поютъ фальшиво“, генералы, которые у насъ „гнусятъ или хрипятъ“, либеральные администраторы, получающіе награды за карательныя экспедиціи противъ крестьянъ, помѣщики-кабатчики и помѣщики-жуиры, со скрежетомъ зубовнымъ произносящіе имена „незабываемыхъ“ русскихъ людей и т. д. и т. д. Нѣкоторые афоризмы этихъ господъ до сихъ поръ не потеряли жизненнаго интереса, составляя источникъ государственной мудрости нынѣшнихъ хозяевъ положенія.

„Вѣжливо, но въ зубы“—вотъ основной пунктъ этой „умѣренно-правой“ политики.

„Я бы сказалъ публикѣ“, ораторствуетъ другой политикъ: „интересоваться не мѣшаю, но говорить... тссъ. Во всякомъ случаѣ, *печатно* говорить—запретилъ бы!—безусловно!“

„Когда нѣкоторое, такъ сказать, омраченіе овладѣваетъ даже высшими умами, мы должны предостерегать, мы должны говорить съ почтительною твердостію: „воротитесь, воротитесь назадъ“... „Надо передѣлать все сдѣланное... и девятнадцатое февраля — насколько это возможно. On est patriote ou on ne l'est pas... Вы думаете, сладка народу эта воля?“

„Я не врагъ такъ-называемаго прогресса; но всѣ эти университеты да семинаріи тамъ, да народныя учи-

лица, эти студенты, поповичи, разночинцы, вся эта мелюзга, tout ce fond du sac, la petite propriété, pire que le prolétariat — violà ce qui m'effraie... вотъ гдѣ нужно остановиться... и остановить... Не забудьте, вѣдь у насъ никто ничего не требуетъ, не проситъ. Самоуправленіе, напримѣръ, развѣ кто его проситъ?"

„Не позволяйте умничать черни, да ввѣрьтесь аристократіи, въ которой одной и есть сила. А прогрессъ... Я собственно ничего не имѣю противъ прогресса. Не давайте намъ только адвокатовъ, да присяжныхъ, да земскихъ какихъ-то чиновниковъ, да дисциплины, дисциплины пуще всего не трогайте, а мосты, и набережныя, и гошпитали вы можете строить, и улицъ газомъ отчего не освѣщать?"

Калломѣйцевъ „Нови" въ полномъ согласіи съ генеральскими разговорами въ „Дымѣ" убѣжденъ, что „освобожденный мужикъ пойдетъ съ факеломъ", и потому онъ „нигилистамъ запретилъ бы даже думать о школахъ; а подъ руководствомъ духовенства — и съ надзоромъ за духовенствомъ—самъ бы заводилъ!"

„Народу лучше знать пиѳика или страфокамила, чѣмъ какого-нибудь Прудона или даже Адама Смита".

Либеральный сановникъ Сипягинъ „осадилъ" Калломѣйцева, признавъ Адама Смита „однимъ изъ свѣтилъ человѣческой мысли", принципы котораго полезно было бы всасывать... (онъ налилъ себѣ рюмку шато д'икему) вмѣстѣ съ молокомъ... (онъ провелъ у себя подъ носомъ и понюхалъ вино) матери! Онъ проглотилъ рюмку"...

Великолѣпенъ до сихъ поръ варьируемый сановными прогрессистами тостъ Сипягина.

„Съ одной стороны онъ похвалилъ консерваторовъ, а съ другой — одобрилъ либераловъ, отдавая симъ последнимъ нѣкоторый преферансъ и причисляя себя къ ихъ разряду; превознесъ народъ, но указалъ на нѣкоторыя его слабыя стороны; выразилъ полное довѣріе

къ правительству, но спросилъ себя: исполняютъ-ли всѣ подчиненные его благія предначертанія? Призналъ пользу и важность литературы, но объявилъ, что безъ крайней осторожности она немыслима! Взглянулъ на Западъ: сперва порадовался—потомъ усомнился; взглянулъ на Востокъ: сперва отдохнулъ, потомъ воспрянулъ! И наконецъ предложилъ выпить тостъ за процвѣтаніе тройственнаго союза: религіи, земледѣлія и промышленности...

— Подъ эгидой власти, — строго прибавилъ Калломѣйцевъ.

— Подъ эгидой мудрой и снисходительной власти,— поправилъ его Сипягинъ.

Выписывая эти строки изъ тургеневской сатиры, съ трудомъ удерживаешься отъ соблазна назвать нѣсколько всѣмъ извѣстныхъ именъ, подъ которыми выступаютъ въ наше время на общественной и политической аренѣ всѣ эти Ратмировы, Калломѣйцевы, Сипягины и прочіе.

Любопытно, что въ нашей критической литературѣ не возражаютъ противъ жизненности этихъ фигуръ, но какъ-то мало ее цѣнятъ. Повидимому, и тѣ, кто имѣетъ поводъ нѣсколько обижаться за нихъ на автора, считаютъ болѣе умѣстнымъ проявить свое чувство, присоединившись къ нападкамъ на „неудачное“ изображеніе Тургеневымъ новыхъ людей.

Разумѣется, когда такія нападки дѣйствительно есть не что иное, какъ вышеупомянутый „плантаторскій“ маневръ съ „либеральнымъ“ протестомъ противъ 19 февраля, съ ними не стоитъ серьезно считаться.

Но вообще мы не можемъ не возразить противъ нихъ, даже когда онѣ высказываются искренно. При изображеніи такъ называемыхъ „положительныхъ“, новыхъ героевъ искусство находится въ очень затруднительныхъ условіяхъ.

Дѣло въ томъ, что только въ области отвлеченнаго мышленія ясно сознанная ошибка можетъ дать мѣсто

ясно и полно формулированной правильной мысли. Ложь и правда объ одномъ и томъ же не уживаются рядомъ въ сознаніи. Но въ дѣйствительной жизни, въ человѣческихъ отношеніяхъ, мы, усвоивъ новыя идеи, долго еще находимся подъ вліяніемъ привычекъ, наслѣдственности, наконецъ и всякихъ „независящихъ обстоятельствъ", враждебныхъ новой, еще не восторжествовавшей идеѣ.

Поэтому только отъ художника-символиста мы въ правѣ требовать полнаго воплощенія идеи въ образѣ, имъ созданномъ. Художникъ-реалистъ непремѣнно долженъ сохранить въ своихъ созданіяхъ и всѣ тѣ, часто уродливыя очертанія, какія сообщаются его прототипамъ жизненными условіями, обыкновенно неблагопріятными для „положительнаго типа" въ той мѣрѣ, въ какой исповѣдуемый имъ идеалъ идетъ въ разрѣзъ съ установившимся ранѣе жизненнымъ укладомъ.

Вотъ почему и у Тургенева его Базаровъ, находящійся еще въ ожиданіи настоящаго дѣла, какъ это признано и Писаревымъ, и Инсаровъ, у котораго дѣло просто и ясно — „вытурить турокъ" — вышли образами сравнительно яркими.

„Но жизнь такъ сложилась", по объясненію самого Тургенева, что напр. ему, убѣжденному западнику, пришлось еще въ „Дворянскомъ гнѣздѣ" высмѣять западника Паншина и дать побѣду надъ нимъ Лаврецкому. Почему? Да потому, что дѣйствительнымъ, рядовымъ Паншинымъ гораздо скорѣе и легче было усвоить „надменное" отношеніе къ народной правдѣ, легко разбиваемое Лаврецкимъ, нежели поставленную высоко Тургеневымъ „дѣйствительную вѣру въ идеалъ, хотя бы и отрицательный".

Жизнь такъ сложилась, что идеалъ коллективизма отразился на русской почвѣ въ такое время, когда объектъ коллективистскихъ заботъ, народъ, хорошо знавшій „участокъ", не понималъ слова „участіе". Зна-

читъ, та масса, которая была заинтересована въ успѣхахъ новаго движенія, не могла настоящихъ дѣятелей ни выдвинуть изъ своей среды, ни даже поддержать сознательно.

Дальше шли элементы, имѣвшіе свой корень и опору въ такихъ общественныхъ слояхъ, которые по крайней мѣрѣ не проигрывали на первыхъ порахъ отъ новыхъ идеаловъ. Но зато они или такъ благоразумно служили этимъ идеаламъ, въ родѣ, напр. Соломина, что въ концѣ концовъ отъ ихъ служенія не было никому ни тепло, ни холодно, или наоборотъ ужъ очень неблагоразумно по-голушкински „жертвовали тыщу", а шума поднимали на милліонъ, воображая, что вся эта „прррогимназія" есть нѣчто въ родѣ хорошо знакомаго „бараньяго рога" только наоборотъ.

Жизнь, слѣдовательно, такъ складывалась, что дѣло не могло обойтись безъ представителей того круга, матеріальные интересы котораго нарушались собственно новыми теченіями. Естественно, что поскольку рѣчь шла о массѣ, а не объ исключеніяхъ, могли встать въ ряды новаго движенія только отбившіеся члены того сословія, противъ котораго оно было направлено. Художественной чуткости Тургенева дѣлаетъ честь правдивый подборъ дворянскихъ представителей революціоннаго движенія въ его подготовительную эпоху, такъ какъ типы „Нови", дѣйствующіе еще въ 60-хъ годахъ, это не тѣ народовольцы 70-хъ годовъ, которые могли быть героями не романа, а развѣ только житія.

Тутъ мы видимъ Маркелова, неудачника, который никакъ не можетъ забыть этихъ неудачъ, озлобившихъ его. Его толкаетъ не любовь къ народу, а озлобленіе противъ... артиллеристовъ, нѣмцевъ и адъютантовъ. Рядомъ съ нимъ Неждановъ, незаконный сынъ прожигающей жизнь аристократіи, „вывихнутый" эстетическими наслѣдственными наклонностями. Далѣе Маріанна, тоже „вывихнутая" воспоминаніями объ отцѣ, неудачно про-

воровавшемся и попавшемъ изъ числа „спокойныхъ, зажиточныхъ, сытыхъ" въ число „притѣсненныхъ, бѣдныхъ, жалкихъ".

Когда, бывало, во времена „однодворца Овсянникова" находились чудные господа, которые, вырядившись въ бархатные шаровары и шелковую рубашку, просили у мужиковъ спѣть „народственную" пѣсенку, тѣ только руками разводили. Когда же другіе чудные господа, надѣвъ настоящую мужицкую одежу, понесли по кабакамъ сказочки „для народа", то этотъ народъ, не понимавшій „участія", смущенно и растерянно бормоталъ: „Прежде была яма велика, а теперь и дна не видать". „Заплачутъ теперича наши денежки..." Въ этомъ и былъ трагизмъ положенія, такъ хорошо обрисованный Тургеневымъ въ жизни героевъ „Нови".

„Я несчастна тѣмъ, что я барышня, приживалка, что я ничего, ничего не могу и не умѣю... ни для кого, ни для чего", говоритъ Маріанна.

Неждановъ „совсѣмъ вычеркиваетъ" себя изъ жизни, убѣдившись въ своей безполезности для „дѣла", которому онъ не можетъ вѣрить. Подходить же къ народу, чтобы прикладывать его къ своимъ же болѣзнямъ, „какъ фланелевый набрюшникъ", ему кажется смѣшнымъ.

Со стороны и Потугинъ смѣялся надъ тѣмъ, что мужику, который съ поклономъ проситъ барина поучить его, баринъ кланяется, чтобы онъ полѣчилъ его.

Со стороны же и Паклинъ хихикаетъ, что у насъ то дарвинизмомъ, то деревней хотятъ всѣ свои раны заживить и непремѣнно разомъ.

Но самъ Тургеневъ безъ малѣйшей улыбки вдумчиво замѣчаетъ эпиграфомъ къ „Нови": „Поднимать слѣдуетъ новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающимъ плугомъ".

Сила Инсарова въ томъ, что онъ и „послѣдній мужикъ въ Болгаріи хотятъ одного и того же".

Безсиліе подпольной или, по выраженію Паклина, „безымянной Руси“ въ томъ, что изъ народа идутъ къ ней пока только „лишніе люди“, по наблюденію Нежданова „притомъ большей частью чахоточнаго сложенія; интересные субъекты—и идутъ охотно; но собственно для дѣла — непригодные; такъ же, какъ и прежніе Гамлеты...

Жизнь такъ сложилась...

„Недовольно надѣть мурмолку, чтобы сдѣлаться твоимъ Эдипомъ, о, всероссійскій сфинксъ“, восклицаетъ Тургеневъ въ одномъ изъ стихотвореній въ прозѣ.

А въ другомъ онъ указываетъ на то, что „недовольно“ надѣть и цѣпи.

„Ты не нашъ“, говоритъ „чернорабочій“ „бѣлоручкѣ“. Посмотри хоть на мои руки. Видишь, какія онѣ грязныя? И навозомъ отъ нихъ несетъ, и дегтемъ—а твои, вонъ, руки бѣлыя. И чѣмъ отъ нихъ пахнетъ?“

И узнавъ, что отъ нихъ пахнетъ желѣзомъ цѣпей, въ которыя былъ закованъ бѣлоручка за желаніе „освободить сѣрыхъ, темныхъ людей“, равнодушно замѣчаетъ: „Вольно-жъ тебѣ было бунтовать“. Черезъ два года послѣ этого разговора, узнавъ, что „вышелъ указъ“ повѣсить бѣлоручку, чернорабочій рѣшаетъ какъ-нибудь раздобыть веревку съ висѣлицы, на счастье.

Гдѣ же былъ „глубоко забирающій плугъ?“

Тургеневъ видѣлъ его прежде всего въ образованіи народномъ, которое должно освободить народъ отъ рабства невѣжества. Такая именно цѣль и поставлена проектированному имъ „Обществу для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія“. Выступивъ печатно въ началѣ 80-хъ годовъ съ проектомъ такого Общества, которое должно было объединить разрозненныя попытки частныхъ лицъ и внести „въ благое дѣло могущество единодушныхъ дружныхъ усилій и свѣтосознательной мысли“, Тургеневъ намѣчалъ и нѣ-

которыя руководящія начала этого всероссійскаго общества и, между прочимъ, совершенное устраненіе „прибауточнаго и сказочнаго тона“ въ народныхъ книжкахъ: „съ народомъ должно обращаться искренно, честно и съ полнымъ уваженіемъ“.

На этомъ пути стояли два препятствія. Во-первыхъ, это были эпигоны старыхъ противниковъ Тургенева славянофиловъ, всѣми силами пытавшіеся продиктовать народу „патріархальныя“ мнѣнія, которыя были бы имъ пріятны“.

„Хороши эти славянофилы“, говоритъ Тургеневъ своей знакомой въ январѣ 1881 г., „вотъ они, напримѣръ, Бобринскій съ его постыднымъ процессомъ съ крестьянами... А вѣдь онъ славянофилъ, народникъ. И они, эти люди, кричатъ о томъ, что народъ, народъ скажетъ послѣднее слово всяческой мудрости. А какое слово можетъ сказать этотъ забитый, замученный народъ? Вотъ онъ сказалъ свое послѣднее слово на процессѣ, и это слово было: Помилуйте!“

Во-вторыхъ, не приходилось говорить о честномъ отношеніи къ народу и со стороны бюрократіи. „Для нихъ я врагъ“, признается Тургеневъ въ одномъ разговорѣ въ іюлѣ 1882 г. „Вы говорите, что я сила, а у меня мою земскую школу правительство закрыло. Хотятъ, чтобы однѣ приходскія школы; у земства все отнимаютъ“.

Американскому писателю Бойезену онъ передаетъ, какъ „курьезный фактъ“, что однажды Карлейль нападалъ при немъ на демократію и выражалъ симпатіи русскому правительству.

Въ отвѣтъ на это Тургеневъ сказалъ Карлейлю, что ему „слѣдовало бы отправиться въ Россію и прожить мѣсяца два въ одной изъ внутреннихъ губерній; тогда онъ бы собственными глазами убѣдился въ результатахъ восхваляемаго имъ строя. Тотъ, кто утомленъ демократіей потому, что она создаетъ безпорядки,

напоминаетъ человѣка, готовящагося къ самоубійству. Онъ утомленъ разнообразіемъ жизни и мечтаетъ о монотонности смерти".

Въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ подъ вліяніемъ уроковъ русско-турецкой войны атмосфера внутренней политики нѣсколько прояснилась. Когда Тургеневъ пріѣхалъ въ Россію въ 1879 г., вездѣ были слышны смѣлыя рѣчи, и ему тоже казалось, „что мы живемъ наканунѣ хотя мирнаго и законнаго, но очень значительнаго преобразованія нашей общественной жизни".

Предержащія власти не были обрадованы пріѣздомъ знаменитаго писателя; за нимъ слѣдили; въ „высшихъ" сферахъ, гдѣ когда-то „Записки Охотника" названы были „настольной книгой", теперь говорилось объ ихъ авторѣ: „C'est ma bête noire", т.-е., мягко выражаясь: „бѣльмо въ глазу".

Однажды Тургеневъ обратился съ письменной рекомендаціей за нѣкоего Д. къ министру Толстому, съ которымъ онъ хаживалъ на охоту. Немедленно Толстой вызвалъ Д., и удостовѣрившись, что Тургеневъ писалъ о немъ, приказалъ сейчасъ же подавать въ отставку.

Но Тургеневъ не унывалъ. Онъ чувствовалъ, что у него опять возстановилась духовная связь съ молодежью, и какъ не бывало того настроенія, которое нѣсколько времени тому назадъ побуждало его отбросить перо. На публичныхъ вечерахъ онъ охотно читалъ Пушкинское стихотвореніе „Послѣдняя туча разсѣянной бури".

На вечерѣ, устроенномъ въ честь Тургенева, славный „генералъ Дитятинъ", вспомнивъ „запахъ зловреднаго духа, автору свойственнаго", все же заявилъ, что „радъ выпить за литератора Тургенева", такъ какъ волею высшихъ властей многіе писатели призваны споспѣшествовать преуспѣянію отечества.

Отвѣчая на многочисленныя рѣчи, Тургеневъ, по свидѣтельству очевидца, взялъ твердый гражданскій

тонъ. Онъ понимаетъ нынѣшнее настроеніе русскаго общества. Въ немъ много молодого, героическаго благородства и назрѣвшаго, неотвратимаго негодованія. Русское самосознаніе проснулось наверху. Оно хочетъ жить, мыслить и дѣйствовать. Это его священное право и высшая цѣль. Но придетъ время, когда заявитъ о своемъ бытіи и масса русскаго народа, который выходитъ изъ несовершеннолѣтія. Летаргія долга, но пробужденіе великолѣпно и всесильно. Свой личный вѣкъ Тургеневъ прожилъ, но пока онъ живъ, его завѣтъ одинъ: нѣтъ блага для человѣка выше его свободы.

Подобно Лаврецкому, безъ всякаго колебанія Тургеневъ рѣшилъ, что ни ему, ни вообще людямъ его поколѣнія, его склада нечего дѣлать передъ тѣми осложненіями, которыя послѣ краткаго просвѣта снова обложили политическій горизонтъ.

Наша либеральная партія таетъ, говорилъ онъ послѣ 1 марта. У насъ связаны руки. Раздолье только тѣмъ, кто умѣетъ хватать и рвать. А такъ какъ мы, либералы, хватать не хотимъ, то нечего намъ теперь и дѣлать. Народъ своимъ путемъ идетъ, связей у насъ съ нимъ нѣтъ и сдѣлать для него мы ничего не можемъ. Онъ уходитъ въ сектантство, но не въ расколъ же мнѣ самому итти.

Такая же послѣдовательность, смѣлость свободнаго ума звучитъ и въ письмѣ къ А—зи:

„Я не принадлежу къ той школѣ, которая полагаетъ, что надо стараться утаить шило въ мѣшкѣ, напротивъ, пусть оно выйдетъ наружу: значитъ, въ этомъ мѣстѣ мѣшокъ гнилъ. И вотъ почему я, постепеновецъ, не обинуясь, готовъ помочь появленію произведенія, написаннаго революціонеромъ“.

Внимательно и любовно присматривался Тургеневъ къ новымъ „отчаяннымъ“ людямъ, отыскивая въ нихъ нѣкоторыя знакомыя черты, и своей старческой рукой посылалъ послѣднее „прости“ самоотреченію молодежи,

начинавшей свое великое шествіе черезъ эшафотъ къ свободѣ. Невольно напрашиваются параллели.

Послѣ живительной грозы въ блескѣ лѣтняго солнца Елена стоитъ передъ Инсаровымъ.

— Такъ ты пойдешь за мною всюду?

— Всюду на край земли. Гдѣ ты будешь, тамъ я буду.

— И ты себя не обманываешь, ты знаешь, что родители твои никогда не согласятся на нашъ бракъ?

— Я себя не обманываю; я это знаю.

— Ты знаешь, что я бѣденъ, почти нищій.

— Знаю.

— Что я не русскій, что мнѣ не суждено жить въ Россіи, что тебѣ придется разорвать всѣ твои связи съ отечествомъ, съ родными?

— Знаю, знаю.

— Ты знаешь также, что я посвятилъ себя дѣлу трудному, неблагодарному, что мнѣ... что намъ придется подвергнуться не однѣмъ опасностямъ, но и лишеніямъ, униженію, быть можетъ.

— Знаю, все знаю... Я тебя люблю.

— Что ты должна будешь отстать отъ всѣхъ твоихъ привычекъ, что тамъ одна, между чужими, ты, можетъ быть, принуждена будешь работать...

Она положила ему руки на губы.

— Я люблю тебя, мой милый.

— Такъ здравствуй же, моя жена передъ людьми и передъ Богомъ.

Другая картина черезъ четверть вѣка, не „наканунѣ", „на разсвѣтѣ":

Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь. За дверью угрюмая мгла. Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка, русская дѣвушка. Морозомъ дышитъ та непроглядная тьма и, вмѣстѣ съ леденящей струей, выносится изъ глубины зданія медлительный голосъ:

— О, ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?

— Знаю,—отвѣчаетъ дѣвушка.

— Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшка, презрѣніе, обиды, тюрьма, болѣзнь, самая смерть?

— Знаю. Я готова. Я перенесу всѣ страданія, всѣ удары.

— Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей.

— Да и отъ нихъ.

— Хорошо, ты готова на жертву. Ты погибнешь и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить.

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

— Готова ли ты на преступленіе?

Дѣвушка потупила голову.

— И на преступленіе готова...

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

— Знаешь ли ты,—заговорилъ онъ наконецъ,—что ты можешь разубѣдиться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?

— Знаю и это.

— Войди!

Дѣвушка перешагнула порогъ, и тяжелая завѣса упала за нею.

— Дура!—проскрежеталъ кто-то.

— Святая!—пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

Двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ отошелъ въ вѣчность этотъ „постепеновецъ", такъ простившійся съ молодежью, за которою онъ уже не могъ поспѣть. То чаще, то рѣже открывались и закрывались роковыя ворота, принимая новыя жертвы, наконецъ распахнулась настежь кровожадная пасть — а много ли за это время сказано если не словъ участія,

то по крайней мѣрѣ человѣческаго сожалѣнія по адресу этихъ жертвъ, переступившихъ „порогъ?“ О, какъ мало!

Вотъ почему, если вообще умѣстно загадывать о томъ, надолго ли будетъ памятенъ тотъ или иной писатель, то можно увѣренно сказать, что когда могучій потокъ, расширяясь и углубляясь съ каждой новой отдавшейся ему личностью, снесетъ „мрачное зданіе“, когда доселѣ „безымянная Русь“ громко скажетъ свое гордое и святое имя,—Тургеневъ и тогда не останется въ числѣ безымянныхъ поэтовъ.

Философія Л. Толстого
въ его художественныхъ произведеніяхъ.

1908 года 10 сентября, по новому стилю, во всѣхъ культурныхъ странахъ чествовался признанный величайшимъ писателемъ современности Левъ Толстой. Собирались митинги, давались юбилейные спектакли, читались публичныя лекціи, подписывались адреса, появлялись въ свѣтъ новые переводы сочиненій юбиляра и біографическіе труды, въ Ясную Поляну летѣли тысячи телеграммъ, иногда съ такимъ же лаконическимъ адресомъ, какъ нѣкогда на письмахъ къ Вольтеру.

Что же было въ этотъ день на родинѣ Толстого?

Было 28 августа. Были въ газетахъ сообщенія объ очередныхъ казняхъ, арестахъ, штрафахъ. Были заглушенныя всяческими циркулярами и предостереженіями попытки вспомнить о гордости всемірной литературы, были недоговоренные отзывы печати, заплатившей уже нѣсколько тысячъ штрафныхъ денегъ за сообщеніе того, о чемъ „не могъ молчать“ великій юбиляръ.

И была не встрѣчавшая надлежащаго отпора площадная брань по адресу „отщепенца“, „антихриста“, „сумасшедшаго старика“ и т. д.

И для изумленнаго взора иностранцевъ не было ясно, какъ же смотрятъ на Толстого его соотечественники: великой славой или несмываемымъ позоромъ для Россіи считаютъ они имѣть Толстого.

Когда русскіе люди добьются полной возможности свободно обсуждать свое прошлое и свое настоящее, они съ горькой усмѣшкой будутъ вспоминать 80-лѣтній юбилей Толстого, который такъ полно отразилъ на себѣ всю пришибленность переживаемаго нами момента. Подчиняясь высшей волѣ, мы чествовали вслухъ только „полъ-Толстого", по выраженію одного англичанина, а если быть точнымъ, то, пожалуй, и менѣе того: даже „$^1/_2$ Толстого" нашей публикѣ не полностью извѣстно, такъ какъ и художественныя его произведенія, въ общемъ не отвергаемыя нашимъ попечительнымъ начальствомъ, не цѣликомъ могли появиться въ Россіи.

Мы, современники Толстого, оказались не въ состояніи воспользоваться въ полной мѣрѣ очень рѣдкимъ въ исторіи нашей литературы обстоятельствомъ—долголѣтіемъ писателя, и окинуть общимъ взглядомъ длиннѣйшую историческую панораму, развернутую передъ нами Толстымъ, прослѣдить, какъ въ творческомъ сознаніи одного художника преломились общественныя настроенія нѣсколькихъ эпохъ.

Въ самомъ дѣлѣ, первый крупнѣйшій романъ Толстого переноситъ читателя въ пограничную полосу между XVIII и XIX вѣками, гдѣ сталкиваются послѣдніе ветераны екатерининскаго масонства съ александровскими либералами-націоналистами, а къ рѣчамъ этихъ послѣднихъ прислушиваются будущіе декабристы. Намѣтивъ, хотя и въ незаконченныхъ фигурахъ это русское проявленіе политическаго романтизма, Толстой въ „Дѣтствѣ и отрочествѣ" и другихъ своихъ раннихъ разсказахъ даетъ богатую картину николаевскаго „мира" съ его заключительнымъ эпизодомъ, нашедшимъ свое изображеніе въ Севастопольскихъ разсказахъ. Затѣмъ послѣдовательно передъ нашими глазами проходятъ Левинъ и герои „Плодовъ просвѣщенія", Позднышевъ и Нехлюдовъ „Воскресенія", мужикъ Ѳедоръ („Анна

Каренина"), Акимъ, Никита и Катюша Маслова — все этапы на пути русскаго общественнаго самосознанія.

Но уже съ 60-хъ годовъ, со времени „Ясной Поляны" сочиненія Толстого не только изображаютъ смѣну общественныхъ явленій; они, выражая неутомимый въ искательствѣ правды геній автора, сами становятся выдающимися фактами современности и въ качествѣ таковыхъ раздѣляютъ судьбу всѣхъ жизненныхъ явленій русской дѣйствительности: подвергаются урѣзыванію, гоненію, искусственно-созданному замалчиванію. Тамъ напр., въ самый разгаръ полемики по поводу „Крейцеровой сонаты", когда общественная мысль, возводя факты къ ихъ первопричинамъ, коснулась отношеній семьи и государства, послѣдовалъ 28 марта 1890 г. циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати:

„Прекратить всякую полемику по поводу Крейцеровой сонаты".

И вопроса какъ не бывало. Подписано и съ плечъ долой.

Циркуляромъ 4 іюля 1894 года редакціи русскихъ газетъ получили предписаніе:

„Не перепечатывать полностью или въ извлеченіяхъ изъ иностранныхъ газетъ никакихъ свѣдѣній о графѣ Л. Н. Толстомъ, его сочиненіяхъ и частной жизни".

Предписанія въ этомъ родѣ повторяются и потомъ. Подобно тому какъ въ блаженной памяти времена Екатерины II предписано было забыть Пугачева, такъ столѣтіе спустя послѣ этого приказываютъ забыть Толстого. За полтора мѣсяца до семидесятилѣтняго юбилея въ 1898 году главное управленіе по дѣламъ печати приказываетъ нашимъ газетамъ:

„Не помѣщать статей и извѣстій о предстоящемъ юбилеѣ гр. Л. Н. Толстого".

Еще болѣе яркій примѣръ предупредительности данъ циркуляромъ отъ 29 января 1902 г.:

„Въ виду возможности въ ближайшемъ времени кон-

чины гр. Л. Н. Толстого, и не встрѣчая препятствій къ помѣщенію тогда статей, посвященныхъ его жизнеописанію и литературной дѣятельности, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ, чтобы распоряженіе 3 сентября 1883 г. оставалось въ силѣ, и чтобы во всѣхъ извѣстіяхъ и статьяхъ о гр. Л. Н. Толстомъ была соблюдена необходимая объективность и осторожность".

Но „въ ближайшемъ времени" печати пришлось принять во вниманіе этотъ совѣтъ при сообщеніи о скоропостижной кончинѣ самого министра...

Достойнымъ продолженіемъ прежней тактики по отношенію къ Л. Толстому представляются и нынѣшнія директивы, преподанныя ко дню его 80-лѣтней годовщины.

Ничего не имѣя противъ того, чтобы 28 августа 1908 года исполнилось 80 лѣтъ со дня рожденія графа Л. Н. Толстого, запретить въ этотъ день всякія собранія въ честь Толстого и вмѣсто „Власти тьмы" поставить въ народномъ домѣ „Подъ властью луны"; не встрѣчая препятствій къ чествованію Толстого, не допускать лишь никакихъ манифестацій и публичныхъ собраній, посвященныхъ чествованію; признавая художественное творчесто Толстого, отвергнуть его идейную сторону.

Но забыть „$^1/_2$ Толстого"—это невыполнимый фокусъ.

Любое изъ извѣстныхъ въ исторіи литературы произведеній любой читатель можетъ преодолѣть въ очень короткій срокъ. Передъ нимъ легко и свободно и тѣмъ легче и свободнѣе, чѣмъ сильнѣе художественный талантъ автора, встаютъ живыя картины, лица, событія. Но прежде чѣмъ эти картины, лица и событія зажили своей жизнью, особой, яркой, индивидуальной въ произведеніи автора, они существовали въ разсѣянномъ видѣ среди безконечныхъ, безчисленныхъ впечатлѣній его.

„Вы не можете себѣ представить“ пишетъ Л. Н. Толстой въ 1864 г. Фету: „какъ мнѣ трудна предварительная работа глубокой пахоты того поля, на которомъ я принужденъ сѣять. Обдумать и передумать все, что можетъ случиться со всѣми будущими людьми предстоящаго сочиненія, очень большого, и обдумать милліоны возможныхъ сочетаній для того, чтобы выбрать изъ нихъ $\frac{1}{1000000}$, ужасно трудно!

Ясно, что этотъ „ужасно трудный“ выборъ дѣлается вообще возможенъ только потому, что у автора есть извѣстный критерій, стоящій выше всѣхъ „будущихъ людей“ и возможныхъ сочетаній ихъ. Самое усвоеніе авторомъ тѣхъ, а не иныхъ образовъ находится въ зависимости отъ такого критерія, такъ что для каждаго мыслящаго читателя за всѣми героями автора выступаетъ самъ авторъ съ его міропониманіемъ, съ его особеннымъ различеніемъ добра и зла, правды и лжи. Поэтому въ одномъ изъ своихъ раннихъ произведеній, въ Севастопольскихъ разсказахъ, задумываясь надъ смысломъ своего творенія, Толстой говоритъ, что не Калугинъ, не Праскухинъ, не Михайловъ, не Пестъ его герои.

„Герой же моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—правда“.

Если невозможно вообще и по отношенію къ Толстому въ особенности отдѣлять психологически художника отъ мыслителя, то такъ же невозможно и хронологически раздѣлять въ дѣятельности Толстого художественное творчество отъ философской мысли, хотя это у насъ нерѣдко все еще дѣлается, такъ что даже въ знаменитыхъ учебникахъ Иловайскаго утверждается такое положеніе: „Графъ Л. Толстой впослѣдствіи, вмѣсто художественнаго творчества, обратился къ не-

удачному философствованію и вредной пропагандѣ антинаціональнаго направленія".

При иныхъ условіяхъ нашей жизни будетъ чрезвычайно интересной и важной работой прослѣдить, въ какомъ основномъ направленіи и съ какими отклоненіями въ деталяхъ эволюціонировала философская система Толстого, начиная съ его первыхъ произведеній. Мы беремъ на себя наиболѣе доступную теперь задачу вскрыть „толстовство" въ извѣстныхъ всякому русскому читателю художественныхъ произведеніяхъ Толстого.

Часто, называя Л. Толстого не только „великимъ писателемъ", но и „великимъ учителемъ земли русской", говорятъ вообще объ „учительствѣ" русской литературы. Дѣйствительно, у насъ нѣтъ своихъ „философскихъ школъ", какъ были онѣ въ Греціи, но зато послѣ того, какъ наша недоразвившаяся реформація загнана въ „расколъ", и обезсиленная революція заклеймена въ исторіи названіемъ „смуты", наша самостоятельная философско-религіозная мысль, какъ и мысль соціально-политическая, скрывается за поэтическими украшеніями. Поэтому, по нашей географіи, Парнасъ находится между Монмартромъ и Голгоѳой...

Уже наши народныя пѣсни философичны, но „отъ ямщика до перваго поэта мы всѣ поемъ уныло!" Писатель, наиболѣе родственный народному творчеству, Кольцовъ, наперекоръ своимъ наставникамъ-покровителямъ, въ родѣ Жуковскаго, съ увлеченіемъ перелагаетъ на народный складъ усвоенные имъ обрывки гегелевской философіи и горько скорбитъ, что онъ понялъ только „субъектъ, „объектъ", а „абсолютъ — ни крошечки".

Но такъ какъ философія „сама въ себѣ, по себѣ и для себя" была намъ не по средствамъ, и у насъ не было Архимеда, которому бы у насъ „не спутали его круговъ", то при всей философичности мы всегда были настоящими земными обитателями. Бѣлинскій не могъ

сѣсть за обѣдъ, не окончивъ спора о Богѣ, но тотъ же Бѣлинскій съ презрѣніемъ отталкивалъ „философскій колпакъ“, мѣшавшій видѣть „дисгармонію“ жизни. Последовательной самодовлѣющей философіи мы еще долго не создадимъ.

Поэтому и философско-религіозный методъ оцѣнки нашей литературы, хотя бы со стороны ея философскихъ теченій, насъ интересуетъ, но никакъ намъ не дается. Недавно (въ январѣ 1909 г.) при переполненномъ залѣ г. Мережковскій читалъ лекцію о „Поэтѣ сверхчеловѣчества“—Лермонтовѣ. Усматривая въ поэтѣ сверхчеловѣческую несмиримость, обиженность на Бога и метафизическій бунтъ, Мережковскій противополагалъ Лермонтова всей нашей литературѣ, которая сначала въ лицѣ Пушкина, а затѣмъ Гоголя, Достоевскаго, Толстого, усвоила идею величаваго созерцанія, недѣланія, смиренія и довела убаюканное ею общество до Цусимы и Ната Пинкертона. Лекторъ закончилъ предположеніемъ или пожеланіемъ, чтобы мы перестали воевать съ Лермонтовымъ и начали войну съ Пушкинымъ, съ „дневнымъ“, но созерцательнымъ началомъ нашей поэзіи.

Но оригинально то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда плакать надъ исчезнувшимъ бунтомъ не было повода, когда, наоборотъ, видимо улетучивалось „созерцательное смиреніе“, тотъ же г. Мережковскій громко сѣтовалъ, что и „безнадежный мистицизмъ Лермонтова и Гоголя“, и „бѣгство Л. Толстого отъ ужаса смерти въ жалость“, и вся вообще русская литература „измѣнила главному завѣту Пушкина: „да здравствуетъ солнце, да скроется тьма“, и сдѣлалась „поэзіей мрака, жалости“ и т. д. Г. Мережковскому было „страшно за будущность человѣческаго духа: когда великій художникъ отрекается отъ безкорыстнаго и свободнаго созерцанія, то тѣмъ самымъ онъ творитъ мерзость во святомъ мѣстѣ, пріобщается духу черни“. Г. Мережковскій

негодовалъ тогда, что „всѣми правдами и неправдами“ вся русская литература боролась противъ свѣтлой, созерцательной поэзіи Пушкина, и въ особенности Л. Толстой, который „есть не что иное, какъ отвѣтъ русской демократіи на вызовъ Пушкина“, и „антиподъ“ Пушкина. Наиболѣе ясно выразилась борьба Толстого противъ Пушкина въ томъ, что онъ въ „Войнѣ и мирѣ“ развѣнчалъ Наполеона. „Здѣсь духъ черни, духъ торжествующей пошлости кощунствуетъ надъ Духомъ Божіимъ, надъ благодатнымъ и страшнымъ явленіемъ генія“. Въ то время, какъ всѣ говорили „о веснѣ“, г. Мережковскій повторялъ свою жалобу на „черную осень—убыль пушкинскаго духа въ нашей литературѣ“. („Вѣчные спутники. Пушкинъ“).

Намъ было бы очень неинтересно говорить о противорѣчіяхъ г. Мережковскаго, если бы всѣ эти богоборцы, богоискатели и т. п. не выступали, математически точно, при каждомъ общественномъ подъемѣ съ призывомъ къ созерцанію, а при каждомъ торжествѣ реакціи съ крокодиловыми слезами о гордыхъ и храбрыхъ.

Имъ, этимъ метафизикамъ, незаслуженныя радость, красота и ликованіе, а людямъ, нужнымъ для жизни — случайная, нелѣпая смерть...

Есть что-то ужасное въ этомъ тяготѣніи русской поэзіи къ вопросу о смерти. Онъ разно рѣшается, этотъ вопросъ, но занимаетъ болѣе или менѣе всѣхъ. Первый крупный поэтъ-мыслитель въ Россіи — Державинъ, свидѣтель пугачевской расправы и расправы надъ Пугачевымъ, развиваетъ всю свою философію изъ мысли о смерти. „Грядущей смерти годовщина“ толкаетъ философскую мысль Пушкина, современника 14 декабря 1825 и 13 іюля 1826 г. Его собственная смерть проводитъ рѣзкую складку въ мышленіи Гоголя, Жуковскаго; и „страхъ смерти“ въ сочиненіяхъ Толстого такимъ образомъ совсѣмъ не новость.

Впечатлѣнія семейной, личной жизни и картины пережитой авторомъ севастопольской трагедіи сами по себѣ могли вызвать въ Толстомъ особый, исключительный интересъ къ смерти, „величайшему таинству“, какъ она названа уже въ „Дѣтствѣ и отрочествѣ“. У всѣхъ въ памяти потрясающія картины смерти и особенно предсмертной тоски въ Севастопольскихъ разсказахъ и „Войнѣ и мирѣ“. Въ огромномъ романѣ „Анна Каренина“ только одна глава имѣетъ особое заглавіе — „Смерть“. „Смерть Ивана Ильича“ и „Хозяинъ и работникъ“ служатъ связующимъ звеномъ между вышеуказанными сочиненіями и послѣдними философскими писаніями Толстого.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, частью именно подъ впечатлѣніемъ картинъ смерти всѣ наиболѣе извѣстные герои Толстого переживаютъ то состояніе возрожденія, „Воскресенія“, послѣ котораго продолженіе земной жизни съ ея неизбѣжнымъ концомъ, физической смертью, для нихъ получаетъ глубокій смыслъ и становится нравственно-легкимъ дѣломъ, несмотря ни на что. Оленинъ, Пьеръ, Болконскій, Левинъ, Никита, Иванъ Ильичъ, „Хозяинъ“, Нехлюдовъ, Маслова—всѣ переживаютъ „воскресенье“.

Оленинъ, герой „Казаковъ“, напечатанныхъ въ 1852 г., первый постигаетъ „невыразимо гадкую и смѣшную ложь“, среди которой онъ вращался въ великосвѣтскомъ кругу, и подъ вліяніемъ природы и близкихъ къ природѣ людей, каковы Ерошка, Лукашка, Марьяна, приходитъ къ убѣжденію, что высшее счастье, законное и „несмотря на внѣшнія условія“ выполнимое, это—жить, какъ подсказываетъ природа, „никому не дѣлать вреда, а еще дѣлать добро людямъ“.

Цѣль жизни—жизнь по Божьи, любовная работа для людей. „Надо жить для души, Бога помнить, по правдѣ, по Божьи“ — эти слова мужика Ѳедора открываютъ глаза Левину. Онъ понялъ смыслъ жизни и понялъ, что все остальное, кромѣ этихъ словъ, и физика, и химія

есть только „глупость ума“ и смысла жизни не выясняетъ. „Вся моя жизнь не только не безсмысленна, какой была прежде, но имѣетъ несомнѣнный смыслъ добра, который я властенъ вложить въ нее“ — такъ заканчивается „Анна Каренина“.

„Ищите царствія Божія и правды его, а остальное приложится“. Такъ вотъ оно дѣло моей жизни.

Съ этой ночи началась новая для Нехлюдова жизнь, потому что все, что̀ случилось съ нимъ съ этихъ поръ, получало для него совсѣмъ иное, чѣмъ прежде, значеніе“ — это конецъ „Воскресенія“.

„Пониманіе назначенія жизни“ Толстой и называетъ въ общемъ смыслѣ „религіей“, и интересъ къ такой „религіозной“ темѣ проходитъ у него очень яркимъ мотивомъ съ самыхъ раннихъ произведеній.

Юный герой „Дѣтства“, затаивъ дыханіе и не обращая вниманія на толчки и щипки, наблюдаетъ изъ темнаго чулана за юродивымъ Гришей, и въ его душу навсегда западаетъ одно осмысленное прошеніе среди нелѣпаго набора словъ у „великаго христіанина Гриши: „Боже, научи меня, что творити“.

Какъ будто, разъ навсегда преклонившись передъ Гришей, Толстой не скрываетъ своего безразличнаго и даже прямо насмѣшливаго отношенія къ церковнымъ молитвамъ.

Вспомните, какъ молится Платонъ Каратаевъ — „Фрола и Лавра, Никола угодникъ“, — какъ молятся три старца — „трое насъ, трое васъ, помилуй насъ“, — и однако, къ великому изумленію архіерея, старецъ, неспособный запомнить настоящей церковной молитвы, имѣетъ силу ходить по морю.

Всегда „религіозный“ въ указанномъ выше смыслѣ, Л. Толстой очень рано сталъ относиться отрицательно къ какому бы то ни было церковному обряду, и толчкомъ къ этому послужило, по всей вѣроятности, подмѣченное художникомъ механическое, равнодушное вы-

полненіе обрядовъ служителями церкви. Въ „Войнѣ и Мирѣ“, описывая крестный ходъ передъ Бородинскимъ боемъ, Толстой рядомъ съ умиленіемъ солдатъ, молящихся по-своему, по-каратаевски, подчеркиваетъ усталое, лишенное всякаго выраженія пѣніе причта, двадцатый разъ повторяющаго одни и тѣ же слова. А офицеры, послѣ земныхъ поклоновъ тщательно стряхиваютъ пыль съ своихъ брюкъ.

Левинъ уже слышитъ, какъ священникъ „бойко стучитъ сапогами по плитамъ пустой церкви“, а при чтеніи „правила“ передъ торжественнымъ обрядомъ церковнымъ до его слуха долетаетъ только „помилосъ, помилосъ“.

Отъ этихъ черточекъ, отъ описанія обѣдни „съ причастниками“ въ „Декабристахъ“ — прямой путь къ острожному богослуженію въ „Воскресеніи“.

Установленная молитва, установленный обрядъ, установленный догматъ противорѣчатъ религіознымъ воззрѣніямъ Толстого, и онъ не могъ быть примѣрнымъ сыномъ какой бы то ни было церкви, и характерно то, что только среди духовенства Англіи, страны, гдѣ религіозныя формы наиболѣе оказались гибкими, приспособляемыми къ общественнымъ и личнымъ вкусамъ, такъ много почитателей Толстого. Въ „Воскресеніи“ ярче всего сказалось враждебное отношеніе его къ церкви, какъ учрежденію. Но еще на свадьбѣ Левина Толстому представляется излишнимъ, что „молились, какъ и всегда, о синодѣ, о государѣ“. Даже ранѣе Наташа въ „Войнѣ и мирѣ“, молясь за синодъ и царскую фамилію, употребляетъ усилія воли и особенно низко кланяется и крестится, говоря себѣ, что ежели она не понимаетъ, она не можетъ сомнѣваться и все-таки любитъ правительствующій синодъ и молится за него. Но когда стали молиться о покореніи враговъ подъ ноги, она уже не могла молиться, такъ какъ

только что она желала имѣть больше враговъ, чтобы любить ихъ и молиться за нихъ.

Церковныя учрежденія, сами по себѣ непріемлемыя для Толстого, тѣмъ болѣе ему ненавистны, что они всюду, а въ Россіи особенно, являются частью общегосударственнаго механизма и кладутъ свою санкцію на функціи государства, противныя духу толстовскаго ученія.

Такимъ дѣломъ государства, находящимъ поддержку въ церкви, является, напр., война, противорѣчащая заповѣди: „Не убій".

„Война самое гадкое дѣло въ жизни, и надо понимать это, а не играть въ войну. А то война—это любимая забава праздныхъ и легкомысленныхъ людей. Военное сословіе самое почетное. А что̀ такое война, что̀ нужно для успѣха въ военномъ дѣлѣ, какіе нравы нашего военнаго общества? Цѣль войны убійство, орудія войны — шпіонство, измѣна и поощреніе ея, разореніе жителей и ограбленіе ихъ;... нравы военнаго сословія—отсутствіе свободы, т.-е. дисциплина, праздность, невѣжество, жестокость, развратъ, пьянство, и несмотря на то, это высшее сословіе, почитаемое всѣми, Всѣ цари, кромѣ китайскаго, носятъ военный мундиръ, и тому, кто больше убилъ народа, даютъ бо̀льшую награду. Сойдутся на убійство другъ друга, перебьютъ, перекалѣчатъ десятки тысячъ людей, а потомъ будутъ служить благодарственные молебны за то, что побили много народу (которыхъ число еще прибавляютъ) и провозглашаютъ побѣду, полагая, что чѣмъ больше побито людей, тѣмъ бо̀льшая заслуга. Какъ Богъ оттуда смотритъ и слушаетъ ихъ?"

Такъ размышляетъ князь Андрей въ „Войнѣ и мирѣ".

Еще ранѣе, хотя не въ такихъ опредѣлительныхъ выраженіяхъ, Севастопольскіе разсказы отмѣчаютъ противорѣчіе между исповѣданіемъ христіанской религіи и взаимнымъ избиваніемъ людей.

Конечно, и Левинъ, понявшій „божій“ смыслъ жизни, никакъ не можетъ признать добровольческое движеніе народнымъ и христіанскимъ, несмотря на газетные возгласы и религіозныя церемоніи при проводахъ добровольцевъ.

Одновременно съ осужденіемъ войны въ сочиненіяхъ Толстого стало выражаться осужденіе убійства по суду, смертной казни. Впервые и совершенно случайно это осужденіе коснулось французскаго суда въ разоренной и сожженной Москвѣ. Чрезвычайно сильными чертами обрисовалъ авторъ „Войны и мира“ сцены разстрѣла „поджигателей“; эти послѣдніе испытываютъ не больше ужаса, чѣмъ солдаты, посланные для исполненія приговора и хорошо сознающіе, что они совершаютъ преступленіе.

Впрочемъ и Растопчинъ, по своему усмотрѣнію выдавшій Верещагина на растерзаніе разъяренной толпѣ, чувствовалъ въ первое время преступность свою, и только потомъ его умъ поддѣлалъ причину нравственнаго успокоенія: съ тѣхъ поръ какъ существуетъ міръ и люди убиваютъ другъ друга, ни одинъ человѣкъ не совершилъ преступленія, не успокаивая себя мыслью объ общемъ благѣ.

Стражемъ этого „общаго блага“ въ современныхъ государствахъ является судъ, также благословляемый церковью и также отрицаемый Толстымъ. Когда появилось „Воскресенье“, на Толстого обидѣлось духовенство за его „кощунство“, и обидѣлось судейское сословіе за насмѣшку надъ русскимъ судомъ. Но Толстой не имѣлъ въ виду именно русской церкви и русскаго суда. По кодексу Наполеона, по дореформенной кляузѣ, по уставамъ 1864 года—для Толстого, какъ и для Платона Каратаева, все равно: „гдѣ судъ, тамъ и неправда“.

Только „Богъ правду видитъ“, и поэтому „Мнѣ от-

мщеніе, и Азъ воздамъ“ (эпиграфъ къ роману „Анна Каренина“).

Всякій человѣческій судъ—это желобокъ для рѣчей подсудимаго. Всѣ вопросы, дѣлаемые на судахъ, имѣютъ цѣлью подставить желобокъ, по которому должны течь отвѣты подсудимаго и привести къ обвиненію. Если судьи видятъ, что подсудимый говоритъ не то, что имъ нужно, они отнимаютъ желобокъ. И всѣ подсудимые отъ Пьера Безухаго до Катюши Масловой испытываютъ поэтому недоумѣніе, для чего имъ задаются вопросы.

Для Толстого ужасъ преступленія состоитъ въ нарушеніи равновѣсія между „божьимъ“ смысломъ жизни и человѣческимъ дѣломъ. Возстановить это равновѣсіе нужнѣе всего. Каратаевъ съ умиленіемъ разсказываетъ, какъ запоздало человѣческое правосудіе, а Богъ уже и простилъ невинно осужденнаго купца.

— Ты, свѣтлыя пуговицы, значитъ, погоди, — говоритъ Акимъ, торопя своего сына каяться въ грѣхѣ: — Тутъ Божье дѣло идетъ... кается человѣкъ, значитъ,.. а ты, тае... ахту.

Участвуетъ церковь и въ нарушеніи другой признаваемой Толстымъ заповѣди: „не клянись“. „Не клянись“, по Толстому, значитъ: не присягай. Присяга въ глазахъ Пьера и Наташи, условное дѣло. Левинъ, какъ будто дѣлая что-то ненужное, постороннее, „въ соборѣ самыми страшными словами клялся исполнять все то, на что надѣялся губернаторъ“, т. е. служить для блага отечества и свято исполнять свой долгъ, оправдать высокое довѣріе монарха.

Тотъ же Левинъ выясняетъ читателю, какъ ничтожно все то, для чего люди „клянутся страшными словами“, это „служба для блага отечества“. Присутствуя на дворянскихъ выборахъ, онъ видитъ озлобленныя лица, слышитъ крики:

— Кто дворянинъ, тотъ понимаетъ... Мы кровь проливаемъ... Довѣріе монарха...

Левину тяжело было смотрѣть на уважаемыхъ имъ хорошихъ людей въ такомъ непріятномъ, зломъ возбужденіи. Выйдя вонъ и увидя спокойныя, оживленныя лица лакеевъ, хлопотавшихъ около стола, Левинъ испыталъ неожиданное чувство облегченія.

Герои Толстого понимаютъ, что для переживанія такого пріятнаго чувства имъ не нужно ни служебныхъ отличій, ни клятвы, ни суда, ни администраціи. Имъ нужно только „не противиться злу", „не гнѣваться на враговъ", „прощать имъ".

Каренинъ говоритъ Вронскому: „Я простилъ, я хочу подставить другую щеку, хочу отдать другую рубаху. Молю Бога, чтобы не отнялъ счастья прощенія".

„Радость прощенія сдѣлала то, что онъ вдругъ почувствовалъ не только утоленіе страданій, но и душевное спокойствіе. Онъ почувствовалъ, что то самое, что было источникомъ страданій, стало источникомъ духовной радости".

Радость прощенія и любовь къ врагамъ позналъ и смертельно раненый Болконскій.

Толстому всегда казалось, что, мѣшая человѣку жить по-Божьи, прощать врагамъ, любить ихъ и т. д., всѣ наши учрежденія, начиная съ суда, проникнуты фальшью и безнравственны.

Эти учрежденія признаютъ и защищаютъ власть человѣка надъ человѣкомъ, и уже князь Андрей, очень рѣзко отзываясь о „скотской жизни" крестьянъ, признаетъ необходимость раскрѣпощенія „для тѣхъ людей, которые гибнутъ нравственно, наживаютъ себѣ раскаяніе и грубѣютъ отъ того, что у нихъ есть возможность казнить право и неправо". Впослѣдствіи Толстой во всеуслышаніе скажетъ, что пользоваться „законной" возможностью сѣченія крестьянъ прежде всего „стыдно".

Кромѣ позорнаго тѣлеснаго наказанія, есть и еще другой видъ не менѣе позорнаго и все же допустимаго по закону насилія надъ тѣломъ человѣка, надъ тѣломъ женщины.

Въ „Аннѣ Карениной“ Толстой не забываетъ подчеркнуть, что Марьѣ Николаевнѣ „никто не говорилъ „Вы“, кромѣ мирового судьи, когда ее судили за то, что она хотѣла уйти изъ дома разврата“.

Всѣмъ извѣстно, какъ за послѣдніе годы нападалъ Толстой на развращенность общества, поддерживаемую и освящаемую закономъ и церковью, какъ, допуская крайности, высмѣивалъ онъ то отношеніе къ женщинѣ, при которомъ она всѣми силами стремится „заманить“ мужчину.

Но можетъ быть не всѣмъ памятно, что еще на зарѣ своей литературной дѣятельности, именно въ „Дѣтствѣ“ и „Казакахъ“, авторъ „Крейцеровой сонаты“ дѣлаетъ первыя, слабыя нападенія на бальные дамскіе туалеты (Авдотья Васильевна „стыдится“ передъ слугами своего открытаго бальнаго платья) и тамъ же выступаетъ противъ „красивой любви“, въ которой нѣтъ „ни одной искры правды“, но зато много „нѣжностей и лжи“, и чувственности и пр.

Оленинъ, величая казачку Марьяну „величавой женщиной въ первобытной красотѣ“, съ чувствомъ омерзѣнія, гадливости вспоминаетъ „женщинъ съ припомаженными волосами надъ подсунутыми чужими буклями“, съ „неестественно шевелящимися губками, спрятанными и изуродованными слабыми членами“: богатыхъ невѣстъ съ выраженіемъ лица, говорящимъ: „ничего, можно, подходи, хоть я и богатая невѣста“; „эти ухаживанія и пересаживанья, это наглое сводничанье паръ“ и т. д.

Въ „Войнѣ и мирѣ“ мы уже находимъ очень подробное изложеніе взглядовъ автора на бракъ. Наташа, нарушая „золотое правило, проповѣдуемое умными людьми, въ особенности французами“, совершенно от-

брасываетъ въ сторону всякія средства „очарованія“, „прельщенія“ мужа. Для нея не существуетъ вопроса о правахъ женщинъ, такъ какъ она не ищетъ красивой любви и ясно понимаетъ цѣль брака.

„Если цѣль обѣда — питаніе тѣла, то тотъ, кто съѣстъ вдругъ два обѣда, достигнетъ, можетъ быть, бòльшаго удовольствія, но не достигнетъ цѣли, ибо оба обѣда не переварятся желудкомъ.

Если цѣль брака есть семья, то тотъ, кто захочетъ имѣть много женъ и мужей, можетъ быть, получитъ много удовольствія, но ни въ какомъ случаѣ не будетъ имѣть семьи“.

Семья всецѣло поглощаетъ вниманіе и силы Наташи; она сама кормитъ ребенка, несмотря на противодѣйствіе докторовъ, и за всѣми хлопотами ей некогда думать о нарядахъ, о прическѣ, даже о пѣніи.

Въ „Аннѣ Карениной“ Толстой обрушивается на свѣтскихъ женщинъ въ родѣ Бетси, которая въ театрѣ „спускаетъ лифъ, чтобы, какъ слѣдуетъ, быть вполнѣ голой“.

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ впослѣдствіи въ „Крейцеровой сонатѣ“, Толстой устами стараго князя негодуетъ на заманиванье „женишковъ“, прикрытое сочиненными интересами: „Ахъ, спиритизмъ, ахъ, Ницца, ахъ, на балу“.

А Левинъ возмущается тѣмъ, что современный бракъ съ самаго начала носитъ въ себѣ зародышъ разложенія, такъ какъ мужчины съ прошлыми грѣхами сближаются въ бракѣ съ невинными существами.

Неоднократно на всемъ протяженіи романа встрѣчаются нападки на развратъ, жестокость и фарисейство, которыми проникнуты современныя брачныя отношенія, и которыхъ не замѣчаютъ люди только потому, что одурманиваются виномъ и табакомъ. Но кромѣ этихъ средствъ, „одурманивающихъ“ совѣсть, Толстой находитъ другія, гораздо болѣе сильныя.

Первое изъ нихъ — „ложная наука“. Еще въ „Дѣтствѣ и отрочествѣ“ умъ трактуется, какъ слабая, ничтожная пружина моральной дѣятельности, а вскорѣ затѣмъ Толстой выступаетъ въ походъ противъ науки. Въ особенности достается медицинѣ. Задолго до „Плодовъ просвѣщенія“, Оленинъ соглашается съ Ерошкой, что у „дохтуровъ“ „одна все фальчь“, а старый князь въ „Аннѣ Карениной“, „какъ не глупый человѣкъ, не вѣритъ въ медицину“, и медицинское освидѣтельствованіе Кити представлено, какъ ненужный и грязный актъ.

„Докторъ съ особымъ удовольствіемъ настаивалъ на томъ, что дѣвичья стыдливость есть только остатокъ варварства, и что нѣтъ ничего естественнѣе, какъ то, чтобы еще не старый мужчина ощупывалъ молодую обнаженную дѣвушку“.

Аннѣ Карениной также услужливый докторъ указалъ, что можно не родить дѣтей, и это уклоненіе отъ природнаго призванія женщины возмущаетъ Долли.

Въ такомъ же нелестномъ освѣщеніи выступаетъ и представитель юридической науки, предлагающій Каренину свои услуги по расторженію брака.

Классицизмъ представляется просто, какъ „пилюли антинигилистическія“, а въ разговорѣ о женскомъ образованіи старикъ князь, „неглупый“, какъ мы видѣли, человѣкъ, довольно грубо и плоско высмѣиваетъ этотъ вопросъ. Останавливаться на „Плодахъ просвѣщенія“ мы уже считаемъ излишнимъ.

Уходя отъ цивилизаціи, Оленинъ чувствуетъ себя свободнѣе и самъ ощущаетъ доброжелательное отношеніе къ себѣ нецивилизованныхъ людей. Его тяготитъ одно то, что Марьяна не понимаетъ его съ „сложнымъ, негармоническимъ, уродливымъ прошедшимъ“. „Она не пойметъ не потому, что она ниже меня, напротивъ, она не должна понимать меня. Она счастлива, она, какъ природа, ровна, спокойна и сама въ себѣ. А я, иско-

верканное, слабое существо, хочу, чтобы она поняла мое уродство и мои мученія".

Очевидно, что при такихъ взглядахъ на цивилизацію Оленинъ не захотѣлъ бы цивилизовать народъ и тѣмъ „уродовать" его. Его несчастіе не въ томъ, что онъ не можетъ поднять Марьяну до себя, а въ томъ, что онъ не можетъ вернуться къ ея первобытной гармоничности. Не ясно ли уже отсюда, „кому у кого учиться?"

Съ бо̀льшей систематичностью и подробностью выяснены взгляды Толстого на науку въ его педагогическихъ статьяхъ, но въ своей основѣ они тѣ же, что и въ произведеніяхъ беллетристическихъ, цитированныхъ выше.

Точно также въ основныхъ положеніяхъ трактата „Что такое искусство", принятаго, какъ что-то такое новое, на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего новаго сравнительно съ прежними взглядами Толстого, выраженными имъ въ романахъ. Толстой давно говоритъ о ложномъ искусствѣ, которое наряду съ ложной наукой скрываетъ отъ людей истинное пониманіе жизни.

Разсказывая, какъ Вронскій почувствовалъ неудовлетворенность послѣ обладанія Анной и въ поискахъ за средствами заглушить тоску принялся за искусство, Толстой говоритъ:

„Онъ не могъ себѣ представить того, чтобы можно было вовсе не знать, какіе есть роды живописи, и вдохновляться непосредственно тѣмъ, что есть въ душѣ, не заботясь, будетъ ли то, что̀ онъ пишетъ, принадлежать къ какому-нибудь извѣстному роду".

Это не настоящее искусство, подражательное искусство впослѣдствіи послужитъ мишенью для трактата: „Что такое искусство".

Предвѣстьемъ этого трактата является и то мѣсто романа, гдѣ Левинъ, выслушавъ фантазію Вагнера „Король Лиръ въ степи", встрѣченную громкими рукоплесканіями, „испытывалъ чувство глухого, смотря-

щаго на танцующихъ". Не только безцѣльность, но и безнравственность ложнаго искуства или, скорѣе, той обстановки, въ которой наслаждаются имъ праздные люди, съ поразительной опредѣленностью изображена въ „Войнѣ и мирѣ".

Наташѣ пріятно и непріятно, что въ театрѣ сотни глазъ смотрятъ на ея обнаженныя руки и шею, и у ней цѣлый рой соотвѣтственныхъ желаній, волненій. Вотъ вошла красивая дама съ очень оголенными бѣлыми плечами и шеей и долго усаживалась, шумя своимъ толстымъ шелковымъ платьемъ. Кругомъ женщины въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ на голомъ тѣлѣ жадно смотрятъ на сцену.

На сценѣ были ровныя доски посерединѣ, съ боковъ стояли крашеныя картины, изображавшія деревья, позади было протянуто полотно на доскахъ. Въ серединѣ сцены сидѣла дѣвица. Одна очень толстая сидѣла особо. Всѣ пѣли что-то. Когда онѣ кончили свою пѣсню, дѣвица въ бѣломъ подошла къ будочкѣ суфлера, и къ ней подошелъ мужчина въ шелковыхъ въ обтяжку панталонахъ съ перомъ и кинжаломъ и сталъ пѣть и разводить руками. Потомъ пропѣла она. Потомъ оба замолчали, и мужчина сталъ перебирать пальцами руку дѣвицы, очевидно выжидая такта, чтобы начать свою партію вмѣстѣ съ нею.

Послѣ деревни и въ своемъ серьезномъ настроеніи все это было дико и удивительно Наташѣ. Она видѣла только крашеныя картины и странно напряженныхъ мужчинъ и женщинъ, при яркомъ свѣтѣ странно двигавшихся, говорившихъ и пѣвшихъ; все это было такъ вычурно-фальшиво и ненатурально, что ей становилось то совѣстно за актеровъ, то смѣшно на нихъ.

Во 2-мъ актѣ картина, изображающая монументы, и дыра въ полотнѣ, изображающая луну. Люди махали руками. Тащили дѣвицу, но утащили не сразу, а долго съ ней пѣли.

Въ 3-мъ актѣ дворецъ. Царь замахалъ правою рукой и, видимо робѣя, дурно пропѣлъ что-то и сѣлъ на малиновый тронъ. Скрипка заиграла тонко и весело, одна изъ дѣвицъ съ голыми толстыми ногами и худыми руками стала прыгать и бить одной ногой о другую. Потомъ одинъ мужчина съ голыми ногами сталъ прыгать очень высоко. Мужчина этотъ былъ Дюпоръ, получавшій 60 тысячъ въ годъ за это искусство...

Между зрителями поднялся страшный шумъ и трескъ и т. д.

Это совершенно тотъ же языкъ, тотъ же пріемъ и конечно та же идея, что̀ и въ трактатѣ объ искусствѣ.

Нѣсколькими главами выше Толстой иллюстрируетъ другую мысль, вошедшую потомъ въ этотъ трактатъ, именно о заразительности настоящаго искусства, способнаго сближать людей. Это та глава, гдѣ говорится, какъ старикъ Ростовъ, съ увлеченіемъ наигрываетъ на гитарѣ и напѣваетъ „барыню", а Наташа, точно сбросивъ съ себя все пріобрѣтенное отъ эмигрантки-француженки, своей гувернантки, подпираетъ руки въ бока и съ платочкомъ пускается въ русскую пляску.

„Она сдѣлала то самое и такъ точно, такъ вполнѣ точно это сдѣлала, что Анисья Ѳедоровна, которая тотчасъ подала ей необходимый для ея дѣла платокъ, сквозь смѣхъ прослезилась, глядя на эту тоненькую, граціозную, такую чужую ей, въ шелку и въ бархатѣ воспитанную графиню, которая умѣла понять все то, что было и въ Анисьѣ, и въ отцѣ Анисьи, и въ теткѣ, и въ матери, и во всякомъ русскомъ человѣкѣ".

Нападая на ложную науку и ложное искусство, Толстой видитъ третьяго врага въ ложномъ государственномъ и общественномъ устройствѣ. Изъ всѣхъ его художественныхъ произведеній особенно ясно говоритъ объ этомъ „Воскресеніе".

Люди, даже не желая зла, совершаютъ зло, когда принимаются за невозможное дѣло: исправленіе зла

механическимъ государственнымъ путемъ. Если бы была задана психологическая задача, разсуждаетъ Нехлюдовъ, какъ сдѣлать такъ, чтобы люди нашего времени, христіане, гуманные, просто добрые люди совершали самыя ужасныя злодѣйства, не чувствуя себя виноватыми, то возможно только одно рѣшеніе: надо, чтобы, во-первыхъ, они были увѣрены, что есть такое дѣло, называемое государственной службой, при которомъ можно обращаться съ людьми, какъ съ вещами, безъ человѣческаго, братскаго отношенія къ нимъ, а во-вторыхъ, чтобы люди этой самой государственной службой были связаны такъ, чтобы отвѣтственность за послѣдствія ихъ поступковъ съ людьми не падала ни на кого отдѣльно.

Но тѣмъ, кто захотѣлъ бы видѣть здѣсь новую, впервые высказанную мысль, слѣдуетъ обратиться хотя бы къ тѣмъ страницамъ „Войны и мира", гдѣ идетъ рѣчь о судѣ надъ Пьеромъ. Пьеръ пробуетъ разрѣшить вопросъ о томъ, кто же приговорилъ его къ смерти. Это не тѣ люди, которые допрашивали его въ комиссіи, и не маршалъ Даву, и не его адъютантъ. Всѣ они ничего не могли имѣть противъ него, Пьера. Кто же это наконецъ казнилъ, убивалъ, лишалъ жизни его, Пьера, со всѣми его „воспоминаніями, стремленіями, надеждами, мыслями? Кто дѣлалъ это? И Пьеръ чувствовалъ, что это былъ никто. Это были порядокъ, складъ обстоятельствъ".

И потому порядокъ, государство его гарантирующее, вызываетъ самое враждебное отношеніе со стороны Толстого. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характерно его изображеніе Наполеона, который со всѣмъ своимъ величіемъ государственности оказывается мелкимъ, гордымъ, близорукимъ, жалкимъ человѣкомъ. Толстой указываетъ на заблужденіе Пьера, думавшаго, что стоитъ убить Наполеона, и Россія была бы спасена. Заблуждается и исторія, „та, которая называется этимъ сло-

вомъ", придавая значеніе дѣйствіямъ тѣхъ или иныхъ генераловъ и государей. „Настоящая", какъ говоритъ Толстой, жизнь не зависитъ отъ всѣхъ этихъ выразителей государственности, оффиціальныхъ устроителей „общаго блага". Они ничего не могутъ направить, а только могутъ помѣшать естественному ходу жизни.

Въ концѣ романа Пьеръ возмущается реакціонной дѣятельностью правительства:

„Въ судахъ воровство, въ арміи одна палка... мучатъ народъ; просвѣщеніе душатъ; что молодо, честно, то губятъ", и Толстой добавляетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ правительство, вглядѣвшись въ дѣйствіе какого бы то ни было правительства, всегда такъ говорятъ люди.

Характеризуя симпатичныя для него черты Каратаева, Толстой не упускаетъ сказать, что онъ спустилъ съ себя все „солдатское", т.-е. все, что носило отпечатокъ государственности. При описаніи же торжественныхъ встрѣчъ и проявленій государственнаго патріотизма (напр. сцена въ Кремлѣ) у Толстого непремѣнно выступаютъ такія подробности, какъ „озвѣрѣлыя лица".

Въ чемъ же корень зла во всякомъ государственномъ устройствѣ, извѣстномъ исторіи?

Съ наибольшей опредѣлительностью тоже въ „Воскресеніи" Толстой высказываетъ ту мысль, что такъ называемый „порядокъ" есть организованное порабощеніе большинства меньшинствомъ. Всѣ учрежденія, въ томъ числѣ и судъ оказываются „административнымъ орудіемъ для поддержанія существующаго порядка вещей, выгоднаго нашему (дворянскому) сословію... и для этого преслѣдуютъ и казнятъ, какъ тѣхъ, которые стоятъ выше общаго уровня и хотятъ поднять его, такъ называемыхъ политическихъ преступниковъ, такъ и тѣхъ, которые стоятъ ниже его, такъ называемыхъ преступныхъ типовъ".

Какъ извѣстно, Нехлюдовъ понялъ, что выходъ изъ

современнаго ужаснаго, несправедливаго „порядка“ — одинъ, именно отмѣна земельной собственности.

„Не можетъ быть земля предметомъ собственности, не можетъ быть предметомъ купли и продажи, какъ вода, какъ воздухъ, какъ лучи солнца. Всѣ имѣютъ одинаковое право на землю и на всѣ преимущества, которыя она даетъ людямъ“.

Здѣсь мы подошли вплотную къ той основѣ толстовскаго міросозерцанія, на которой онъ строитъ свои представленія о настоящей религіи и наукѣ, настоящемъ искусствѣ и порядкѣ жизни.

Герой одного изъ самыхъ раннихъ произведеній Толстого, князь Нехлюдовъ въ „Утрѣ помѣщика“ (1852 г.) бросаетъ университетъ, чтобы заняться своимъ деревенскимъ хозяйствомъ, и онъ находитъ, что главная причина его разстройства „заключается въ самомъ жалкомъ, бѣдственномъ положеніи мужиковъ“, и увѣренъ, что ему не нужно ни кандидатскаго диплома, ни чиновъ для того, чтобы быть полезнымъ и дѣлать добро. Дѣланіе добра начинается съ того, что Нехлюдовъ вызываетъ искреннее отчаяніе мужика Чуриса и его семьи, предложивъ имъ переселиться изъ полуразвалившейся избы въ новыя каменныя избы—„избы важныя, остроги словно“—на его новомъ хуторѣ, а семилѣтняго сынишку Чуриса, „всю подсобку“ и „подмогу“ отца, послать „въ училищу“. Проходитъ цѣлый годъ сельско-хозяйственныхъ занятій Нехлюдова—и Нехлюдовъ не чувствуетъ никакого удовлетворенія: все „не то“, и ему начинаетъ казаться, что легче самому быть счастливымъ, чѣмъ дать счастье другимъ. Ни придуманная имъ молотильная машина, ни вычитанныя изъ книжекъ свѣдѣнія по пчеловодству, ни его идея крестьянской фермы—ничто не прививалось къ крестьянскому обиходу, и Нехлюдова брала тоска и даже какое-то тяжелое чувство стыда. „Не то“.

Но счастье добраго дѣла не отнято у человѣка.

Нужно лишь отбросить „воображаемыя“ знанія современной цивилизаціи и прислушиваться къ внутреннему, непогрѣшимому голосу.

Именно эта мысль развивается въ разсказѣ „Люцернъ“. „Событіе, происшедшее въ Люцернѣ седьмого іюля 1857 года“—равнодушіе богатыхъ обитателей отеля къ нищему пѣвцу, представляется автору „значительнѣе, серьезнѣе, чѣмъ факты, записываемые въ газетахъ и исторіяхъ“. Почему этотъ „безчеловѣчный“ фактъ, невозможный въ деревнѣ, оказался возможенъ тамъ, гдѣ у всѣхъ на языкѣ „цивилизація, свобода, равенство“, среди богатѣйшихъ представителей разныхъ цивилизованныхъ націй?

„Отчего эти развитые, гуманные люди не имѣютъ человѣческаго, сердечнаго чувства на личное доброе дѣло? Неужели нѣтъ этого чувства, и мѣсто его заняли тщеславіе, честолюбіе и корысть, руководящія этихъ людей въ ихъ палатахъ, митингахъ и обществахъ? Неужели распространеніе разумной, себялюбивой ассоціаціи людей, которую называютъ цивилизаціей, уничтожаетъ и противорѣчитъ потребности инстинктивной и любовной ассоціаціи?“

Слово выговорено: инстинктивная, любовная ассоціація. Свобода, равенство, братство, устанавливаемыя „палатами“ и „митингами“, за которые пролиты моря крови—все это самообманъ человѣческаго ума. Нужно „попростѣть“, какъ попростѣлъ Пьеръ, чтобы понять основы любовной ассоціаціи. Пьеръ уже не знаетъ колебаній и тоски Нехлюдова. Онъ увѣренно дѣйствуетъ въ сношеніяхъ съ людьми, знаетъ, кому нужно помочь и какъ, онъ любитъ всѣхъ, ни на кого не гнѣвается, а „когда ему предлагали служить или когда обсуждали какія-нибудь общія государственныя дѣла и войну, предполагая, что отъ такого-то или такого-то исхода событія зависитъ счастіе всѣхъ людей, онъ слушалъ съ кроткой соболѣзнующей улыбкой“.

Съ участіемъ дѣйствительно любовнымъ Толстой характеризуетъ Платона Каратаева, подъ вліяніемъ котораго „съ новой красотой, на новыхъ и незыблемыхъ основахъ“ перестроилось міросозерцаніе Пьера. Эти основы — любовь къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Каратаевъ любитъ Пьера и шавку, своихъ товарищей и французовъ. Собственная жизнь для Каратаева „не имѣетъ смысла, какъ отдѣльная жизнь“, но только какъ „частица цѣлаго“.

Въ сущности то же самое, что коротко и живо говорится о Пьерѣ и Каратаевѣ, развивается Толстымъ подробно и отвлеченно главнымъ образомъ въ концѣ романа „Война и миръ“, цѣликомъ построеннаго на своеобразной философіи исторіи, чрезвычайно близкой міросозерцанію Каратаева и „попростѣвшаго“ Пьера. Оригинальнѣйшимъ приложеніемъ того же міросозерцанія къ вопросамъ образованія были статьи „Ясной Поляны“ и самая практика Яснополянской школы. Въ нашу задачу не входитъ разборъ этихъ статей, и мы не будемъ на нихъ останавливаться, тѣмъ болѣе что въ разсужденіяхъ Левина, героя „Анны Карениной“, мы найдемъ общее выраженіе и этихъ взглядовъ автора. Левинъ, богатый опытомъ Нехлюдова и Пьера, понимаетъ, что нельзя какъ то сверху или со стороны благодѣтельствовать людямъ и удовлетворяться этимъ: нужно „перемѣнить ту столь тягостную, праздную, искусственную и личную жизнь, которою онъ жилъ, на трудовую, чистую и общую, прелестную жизнь“. Для этого прежде всего слѣдуетъ отречься отъ старой жизни, „отъ своего ни къ чему ненужнаго образованія“ и личнымъ физическимъ трудомъ пріобщиться къ радостямъ земледѣльческаго уклада жизни. Но остановившись на этомъ, Левинъ лишь повторилъ бы въ исправленномъ видѣ гоголевскаго „трудового дворянина“ Костанжогло, который въ свою очередь былъ только почищеннымъ Собакевичемъ. Левинъ и не оста-

новился на повтореніи костанжогловской „пѣсни труду“; онъ понялъ, что и улучшеніе скота, и примѣненіе плуговъ, и сѣялки, словомъ, все, что вводилось въ крестьянскомъ хозяйствѣ по его иниціативѣ, подчиняясь общему правилу, прививается и живетъ лишь постольку, поскольку воспринимается народомъ сознательно и охотно. Главное же, онъ понялъ, что его помѣщичьи интересы не только чужды и непонятны крестьянамъ, но „фатально противоположны ихъ самымъ справедливымъ интересамъ“.

Увлекаясь до карикатурнаго представленія предсѣдателя суда, допрашивающаго „Алешку-дурачка“ о „фактѣ похищенія ветчины“, Левинъ громитъ и наши народныя школы, и судебныя, и земскія учрежденія, потому что „все это похоже на березки, которыя мы натыкали, какъ въ Троицынъ день, для того, чтобы было похоже на лѣсъ, который самъ выросъ въ Европѣ“. Нужно отыскать новыя, соотвѣтствующія нашимъ русскимъ условіямъ „отношенія къ рабочей силѣ“, думать не о повышеніи, а можетъ быть о пониженіи сельскохозяйственной культуры, лишь бы только заинтересовать рабочихъ въ успѣхѣ хозяйства, идущаго согласно съ „инстинктами“ русскаго мужика. Не найдя въ перечитанныхъ имъ „политико-экономическихъ и соціалистическихъ“ сочиненіяхъ ничего подходящаго, Левинъ приступаетъ къ организаціи совмѣстнаго съ крестьянами хозяйства на артельныхъ началахъ. Онъ даже мечтаетъ написать сочиненіе, которое „должно было не только произвести переворотъ въ политической экономіи, но совершенно уничтожить эту науку и положить начало новой наукѣ—объ отношеніяхъ народа къ землѣ“. „Это дѣло не мое личное, думаетъ Левинъ, а тутъ вопросъ объ общемъ благѣ. Все хозяйство, главное положеніе всего народа, совершенно должно измѣниться. Вмѣсто бѣдности—общее богатство, довольство; вмѣсто

вражды согласіе и связь интересовъ. Однимъ словомъ, революція безкровная, но величайшая революція".

Признавъ несчастіемъ для Россіи „неправильное распредѣленіе поземельной собственности", Левинъ вооружается далѣе противъ ненормально привитой у насъ внѣшней цивилизаціи, противъ желѣзныхъ дорогъ, городской централизаціи населенія, развитія роскоши и фабричной промышленности.

Утвердившись на этой точкѣ зрѣнія, онъ обнаруживаетъ полное безразличіе и къ дворянскимъ выборамъ, и къ спорамъ о политикѣ, и къ университетскому вопросу, и къ церковнымъ обрядамъ — о чемъ мы уже упоминали выше. Трудовое общеніе съ народомъ приводитъ его къ усвоенію народной вѣры въ Бога и къ тому счастливому взгляду на жизнь, которымъ заканчивается романъ.

Мы прослѣдили, какъ издавна слагалось міровоззрѣніе Толстого, выражалось въ его литературныхъ произведеніяхъ, и видимъ, что въ немъ нѣтъ какихъ-нибудь скачковъ.

Но въ немъ, какъ давно было указано, есть своя десница и шуйца, связанныя кровною связью.

Нѣсколько поколѣній предковъ, обезпеченныхъ даровымъ трудомъ, накопили для „великаго писателя земли русской" огромный запасъ физической энергіи и умственныхъ силъ, которыя онъ отдалъ русской литературѣ къ ея славѣ и счастью. Тоже наслѣдіе предковъ — высокое общественное положеніе, дало ему при нашихъ русскихъ условіяхъ рѣдкую возможность смѣло и открыто говорить, когда онъ „не можетъ молчать". Онъ, только какъ художникъ, переживаетъ состояніе несвободы, и въ своихъ духовныхъ переживаніяхъ вѣчно свободный, не понимаетъ, что значитъ физическая неволя.

„Не пустилъ меня солдатъ", смѣется его Пьеръ, „поймали меня, заперли меня. Въ плѣну держатъ меня.

Кого? Меня? Мою безсмертную душу". Пьеръ взглянулъ въ небо, вглубь уходящихъ, играющихъ звѣздъ. „И все это мое, и все это во мнѣ, и все это я. И все это они поймали и посадили въ балаганъ, загороженный досками".

И Пьеру хочется смѣяться. Онъ громко смѣется надъ глупыми людьми, глупыми балаганами.

Съ высоты своего колоссальнаго критическаго ума и съ твердынь своей графской безнаказанности Толстой разбиваетъ „балаганы" современной общественности: церковь и государство, науку и искусство, соціальныя и семейныя нормы. Въ этомъ огромное, навсегда памятное дѣло Толстого. Нельзя представить себѣ въ настоящее время никакого реформатора въ области церкви, школы, соціальныхъ отношеній, семьи и т. д., который не былъ бы обязанъ Толстому за его предварительную хотя бы отрицательную работу.

„Но неужели только отрицательно?" раздумываетъ Левинъ, когда его заставляютъ точно опредѣлить, какъ онъ содѣйствуетъ исправленію жизни человѣчества. „Ну и что-жъ? Я не виноватъ", успокаиваетъ онъ себя.

Самъ Толстой также не виноватъ, что главная его сила въ отрицаніи. Въ юбилейной статьѣ В. Г. Короленко говорится о томъ, какъ однажды Толстой сѣтовалъ, что ему не пришлость пострадать за свои убѣжденія. Въ газетахъ передавалось также пожеланіе Толстого встрѣтить свой юбилей въ тюрьмѣ. Мы видимъ тутъ не фразу, а выраженіе дѣйствительнаго несчастья. Недосягаемый для репрессивныхъ мѣропріятій, конечно, не въ силу только своихъ литературныхъ заслугъ, графъ Толстой никогда не могъ практически, осязательно почувствовать значеніе общихъ, объективно, законно установленныхъ гарантій. Его Левинъ говорилъ, что бороться противъ жандармскихъ набѣговъ, извѣстныхъ ему по студенческимъ годамъ, онъ способенъ, но судить за ветчину Алешку-дурачка и думать о всякихъ иныхъ учре-

жденіяхъ, обслуживающихъ Алешку-дурачку, — онъ не способенъ, не хочетъ и не будетъ.

Такъ самъ авторъ, принадлежа къ сословію, стоящему у насъ надъ закономъ, просто-таки не заинтересовался вопросомъ о значеніи закона, и до сихъ поръ не въ состояніи имъ заинтересоваться, такъ что личная добрая жизнь и нравственное самосовершенствованіе „въ кругу любовной ассоціаціи“ людей представляется ему вполнѣ точнымъ, яснымъ и реальнымъ указаніемъ, какъ нужно поступать теперь же всѣмъ, кто понялъ настоящее ложное и несправедливое устройство жизни. Всякій разъ, какъ читателю, переживающему съ героемъ Толстого его сомнѣнія, начинаетъ казаться, что вотъ теперь смыслъ жизни найденъ, и онъ ясно увидитъ, за что ему нужно приниматься сегодня, сейчасъ—Толстой ставитъ точку и пишетъ „Конецъ“.

„Разстричься“, говоритъ Толстой, когда священникъ спрашиваетъ его, что нужно сдѣлать. „Разстричься“, говоритъ Толстой и студенческой депутаціи, пріѣхавшей къ нему съ привѣтомъ и тѣми же вопросами: „Что дѣлать теперь?“ То же „разстричься“, сказалъ бы Толстой и судьѣ, и министру, и палачу.

Но разстриженіе влечетъ обыкновенно за собой такія послѣдствія, которыхъ нельзя игнорировать. Какъ же быть съ ними?

Левинъ убѣжденъ, что войну за освобожденіе славянъ придумали „краснобаи“ газетчики да „безшабашные“ люди, которые готовы были бы хоть къ шайкѣ Пугачева пристать. Конечно, всѣмъ этимъ добровольцамъ, редакторамъ газетъ, занятымъ войной, если бы они спросили у Левина совѣта, онъ сказалъ бы „разстричься“. Но турки будутъ рѣзать славянъ? Левинъ этого не думаетъ: вѣдь „не можетъ быть непосредственнаго чувства къ угнетенію славянъ“. А въ концѣ концовъ, народъ купилъ себѣ „дорогой цѣной право“ предоставить варягамъ власть надъ собою: „не мы судимъ и

рѣшаемъ“, и нужно согласиться съ старикомъ Михайлычемъ, который „ласково и спокойно, ничего не понимая и не желая понимать“, на вопросъ Левина отвѣчаетъ:

„Что-жъ намъ думать? Александръ Николаевичъ, императоръ, насъ обдумалъ, онъ насъ и обдумаетъ во всѣхъ дѣлахъ. Ему виднѣй“.

Съ такой же лаской и спокойствіемъ Левинъ рѣшаетъ, что ему нечего задумываться самому о вѣрованіяхъ другихъ людей, и не зачѣмъ сообщать своей милой и любимой Кити, „тайну, для него одного нужную“.

Какимъ-то нежилымъ холодкомъ вѣетъ отъ стѣны, ограждающей это „святая святыхъ“, и недаромъ Катюша Маслова уходитъ съ своей любовью отъ „воскресшаго“ Нехлюдова.

Объ этомъ слабомъ мѣстѣ толстовства приходится настойчиво повторять, такъ какъ оно продолжаетъ служить причиной сознательныхъ и невольныхъ ошибокъ.

Такъ, съ одной стороны, не переводятся охотники воспользоваться именемъ Толстого для убѣдительнѣйшихъ, какъ имъ кажется, доводовъ противъ „революціонеровъ“. Но это орудіе въ рукахъ благонамѣренныхъ блюстителей существующаго порядка такъ же кстати, какъ были бы кстати сочиненія Толстого о религіи въ рукахъ какого-нибудь правовѣрнаго епископа, выступающаго на борьбу съ безбожниками. Несогласіе Толстого съ борцами за новый общественный и политическій строй происходитъ лишь потому, что Толстой противъ какой бы то ни было борьбы за какія бы то ни было государственныя учрежденія, и прежде всего и больше всего, всѣми силами своей души онъ противъ той борьбы, которую ведутъ наши охранители за ненавистный Толстому всего болѣе современный государственный строй.

Съ другой стороны, нѣкоторыхъ шокируютъ странныя, какъ имъ кажется, мнѣнія Толстого о такихъ,

напр., вопросахъ, какъ высшее образованіе, женское равноправіе и т. д. Но и здѣсь все дѣло въ своеобразной постановкѣ вопроса у Толстого. Въ частности, для него непріемлемы заботы о высшемъ образованіи, потому что онъ не желалъ бы ни высшаго, ни низшаго— а равнаго, всѣмъ въ одинаковой мѣрѣ доступнаго и никакихъ привилегій не создающаго образованія. Вопросъ же о женскомъ равноправіи и всякомъ другомъ равноправіи не можетъ не казаться празднымъ для человѣка, нарисовавшаго себѣ такой идеалъ, что связь между людьми поддерживается не сознаніемъ и отстаиваніемъ своихъ правъ, а любовью, не позволяющей нарушать чужія права. Идеалъ этой народной, или крестьянской, „христіанской", какъ говоритъ Каратаевъ, правды предполагается осуществимымъ теперь же безъ всякихъ промежуточныхъ стадій общественнаго устройства.

Конечно, не простой капризъ исторіи въ томъ, что русская знать, практика которой подрываетъ всякій престижъ власти, выдѣляетъ изъ своей среды крупнѣйшихъ теоретиковъ анархизма. Но въ противоположность другому титулованному анархисту, князю Крапоткину, графъ Толстой думаетъ мирно по способу какой-то грядковой культуры насадить сѣмена анархизма въ выбоинахъ капиталистическаго и бюрократическаго грунта. Толстому чужды убѣжденія М. Горькаго о томъ, что „не *я*, но *мы* — вотъ начало освобожденія личности"; что „истинный индивидуализмъ въ будущемъ, онъ за соціализмомъ, онъ не можетъ быть достигнутъ человѣкомъ нашихъ дней и онъ не по фигурѣ ему, какъ рыцарскія латы не по фигурѣ горбуну"; что „личность цѣлостная возможна лишь тогда, когда исчезнутъ герои и не будетъ толпы, когда явятся люди, связанные другъ съ другомъ чувствомъ взаимнаго уваженія". „Это чувство, говоритъ М. Горькій, должно возникнуть изъ воспоминаній о великой коллективной

работѣ, которую народъ совершилъ въ прошломъ ради своего возрожденія, это чувство должно укрѣпиться сознаніемъ единства опыта у каждаго со всѣми и солидарности задачъ всѣхъ и каждаго. А со временемъ это чувство уваженія человѣка къ человѣку претворится въ религію, ибо религіей человѣчества должна быть прекрасная и трагическая *исторія его подвиговъ и страданій въ безконечной, грандіозной борьбѣ за свободу духа и за власть надъ силами природы*".

Чуждый этой религіи будущаго, Л. Толстой ищетъ въ христіанствѣ тѣхъ элементовъ, которые нужны ему для его религіи.

Между тѣмъ даже то самое древне-христіанское ученіе, которое такъ близко анархистскому сердцу Толстого, было чисто лишь до тѣхъ поръ, пока оно было религіей женщинъ, рабовъ и всѣхъ отверженныхъ. Какъ только оно стало „отъ міра сего", какъ только заложенный въ немъ анархизмъ втиснутъ въ рамки государственной религіи, оно обратилось въ ненавистную Толстому церковь съ ея насиліемъ, фарисействомъ, ложью.

Вырвавъ моральную сущность христіанства изъ церковной формы, Толстой уберегся отъ того, что постигло, напр., Гоголя, но многія разсужденія послѣдняго, въ особенности въ „Перепискѣ", показываютъ, что онъ погибъ въ той западнѣ, которая оказалась тѣсна для Толстого. Но въ томъ, что Гоголь не могъ удовлетвориться религіей, такъ сказать, дестиллированной, несомнѣнно, сказалась его близость къ рядовому человѣческому типу мысли и чувства.

Самъ Толстой, отвергнувъ христіанскую религію съ ея церковнымъ содержаніемъ, наполняетъ ее „христіанскимъ" — крестьянскимъ содержаніемъ.

Однако насколько далеко можно итти за нимъ въ этомъ направленіи?

Неудивительно, что помѣщикъ Нехлюдовъ—Левинъ—

Толстой, связанный съ крестьянствомъ вѣковой исторіей своего сословія, ищетъ спасенія въ единеніи съ нимъ и, „балансируя между коммунизмомъ и опредѣленными формами“ (упрекъ брата Николая Левину), отрицаетъ капитализмъ, желѣзныя дороги и проч.; что пониманіе „важнаго дѣла“ выражается у него въ отчетливомъ разрѣшеніи вопроса о дешевомъ наймѣ рабочихъ, объ отмѣнѣ штрафовъ за загнанную скотину, о строгомъ взысканіи за порубку лѣсовъ и т. д.

Но не только удивительно, а прямо-таки немыслимо, чтобы всякій иной человѣкъ не-Левинъ, не-Толстой, при своемъ не-левинскомъ, не-толстовскомъ индивидуальномъ жизненномъ опытѣ и всемъ собственномъ интеллектуальномъ складѣ пришелъ къ тому же инстинктивно-безошибочному чувству „самаго важнаго дѣла“. Вполнѣ естественно, что мужики, вырубавшіе лѣсъ и уходившіе отъ барина въ „дорогіе лѣтніе мѣсяцы“, иначе понимали жизненную правду; однако Левинъ считалъ себя въ правѣ путемъ взысканій и вычетовъ склонять ихъ къ своему пониманію истины. Но если ясно, что истина должна быть для всѣхъ одинакова — для Пьера, Каратаева, Акима и Левина, то не менѣе ясно и то, что всецѣло подчиняя свои дѣйствія внутреннему непосредственному чутью, мы или рисковали бы стать на старую дорогу отеческаго попеченія о соблюденіи „народомъ“ „народной правды“, въ чемъ и не безгрѣшенъ Левинъ, или должны были бы признавать за собой по крайней мѣрѣ ту силу знанія жизни и человѣка, въ которой можетъ съ Толстымъ сравняться только Толстой.

Если же ни то, ни другое, то намъ остается, идя подъ тѣмъ же знаменемъ народнаго блага, какъ и Толстой, внести въ ученіе его поправку, прекрасно формулированную Михайловскимъ:

„Безспорно, что у мужика есть чему поучиться, но есть и намъ, что̀ ему передать. И только изъ взаимо-

дѣйствія его и нашего и можетъ возникнуть вожделѣнный новый періодъ русской исторіи. Голосъ деревни слишкомъ часто противорѣчитъ ея собственнымъ интересамъ, и задача состоитъ въ томъ, чтобы искренно и честно признавъ интересы народа своею цѣлью, сохранить въ деревнѣ, какъ она есть, только то, что дѣйствительно этимъ интересамъ соотвѣтствуетъ. Дѣло идетъ объ обмѣнѣ между нами и народомъ, обмѣнѣ честномъ, безъ шулерства и заднихъ мыслей, въ результатѣ котораго получается равенство обмѣненныхъ цѣнностей. О, если бы я могъ утонуть, распылиться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, но сохранивъ тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть насчетъ того же народа!“

Какъ есть религія и религія, такъ есть народъ и народъ. Есть религія соціалистическаго писателя и есть религія почаевскаго монаха; есть народъ крестьянскаго союза и есть народъ союза истинно-русскаго. Поэтому не долженъ угасать „свѣточъ истины и идеала“, поэтому не нужно ждать, что за насъ нашу долю „обдумаетъ“ кто-то, „кому виднѣй“.

Фактически толстовцемъ, не оскорбляющимъ своей жизнью самой сущности, самой святыни толстовскаго ученія, можетъ быть только гр. Л. Н. Толстой въ изоляціи всѣхъ условій своего положенія, вплоть до графини Софьи Андреевны Толстой, ведущей дѣловыя сношенія съ издателями сочиненій ея мужа и полемизирующей съ русскими архіереями, наложившими на нихъ проклятіе.

Только одна большая непослѣдовательность есть въ этомъ философѣ, нашедшемъ „царство Божіе внутри себя“, постигнувшемъ, „въ чемъ счастье“ „каждаго отдѣльнаго человѣка, независимо отъ того, каковъ міръ“ — это непослѣдовательность, вышибающая слезу изъ его нестарѣющаго сердца, когда въ его воображеніи рисуется, неопасная для него лично, „намыленная

веревка“, эмблема власти „сильныхъ и трезвыхъ“, и проповѣдникъ „непротивленія злу“ требуетъ, чтобы употребили насиліе противъ его злого слова. Та же непослѣдовательность не разъ проявлялась у Толстого и раньше; она заставила, напр., его подписаться первымъ подъ коллективнымъ привѣтствіемъ бывшему предсѣдателю „Союза писателей“, когда онъ былъ закрытъ за выраженіе протеста противъ дѣйствій полиціи 4-го марта 1901 года.

Зная эту непослѣдовательность, все современное человѣчество, вѣрящее въ силу культуры, въ силу правовыхъ общественныхъ нормъ, въ свое право борьбы за нихъ, допустило и съ своей стороны большую непослѣдовательность по отношенію къ Толстому: начиная отъ выдающихся мыслителей и ученыхъ Запада и кончая русскими рабочими и крестьянами, оно поклонилось Л. Толстому.

Пусть какъ можно дольше и слышнѣе идетъ изъ „Ясной Поляны“ могучій призывъ великаго ума и великой совѣсти къ отреченію отъ стараго міра. Но для всѣхъ, кому дорогъ этотъ призывъ, „Ясная Поляна“ гр. Толстого мала. Они такъ же, какъ ея обитатель, въ своей собственной жизни отыскивая указаній на средства къ достиженію жизни лучшей, не забудутъ, что лишь коллективными усиліями, борьбой можно новый міръ построить, который для всѣхъ сталъ бы Ясной Поляной.

Цѣна 60 коп.

ИЗДАНІЕ ПОМѢЩАЕТСЯ
ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ ТИПОГРАФІИ
М. М. Стасюлевича
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 л., 28

